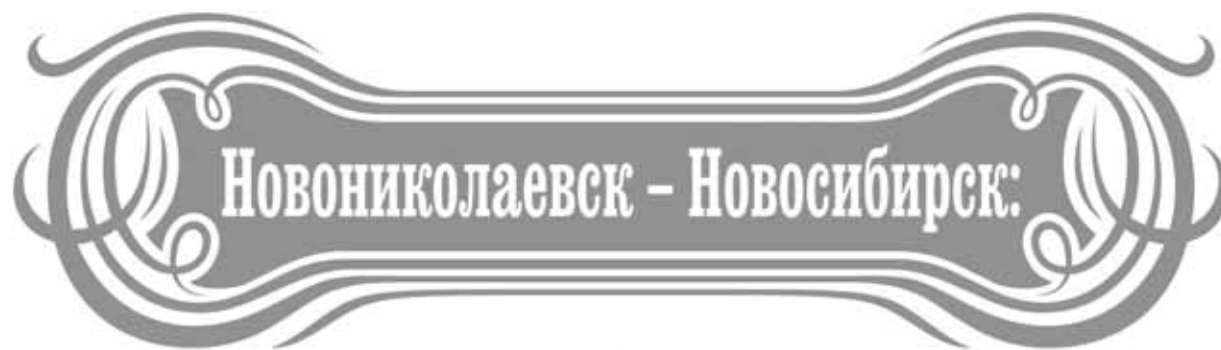

Алексей Крeтинин

одна судьба на двоих

УДК 94 (571.14-25)
ББК 63.3 (2Рос-4Нос-2Нов)
К 804

Кретинин А.Е.

К 804 «Новониколаевск — Новосибирск: одна судьба на двоих». — Новосибирск,
«Советская Сибирь», 2010. — 530 стр.: ил.
ISBN 5-86272-050-2

В этой книге история города Новосибирска предстает в необычном виде — через призму истории другого города, Новониколаевска. Их образы каждый по-своему уникальны и при этом настолько тесно переплетены, что уже неотделимы друг от друга. Конечно, не обойден вниманием ни тот, ни другой, ведь по сути это один город, но в то же время — два совершенно разных.

Основное достоинство книги в том, что она подробно рассказывает в первую очередь о людях, живших и живущих в Новосибирске (Новониколаевске), поскольку именно люди являются главным богатством любого города.

В кинематографии есть такое понятие — «крупный план». Это достаточно сложный способ подачи материала, хотя он дает возможность зрителю увидеть детали и разобраться в тонких нюансах игры актеров. Книга «Новониколаевск — Новосибирск: одна судьба на двоих» является, если можно так выразиться, крупным планом в киноленте истории нашего города.

Книга предназначена для всех интересующихся историей г. Новосибирска.

Алексей Кретинин: Новосибирск на память...

Автор этой книги Алексей Кретинин умер в 2008 году, немного не дожив до 42 лет. Очерки для книги он успел собрать сам, а подготовили к изданию книгу его друзья.

Краеведение — вещь неблагодарная. Уже изначально кажется, что все в ней должно быть скучно, мелко. Серьезных, или как пишет в своем предисловии Алексей Кретинин, «профессиональных» ученых краеведение интересует мало, хороших (то есть не скучных) книг фактически нет, историю «малых родин» в школах не проходят. В результате о прошлом города, улицы, дома, где сейчас живем, мы знаем гораздо меньше, чем об истории какой-нибудь Великой французской революции.

Этой своей ссылкой на «профессионалов», на то, что он, по собственному признанию, «намеренно не пользовался материалами архивов», Алексей как бы отделяет себя от ученых-историков. Да, мол, я историк по образованию, но по профессии — журналист. Поэтому его «исторические очерки» в первую очередь — это, конечно, журналистика. С вредной для истории «злойбой дня», очевидной предвзятостью, полемичностью. С частыми парал-

лелями между прошлым и настоящим, а порой и прямой апелляцией к нынешним депутатам и политикам.

Предвзятость Алексея Кретинина касается, прежде всего, деятелей известных. Ленина, Сталина, Луначарского, Щетинкина, Ярославского, Романова, Серебренникова, Эйхе и иже с ними. Нелюбовь Алексея к «пламенным революционерам», партфункционерам можно считать классовой. В конце 80-х прошлого века Кретинин сам был «профессиональным революционером», только с другой стороны баррикад. Он — один из учредителей и авторов легендарного «Пресс-бюллетеня», организатор антикоммунистических (а на тот момент, значит, и антиправительственных) митингов, пикетов, голодовок. Как Алексей сам потом говорил, он еще долго запоминал по городу проходные подъезды, чтобы убегать от милиции. Запоминал по привычке. А может, на всякий случай.

«Революционный опыт» очень помог Кретинину в журналистике. В 90-х он был не просто одним из, а бесспорно лучшим новосибирским политическим обозревателем. (Сейчас таких по определению нет). Непримирым, саркастичным, способным подняться над фактом, вычлени-

невидимые другим рычаги и пружины. «Послужной список» Алексея Крестина занимает немало места, но он стоит того, чтобы его привести. Собственный корреспондент журнала «Пасность». Редактор газеты «Сибирский курьер». Внештатный сотрудник Русской службы радио «Голос Америки». Редактор отдела политики газеты «Красный проспект». Корреспондент ИА «Постфактум» и Сибирского бюро издательского дома «Коммерсантъ». Внештатный сотрудник Русской службы радио Би-Би-Си. Редактор отдела политики еженедельника «Молодость Сибири». Редактор отдела политики, начальник информационно-аналитической службы еженедельника «Молодая Сибирь — Новая Сибирь». Сотрудник аналитической группы при председателе новосибирского Облсовета, консультант полномочного представителя Президента РФ по НСО по работе со СМИ. Редактор отдела политики регионального еженедельника «Континент-Сибирь». Редактор отдела политики журнала «Эксперт-Сибирь». Соучредитель и соредатор общественно-политической газеты «Сибирский городской». Корреспондент, внештатный автор газет «Новосибирский обозреватель», «Еженедельный город», журнала «Сибирские огни».

В своих воспоминаниях об Алексее один из его друзей, известный новосибирский литератор Георгий Селегей, пишет: «Есть риск, что из моего рассказа незнакомый с Крестиным человек представит его эдаким маргинальным бунтарем, упертым фанатиком с пылающим взором. Упаси Господь! Лешка был легким, смешливым, деликатным — и вообще тем, что называется «адекватный человек». Изящно тонкий, с носом мушкетерской остроты, он весьма элегантно смотрелся в смокинге — это к слову о породе. Хотя больше помнится, конечно, в джин-

совой куртке».

Поверьте, это действительно так. При этом и к себе Алексей относился вполне иронично, что «упертым фанатиком» вовсе не свойственно. Достаточно вспомнить, как он обыграл свою «говорящую фамилию» (более подходящую для псевдонима фельетониста), открыв в «Новой Сибири» рубрику «Веселые крестинки». Если и были у Алексея слабые стороны, то знал он о них гораздо лучше других. Вот и в этой книге в одном из очерков он полупушотливо признает: «Простите уж мне мой исторический антикоммунизм...»

Однако «упертым антикоммунистом» Алексей тоже не был. «Пламенных революционеров» он не любит прежде всего за их непроходимый крестинизм. (Чего стоит только одна история Новониколаевского Совдепа, пытавшегося разоружить чехословацкий легион, что привело к его восстанию). Самое же главное для Крестина заключалось в том, что большинство функционеров, засоривших своими именами карту города, как правило, ничего хорошего (в лучшем случае!) для города не сделали. А многие из них в принципе никакого отношения к городу не имели. Как пишет Алексей: «Все же Новосибирск — город в своем роде уникальный. «Забыв» многих достойных людей, внесших свою лепту в его появление, становление и развитие, город увековечил в названиях собственных улиц и площадей персонажей, никогда и близко от города не бывавших...»

А забыли мы действительно многих. Реальных основателей города, строителей моста, железной дороги Григория Будагова, Николая Тихомирова, Николая Меженинова. Секретаря Новосибирского обкома ВКП Михаила Кулагина, председателя горисполкома Ивана Севастья-

нова. Почему-то палач Эйхе свою улицу в Новосибирске имеет, а Кулагин, который репрессиями себя не запятнал и превратил город в один из крупнейших промышленных и оборонных центров страны, — нет. Почему-то есть улица Андрея Лаврова, возглавлявшего Новониколаевский губисполком и горсовет «аж с 10 августа по 6 декабря 1922 года», а улицы Севастьянова, который руководил городом два десятка лет и на чьем наследии мы порой выезжаем до сих пор, этой чести оказался не достоин...

История объективной быть не может, возьмите хоть Карамзина, хоть Татищева, хоть легендарного Нестора, который, по признанию исследователей, тоже был политически ангажирован. Однако причина предвзятости Алексея Кретинина, полемический накал его очерков вовсе не в «антикоммунизме» (Кулагин и Севастьянов тоже были партчиновниками высокого ранга), а в желании восстановить историческую справедливость. И здесь Алексей выступает как самый объективный архивист и историк. Для него нет авторитетов, и ни один факт, ни один мемуар он не принимает на веру. Он копает сам и по возможности до конца. По очеркам в этой книге хорошо заметно, как Алексей возвращается и возвращается к одним и тем же фактам, либо чтобы проверить, исследовать еще одну историческую гипотезу, либо обнаружив очередной «артефакт».

Его «восстановление исторической справедливости» касается буквально всего. Он возвращает нам незаслуженно забытых людей — Василия Болдырева, Михаила Шиша, Николая Рожкова, Петра Ковнацкого и других. Он возвращает нам забытые истории. Истории, в том числе связанные и с такими уже почти мифическими именами, как Роберт Бартини, Юрий Кондратюк, Вольф Мессинг.

Алексей Кретинин (активист Демократического Союза) на митинге 23 октября 1988 г.

И самое важное — он дает нам потрогать историю родного города как что-то реальное, живое и близкое. Поэтому и хочется, прочитав его очерки, пройти по старым улицам, прикоснуться к старым домам. «Надо же, а я столько раз здесь пробегал!...»

Во время одного давнего выступления в Новосибирске замечательный российский историк Натан Эйдельман сказал поразительную вещь о том, что пространство и время не так уж огромны. Что с любым живущим сегодня на Земле человеком нас связывают «четыре-пять рукопожатий». И точно также «четыре-пять рукопожатий» нас связывают, например, с Пушкиным. (Натан Яковлевич, который был лично знаком с правнуком Пушкина, это доказал на себе).

Насколько тесно пространство и время в Новосибирске, в двух поразительных очерках о замечательном артисте Зиновии Гердте и замечательном новосибирском писателе Юрии Магалифе доказывает и Алексей Кретинин. Приведем дословные цитаты:

«В 1943 г., в боях под Белгородом немецкие пули разнесли на минном поле саперу Гердту колено ноги. Тащила и вытащила его на себе под обстрелом капитан медслужбы Вера Павловна Кретинина, моя двоюродная бабушка. И первые две операции на ноге Гердта были тоже — ее. Ногу, собранную буквально по кусочкам, удалось спасти чудом, хотя колено больше не гнулось. Гердта отправили долечиваться в тыл, к нам в Новосибирск...»

И вторая: «В 1941 году Магалиф получил срок в 6 лет. (...) Соседом по нарам в эшелоне у Магалифа был сутулый, с орлиным носом инженер-строитель из Ленинграда со сроком в 10 лет. Интеллигент старой формации. Читались стихи Пушкина, Блока, Гумилева, напева-

лись песенки Вертинского.

«А фамилия моего этапного друга была Будагов... Ну и что? — фамилия как фамилия... Это уж потом, много лет спустя она окуталась для меня флером старой романтики: оказывается Григорий Моисеевич Будагов в конце прошлого века был главным инженером строительства того самого моста, с которого и начался наш Новосибирск. И улица здесь когда-то была Будаговская. И первая школа была построена на его деньги... А я, восседаая в громышающем вагоне на кособоких нарах, беседовал о серебряной поэзии с его сыном!»

В своем предисловии Алексей Кретинин назвал Новосибирск одним «из самых интереснейших городов страны». От очерка к очерку в это начинаешь безусловно верить. Верить еще и потому, что написаны они неравнодушным, любящим свою Малую Родину человеком. «Видимо, все-таки есть что-то особенное в новосибирской почве, что делает людей не просто жителями, а гражданами города», — пишет Алексей, и это полностью приложимо к нему самому. «Нашему городу (наильно, случайно, закономерно) очень везло на хороших людей. Где-то там, наверху, есть все-таки у города свой ангел-хранитель, который за городом присматривает». Прожил Алексей до обидного мало, но хочется верить, что на одного ангела-хранителя у Новосибирска стало больше.

Редакционно-издательская группа

Поскольку книга составлена из материалов, опубликованных в новосибирской прессе в разные годы, временная привязка к событиям и датам сохранена в авторской редакции.

Памяти моего отца, геолога и инженера-проектировщика, «первого новосибирца» нашей семьи Евгения Александровича Кретинина, — посвящается

Эта книга — не справочник. И уж тем более не историческое исследование. Скорее, ее можно было назвать «сборником городских анекдотов». Только слово «анекдот» следует понимать ни в коем случае не в его нынешнем значении. «Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (СПб, 1907 год) давал термину вполне определенное толкование: «Анекдот — греч., — краткий рассказ о к-л. любопытном случае».

В «Евгении Онегине» Александр Пушкин писал про своего героя, что

*«...дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей».*

Член-корреспондент АН СССР, один из крупнейших географов страны Николай Баранский (партийный псевдоним в Новониколаевске — «Николай Большой») писал в своей интереснейшей книге «В рядах Сибирского социал-демократического союза. Воспоминания о подпольной работе в 1897-1907 годах», изданной в Томске в 1961 году мизерным тиражом, практически о том же: «Я преследовал лишь одну цель: передать все, что моя память сохранила... по возможности точнее и ближе к действительности. Именно поэтому я, насколько мог, старался

воздерживаться от каких бы то ни было обобщений, а равно и от тех суждений, которые могли быть навязаны уже позднейшей эпохой... Этим объясняется и несколько анекдотический характер изложения: память сохраняет преимущественно наиболее яркие факты и эпизоды».

Историка по образованию и журналиста по профессии, меня всегда удивляло, что про историю города в большинстве своем писалось и пишется так, что от скуки скулы сводит. «Город-подросток», — какая у него, дескать, вообще может быть история?

Всего какая-то сотня с небольшим лет, как он вообще на свет появился. Вообще-то, между прочим, — третий на сегодня по величине российский город после Москвы и Питера. Мне кажется, один этот момент должен был вызывать не непонятное «городское самоуничтожение», но — интерес. Как это — из грязи да в князи?

Эта книга, как и цикл очерков «Городские истории», публикующийся несколько лет в газете «Новосибирский Обозреватель», возникла от... обиды. Обиды на непонятный «неинтерес» большинства профессиональных историков к одному из самых интереснейших городов страны. Я намеренно не пользовался материалами архивов — только публикациями в книгах, газетах, журналах. Как ни странно, в них много интереснейшего можно найти про «город-подросток». Столько, что иному городу с многовековой историей впору гордиться.

Как Ульянов-Ленин стал почетным пассажиром на открытии Транссиба и почему он при этом ворчал...

Как Сталина обидели на перроне новониколаевского вокзала в 1917 году...

Как в городе собирали деньги для Фанни Каплан...

Как замечательный артист Зиновий Гердт именно в нашем городе обрел свою профессию и при чем здесь наш Оперный театр, в котором он никогда не играл...

Почему над городом несколько лет вполне официально развешалось знамя со свастикой... Как город первым в стране «похоронил» Леонида Брежнева...

Каким образом именно у нас оказался единственный в стране надгробный монумент «белым» времен Гражданской войны...

Как новосибирский пацаненок породнился с семьями Кеннеди и Онассисов...

Как новосибирский самолет «завалил» тот самый У-2 Френсиса Пауэрса...

И многое, многое другое. Это — наш город, и, несмотря на «анекдотичность» изложения, все факты — истинные.

Хочу поблагодарить тех, кто своими материалами, советами, интересными дискуссиями напрямую содействовали появлению и «Городских историй», и этой книги, — Елену Кузнецову (начальника отдела научного учета НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области), Наталью Копылову (главного редактора газеты «Новосибирский Обозреватель»), Владимира Кузьменкина (главного редактора газеты «Вечерний Новосибирск»), Виктора Козодоя (ректора Сибирской Академии управления и массовых коммуникаций), Дмитрия Рябова (исполнительного редактора газеты

«Еженедельный Город»).

Они (и еще очень многие люди) помогли мне в главном — на старых городских фотографиях стали появляться, «проступать» люди. Те самые, которые и делали историю города. Дома, события — это все «производные» от людей. Должен честно сознаться — я очень люблю наш город и всех, кто прошел через его биографию.

...Один из моих друзей, прочитав очередные «Городские истории», сказал мне, что следующий материал я, вероятно, напишу в духе середины 1940-х годов на тему «Новосибирск — родина слонов».

Он, конечно, пошутил. Но мамонта-то в краеведческом музее может увидеть каждый!

И я, конечно, шучу, но мамонт-то — налицо! Кстати, про него в этой книге нет ни слова. Она — про людей.

Алексей Кретинин

I

Как вы город назовете...

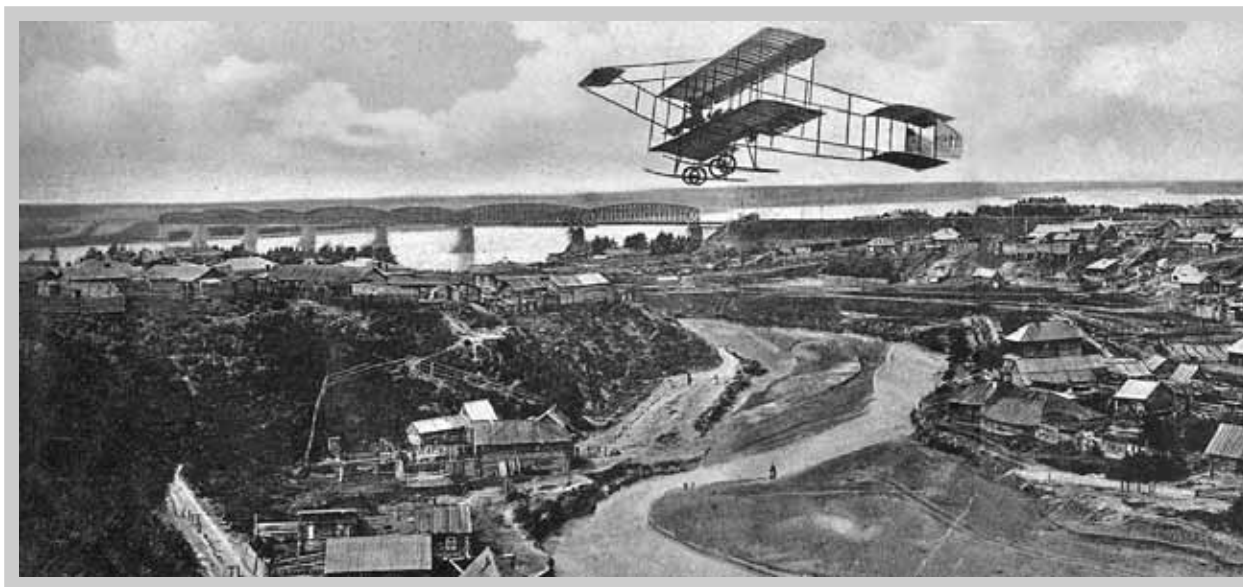
Нынешней столице Сибири, прежде чем получить сегодняшнее название, пришлось пройти через несколько переименований, каждый раз оказывавших непосредственное положительное влияние на судьбу будущего Новосибирска. А некоторых переименований удалось счастливо избежать.

Собственно, уже в самом начале строительства моста мало кто сомневался в том, что поселку мостостроителей и Кривошековскому выселку предстоит большое будущее.

Уже в докладе помощника начальника Алтайского округа по земельной части от 23 июня 1894 года о перспективах нового поселения говорилось в превосходных степенях: «В недалеком будущем, с открытием Сибирского железнодорожного пути, пункт пересечения... главного водного пути Сибири Оби будет иметь большое значение в торгово-промышленном отношении, и почти безошибочно можно сказать, что... не более как через 10-12 лет образуется один из лучших городов Сибири в торговом отношении». То, что прекрасно понимал чиновник, еще лучше по-

Сибирская железнодорожная станция Обь (вид с левого берега), 1908 г.

нимали и строители моста, и торговый люд. Как понимали и то, что будущий торгово-промышленный центр должен иметь и соответствующее название — солидное и патриотичное.

В истории уже первых переименований, похоже, всю проявилась сибирская мужицко-купеческая хитрость в сочетании с дальним расчетом.

Уже в октябре 1895 года сход жителей поселка (строители, купцы, мещане, чиновники) решил ходатайствовать о строительстве храма во имя св. Александра Невского, а сам поселок назвать Александровским — и в честь будущего храма, и в честь инициатора строительства Транссиба императора Александра III. Тут-то «сибирские хитрости» и начались.

Поселок Александровским так никогда и не был назван, зато уже на сходе жителей 3 декабря того же года был «переименован» в Новониколаевский. Как подчеркивалось в документе, направленном по этому поводу томским губернатором в МВД империи, — «в честь Его Императорского Величества, благополучно ныне царствующего Государя императора» Николая II.

Память о почившем императоре — это хорошо, но «ныне здравствующий» — гораздо надежнее.

Верноподданническое решение поддержал и томский

губернатор, и начальник Алтайского округа, и управляющий Кабинетом Его Императорского Величества. Новоназванные новониколаевцы резонно рассудили, что надо ковать железо, пока горячо, и одновременно направили ходатайство о повышении статуса «именного» поселка — преобразовании его «в посад или город».

Поселок, не имевший определенного статуса, был лишен административного управления, возможности прописки новых жителей (количество которых постоянно росло) и ряда других прав. А ждать «10-12 лет» для получения городского статуса, собственно, никто не хотел — торговля пауз не любит.

Дальше в действие вступила вечная российская бюрократия, которая, как известно, и при царях, и при коммунистах, и при демократах работает одинаково — с большим скрипом. Регулярные ходатайства о предоставлении городского статуса с такой же регулярностью не удовлетворялись, однако после каждого из них будущий город что-нибудь да получал — то средства на содержание полиции, то дополнительную нарезку земель из числа «кабинетных» (принадлежавших лично императору).

Из курьезов дореволюционной российской бюрократии можно отметить, что тогдашнее МВД утверди-

ло переименование никогда не существовавшего Александровского поселка в Новониколаевский только 17 февраля 1898 года. То есть — спустя всего лишь каких-то 2 года после того, как поселок начал свое официальное существование под этим названием. И потребовалось уже совсем немного времени, пока Новониколаевск получил статус безуездного города с упрощенным городским управлением (в декабре 1903 г.), а потом и с полным городским управлением (декабрь 1908 г.).

Телеграмма томского губернатора, направленная в Новониколаевск по поводу последнего факта, сегодня звучит почти юмористически: «Рад об этом сообщить, уверенный, что городское общественное управление, пользуясь предоставленными ему правами, поведет город к дальнейшему процветанию».

Уездным городом Новониколаевск стал только после Февральской революции 1917 г., причем статус этот был ему присвоен на Томском губернском продовольственном (!) съезде.

Понятно, что после февраля 1917 г. название города стало, мягко говоря, неактуальным. Под него из центра не дали бы ни копейки. Нужно было срочно переименовываться, да все не до того было — Гражданская война,

постоянная смена власти в городе выбору какого-то нового, постоянного и «перспективного» названия не способствовали.

Время, казалось бы, пришло после «окончательного установления Советской власти в Сибири». И вот тут-то с новым названием города чуть не случился первый «ляп».

В конце июля 1922 г. новониколаевский губисполком принял постановление о переименовании города в «Смирновск» — в честь Ивана Никитича Смирнова, который с августа 1919 г. по май 1922 г. был председателем Сибревкома — фактическим «красным диктатором» Сибири.

Местные советские газеты с пафосом называли его «главным революционным завоевателем Сибири». С его именем связано многое — и разгром Колчака, и кровавое подавление антисоветских крестьянских восстаний в Тюмени и на Алтае, и организация операции по захвату генерала Унгерна.

Ему же принадлежала идея о переносе административного центра «всей Сибири» в Новониколаевск и переводе сюда всех общесибирских коммунистических, административных и хозяйственных органов. Однако новониколаевские коммунисты совсем немного опоздали со своей «переименовательной» инициативой.

Прямо по позднейшей частушке времен снятия Никиты Хрущева:

*«...Десять лет лизали ж...у,
Оказалось — не тому!»*

Смирнов был в компартии одним из наиболее фанатичных приверженцев «линии Троцкого». Бывшего «красного сибирского диктатора» перевели за несколько месяцев до «сибирской инициативы» в Москву на чисто хозяйственную работу — он успел и выступить против назначения Иосифа Сталина генсеком партии, и подписать несколько оппозиционных заявлений. А ведь переименовали бы сгоряча в честь него город — пришлось бы потом снова переименовываться!

В 1936 г. Смирнов осужден на процессе по так называемому делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока», расстрелян. Была бы инициатива новониколаевских коммунистов поддержана тогда, в 1922 г., — возможно, выпускали бы потом «ВИНАП» и «Сибирский бальзам» «Смирновскую особую», причем на абсолютно законных основаниях.

То ли в попытке загладить неловкость, то ли просто от безвыходности уже 22 сентября 1922 г. новониколаевский губком компартии решил переименовать город в Краснообск. Решение тоже не было утверждено, и слава Богу, — было бы обидно за сегодняшний ВАСХНИЛ.

Еще раз Москва не утвердила решение сибиряков, когда после смерти Владимира Ленина в начале 1924 г. возникла идея переименовать город в Ульянов. Москва (вполне логично) оставила название «Ульяновск» для родины Ленина — Симбирска.

Однако городу, несмотря на все неудачи с переименованиями, явно было нужно новое имя. Новое и окончательное.

На первом краевом съезде Советов Сибири в декабре 1925 г. названий предлагалось много — и Калининград (дескать, приезжал сюда несколько раз. Название «приберегли» на 20 лет для германского Кенигсберга), и Новоленинск, и Сибленинск, и Краснооктябрьск, и Красносибирск, и Коммунград, и Курултай (народный съезд по-казахски). Случайность или здравый смысл победили — не скажет никто.

12 февраля 1926 г. Новониколаевск был переименован в Новосибирск. Имя получилось звучное — столичное. Навсегда.

Новониколаевск — Томск. От ревности — до развода

«Каждый город имеет свой характер, свое лицо. И наш — не исключение». С таких (или примерно таких) слов начинались совсем недавно краткие путеводители практически по каждому из российских городов (в моей коллекции 18 изданий с подобной формулировкой).

Да, собственно, города и относились друг к другу «как люди» — с соответствующими чувствами. Особенно сильным из которых была ревность, которую в полном объеме продемонстрировал губернский Томск подчиненному ему Новониколаевску практически с первых дней появления нашего города.

Точнее, ревность началась еще до появления нашего города. С того момента, как губернский Томск очень сильно «обидели», приняв не «колыванский», а «кривошековский» вариант прокладки основной линии Великого Сибирского пути. Новоявленного «родственника», возникшего и на глазах росшего возле моста через Обь, Томск поначалу просто «не замечал».

В столичном Санкт-Петербурге, к примеру, будущее города оценили с первых дней его рождения. Тогда же заметил и оценил подрастающего «конкурента» Омск. Здесь, в очередном томе «Записок Западно-Сибирского отдела императорского географического общества», уже в 1894 году было отмечено, что «в районе строительства железнодорожного моста через реку Обь вырос с невероятной быстротой населенный пункт, который, по-видимому, должен иметь солидное будущее как крупный торговый центр».

Уже в 1898 году о новом поселке и его перспективах подробно писал популярнейший столичный журнал «Нива». А вот губернский центр свое новоприобретение (пусть и названное ему в «родственники» вопреки его воле) не только

«не видел», но и всячески пытался «уязвить».

Началось все даже не со статуса нового поселения — с названия. Поскольку на все попытки самоназваться губерния отвечала громовым молчанием, жители будущего города сделали «ход конем», назвав в конце концов свое поселение «в честь ныне здравствующего Императора» поселком Новониколаевским.

Ход был бесприкрытым — Николай II официально числился «патроном» строительства Транссиба. Рвение было замечено и оценено проезжающими столичными начальниками. Летом 1895 года управляющий Кабинетом его Императорского величества (что-то вроде главы администрации президента страны в сегодняшней «табели о рангах») Гудим-Левкович настоятельно порекомендовал томскому губернатору Герману Тобизену настойчивое желание подданных утвердить, оформив его соответствующим ходатайством.

Не прошло и полгода, как после очередного общего схода поселян 3 декабря 1895 года губернатор с соответствующим ходатайством обратился, и высочайшее разрешение на название было получено. Кстати, обращение поселян, больше похожее по тону и содержанию на ультиматум, было адресовано не губернатору, а правительству, а избранные жителями представители уполномочивались «явиться пред всеми должностными лицами и правительственными учреждениями, где то потребуется».

Нет, сами-то губернаторы к растущему городу относились очень неплохо, но, как обычно, все «бумажные» дела волокитил чиновничий аппарат. Вечное российское — «царь-то хорош, да бояре — плохи».

Собственно, именно поэтому уже во втором номере 2 апреля 1906 года первая городская газета «Народная летопись» констатировала: «Ново-Николаевск — очень молодое, не оперившееся, но уже оперирующее создание. Он молод, и до совершен-

нолетия его далеко. И тем длительнее будет период его несовершеннолетия, его младенчества, чем длительнее будет существование его нянюшек и опекунов. «Этого не кушай, туда не ходи, не студишься, не балуй», — сыплется, как из рога изобилия, со всех сторон советы и распоряжения по адресу «малютки». И он послушно соблюдает диету — кушает только то, что прописывает ему врачебное или иное отделение, идет туда, куда вход начальством не возбраняется, не студится и не балуется. Город — дитя бесприютное. Все у него чужое, начиная с колыбели и кончая последней пеленкою».

Стоит обратить внимание на непонятную сейчас «шпильку» по поводу «иногo отделения» — либеральная публика тех лет с радостью читала это как прямой намек на отделение Охранное...

Так что «младенец» уже в колыбели родился с приличными зубками, и в борьбе за свое будущее охотно их демонстрировал. Так что показная «уничтожительность» чиновников мало обманывала. Уже как сопротивлялся Томск получению Новониколаевском городского статуса!

И старосту первого городского Илью Титлянова с должности снимали с участием полиции, и бумаги с ходатайствами годами «рассматривались» и пропадали... Так что статус безудездного города «младенец», как в свое время и

Паровозное депо — первое каменное промышленное здание Новониколаевска, 1896 г.

название, вырвал «с боем», в прямом смысле слова «через голову» губернского начальства.

Депутация жителей буквально на перроне «отловила» проезжавшего председателя Совета министров Сергея Витте и вручила петицию непосредственно ему. Так что решение принимало непосредственно правительство, а 28 декабря 1903 года император городской статус своего сибирского «крестника» утвердил. Но и этого городу было мало!

Какие жаркие «бумажные» битвы кипели между Новониколаевском и Томском в течение десятка лет по поводу разрешения на открытие сельскохозяйственного и педагогического вузов — детективный роман можно написать! Этого уж древний «университетский» Томск новоявленному «родственничку» позволить никак не мог. И шпынял его ссылками на «нецелесообразность» вузов в Новониколаевске. А как «выкручивали руки» тем, кто новониколаевские требования осмеливался поддерживать!

В феврале 1913 года городская Дума Новониколаевска, среди прочих неотложных вопросов (вроде мощения дорог), рассматривала и категорическое требование своих коллег из Усть-Каменогорска. Компенсировать им расходы на телеграммы в поддержку открытия в Новониколаевске сельхозинститута в размере... 2 руб. 60 коп. Город, не мелочась, компенсировал.

Да что там вузы — тюрьмы собственной у города и то до 1911 года не было. Тоже — из «нецелесообразности».

А что творилось, когда решался вопрос о том, где пройдет Алтайская железная дорога! Как случайно выяснилось уже позднее (кстати — опять-таки силами городских «думцев»), только на «хлопоты» за «ново-николаевский», а не «томский вариант строительства городской бюджет потратил 10 тысяч рублей. Для сравнения — строительство 13 кирпичных «крячковских» школ и Городского торгового корпуса (сейчас — краеведческий музей) обошлось городу в 387 тысяч. Так что на собственный «пиар», да еще и «в пику» губернии, город и в младенчестве не экономил. Алтайская дорога прошла через

Мост через реку Каменку

Новониколаевск, окончательно закрепив за ним статус общесибирского торгового центра.

А вот с «уездным» статусом городу пришлось попотеть. Помогла неразбериха после Февральской революции 1917 года. В результате чего, в апреле 1917 года на Томском губернском продовольственном (!) съезде город получил статус уездного. Опять-таки — через «голову» губернии. Хотя, надо сказать, что резолюций тогда голосовалось много (ну там, «Война — до победного конца!» и т. д.), так что на «вклиненное» ходатайство Новониколаевска в пылу решения мировых проблем просто не обратили внимания. А зря! Уже в конце 1919 года Новониколаевск официально был объявлен центром Томской губернии. Пусть и всего на три месяца — пустячок, а приятно!

А позже были Сибирский и Западно-Сибирский край, и, в результате, вырваться из цепких рук подросшего «бедного родственника» и вновь обрести хотя бы областной статус Томску удалось лишь в августе 1944 года.

Ни при образовании «Сибирского соглашения», ни при формировании Сибирского федерального округа кандидатура Томска как «центра» всерьез уже не рассматривалась.

Опасная все-таки это штука — ревность. Особенно, когда все кончается разводом. Мораль-то проста — «Не забирай маленьких!»

Новониколаевск — Центру: «Покорней- ше просим...»

Как и сегодня, 100 лет назад молодой Новониколаевск во многих вопросах не мог обойтись без помощи, так сказать, «федерального Центра».

«Покорнейше прося» центральные власти о решении местных проблем, город сумел часть из них решить. Зачастую — с помощью настолько элегантных интриг, замаскированных под простодушие, что позавидовали бы многие сегодняшние политики.

Собственно, самое главное ходатайство было впервые заявлено уже на сходе жителей 3 декабря 1895 года — при-
дать поселку Новониколаевский статус посада или города. Без статуса, без собственных органов управления поселок, в сущности, являлся всего лишь группой домов с их жителями. С ходатайством пришлось походить.

Первый староста поселка Илья Титлянов в результате от своей должности был отстранен. 20 января 1897 года новониколаевцы направляют жалобу на Высочайшее имя Николая II с просьбами вернуть Титлянова, дать

поселку городской статус. Тут впервые возникает еще одно важнейшее для города требование-просьба — передать городу землю в аренду или в вечное пользование.

Город возник, в основном, на землях Кабинета Его Императорского Величества — личных землях Николая II.

И предпринимателям, и просто застройщикам, при всем явном росте города и его перспективах, было неинтересно разворачивать свою «деловую активность» на взятой в аренду земле. Сегодня аренда есть — завтра она кончится. Распоряжаться землей должна была местная городская власть. Которой не было, так как не было статуса. А нет статуса — нет и единого местного владельца земли. Которой, собственно, тоже не было. Известная российская «сказка про белого бычка».

В ноябре того же 1897 года Кабинет Двора (непосредственно распоряжавшийся царскими землями) в решении о статусе и земле отказал, довольно издевательски выделив поселку 8 тыс. 900 руб. «на первоначальное благоустройство и содержание полиции», а также на нужды пожарного общества.

Окрестности Новониколаевска. Выемка Алтайской железной дороги

Но тут-то и проявились два «фамильных» качества будущего города — упрямство и чисто житейская хитрость под видом простодушия.

Вернуть Титлянова уже никто не просил. Но прошения не прекращались, причем при каждой удобной возможности.

18 октября 1902 года новониколаевцы добились аудиенции у министра финансов Сергея Витте, следовавшего по государственным делам на Дальний Восток через ст. Обь, долго жаловались ему на проблемы. В общем, попил чайку министр на станции! Выслушав, как человек практический, попросил подготовить соответствующий текст. И — уехал, уверенный, что этим все и кончится. Он не знал, что хитрость новониколаевская уже сработала!

На обратном пути, в январе 1903 года, на ст. Обь министр был уже вынужден принять «по Вашему поручению» подготовленное ходатайство, в котором был и дополнительный пункт — земля, дескать, передается в ведение будущего (!) городского управления, причем не через Кабинет Двора, а через министерство финансов. Одновременно польщенный и ошарашенный напором главы Минфина Витте не только принял бумагу, но и наложил резолюцию — необходимо, дескать, срочно решить

на Совете Министров.

Естественно, что растроганный доверием к нему сибиряков Витте не собирался взваливать новую обузу на Минфин, да это никому и не нужно было. Соль происходящего состояла совсем в другом.

Вслед отъехавшему в столицу министру спешно двинулась депутация жителей — ковать железо, пока горячо. 5 февраля депутация умудрилась (вероятно, ссылаясь на Витте) передать покорнейшую петицию непосредственно Николаю II. И уже 13 февраля новониколаевские уполномоченные получили документ с санкцией-согласием царя о передаче земель будущему городу за выкуп. Обратного пути у центральной власти уже не было — надо было «создавать» нового собственника земли. И 28 декабря царь утвердил решение правительства о присвоении поселку Новониколаевский статуса безуездного города с упрощенным городским управлением.

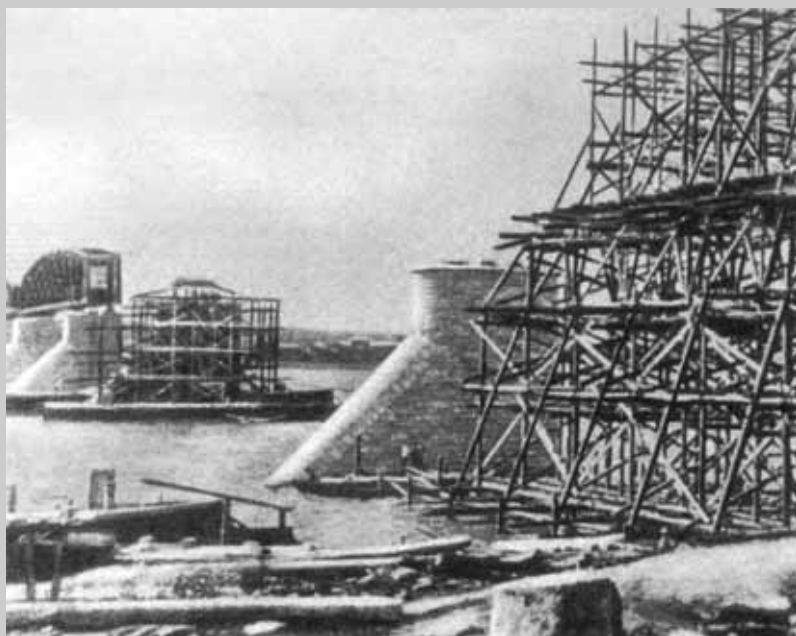
Оцените тонкость проведенной новониколаевцами интриги! Буквально в несколько ходов город получил от Центра и статус, и землю. Какой-нибудь Березовский мог бы на этом примере поучиться тому, что такое «эффективная политика». Всего за 10 лет, начиная со строительства моста, появился город с собственной землей — на абсолютно законных основаниях.

Дальнейшее было проще. После нескольких петиций уже в декабре 1908 года Новониколаевск получил статус города на полном «городовом» положении. «Тактика отца Федора», описанная позднее Ильфом и Петровым, успешно приносила свои плоды («Черт с вами! Двести рублей — только отстаньте!»).

Раздраженный Кабинет Двора, который просто откровенно обошли, долго тянул с определением размеров выделяемой земли, сроков выкупа, и главное, — цены. Но против решения главного владельца земель — Николая II — сделать, естественно, уже ничего не мог.

Виадук Алтайской железной дороги

Возведение пролётного строения ж/д моста

А город, почувствовавший себя уже подросшим, не терял и, ведя переговоры с Кабинетом, «простоудушно» просил заступничества у всех, кто имел или не имел к земельной проблеме отношения. И постепенно сбивал и сбивал цену, растягивал сроки уплаты выкупа.

Тактика сочетания упрямства и хитрости, однажды уже успешно примененная, продолжала работать. И все — в виде «прошений».

В январе 1909 года в столицу отправилась очередная городская депутация. Списку вопросов, который она намеревалась решить, позавидовал бы сам Макиавелли. Вот они.

Прокладка Алтайской железной дороги через Новониколаевск, а не через Томск (рассказ о «бескровной войне» за лидерство двух городов — отдельная история). Постройка центральных вагонных и паровозных мастерских Сибирской железной дороги. Это был явный реверанс в сторону Транссиба — железнодорожники теперь

могли просить выделения дополнительных средств, ссылаясь на поддержку города.

И тут же — просьба о сужении полосы отчуждения железной дороги, которая мешает проезду по Николаевскому проспекту и проходу в храм Александра Невского. «Отнять» всегда проще, чем «дать», потому этот пункт в столице был решен очень быстро, а вот железнодорожникам со своими строительными проблемами пришлось еще ходить и ходить по инстанциям.

Переименовать ст. «Обь» в «Новониколаевск» — что ни у кого не вызвало вопросов. Устройство в городе правительственной тюрьмы. Какое правительство будет против дополнительной тюрьмы! — устроили. Дополнительные штаты полиции — тоже пожалуйста. Под это дело прошло переименование частного городского реального училища в казенное (с финанси-

рованием), получение беспроцентной ссуды на строительство школьных помещений (те самые «крячковские школы», что стоят до сих пор). И, в дополнение ко всему, — просьба о присвоении городу (только-только получившему полный статус) статуса «уездного».

Об этом город «покорнейше просил» столицу еще несколько лет подряд. До февраля 1917 года — когда и «покорнейше просить» стало некого, и гигантский долг за кабинетские земли платить некуда. Так что город спокойно получил свой «уездный» статус «явочным порядком» в марте 1917 года на Томском губернском продовольственном съезде.

...Сегодня на свои проекты город все чаще находит и собственные, и заемные ресурсы, а просьбы «наверх» носят уже почти ритуальный характер.

Хотя Центру, наверное, не стоит забывать, что в 1917 году, после нескольких лет петиций, город решил проблему своего статуса абсолютно самостоятельно, забыв формулировку «Покорнейше просим...»

Город, выросший из леса

Наш город вырос в лесу и расширялся за счет леса. Однако с первых лет своего существования город делал все, чтобы остаться «зеленым». И меры для этого принимались гораздо круче тех, чем предлагают сегодняшние экологи.

Первый староста (еще не города, а поселка) Илья Титлянов писал: «На месте, где образовался поселок, был огромный бор». Первый газетчик и краевед Новониколаевска Николай Литвинов рассказывал в предисловии к «Справочнику по городу Ново-Николаевску. 1912 год» более художественно: «Виднелись сквозь ажурные леса до полутора десятка крестьянских изб. Кругом их теснилась тайга так плотно, что не стесняясь располагалась и в оградах... Завоевание городом места у тайги совершилось просто и легко.

Отслужили молебен при закладке железнодорожного моста через реку Обь, и закипела работа на реке и ее берегах. Одновременно застучал в тайге топор и застонали, ваяясь под его ударами, сосны, и на месте бывшей тайги стали вырастать дома». Где рубили — там и строились.

Еще в начале 1960-х годов путешественники по городу в качестве одной из достопримечательностей называли дом на Комсомольском проспекте, 2, «построенный из сосен, срубленных на этом самом месте».

Впрочем, хаотичная вырубка и застройка скоро закончились. Все понимали, что будущий город не может

строиться «абы как», без плана. План основных магистралей был разработан в 1896 году, обозначено направление центральных улиц.

Будущая главная улица города — Николаевский (Красный) проспект, — начиналась с расчищенной в бору просеки. Ширину улицы заложили с размахом, не скупясь — 58 метров (все остальные были запланированы гораздо уже).

Очистили от леса Новобазарную площадь (ныне — пл. Свердлова). Работы по очистке еще не успели завершиться, а рынок уже переехал со Старобазарной площади (р-н автовокзала) на новое место, поближе к центру. Старожилы вспоминали, что первые палатки и ларьки стояли прямо среди еще неубранных пней бывшего бора.

Но терять свой «зеленый наряд» город не хотел.

Уже в 1908 году по решению городского управления на Николаевском проспекте был во всю его длину разбит бульвар. Часть его сохранилась и сегодня — аллеи от пл. Свердлова до часовни и от ул. Ядринцевской до ул. Крылова, на которые постоянно ругаются водители, виня их в автомобильных «пробках» на этом участке проспекта.

Просека в сосновом бору на месте Николаевского (Красного) проспекта. Фото 1896 г.

Старобазарная площадь (сейчас — пл. Свердлова)

12 мая 1910 года было принято «Обязательное постановление о древонасаждении на улицах гор. Ново-Николаевска». Первый же его пункт устанавливал, что «каждый владелец усадьбы в городе... обязан засадить весной и осенью 1910, 1911 и 1912 годов лиственными деревьями за свой счет часть улицы против своей усадьбы».

Подробно был расписан порядок высадки деревьев, расстояние между ними и до усадебных построек.

Особо было отмечено, что «деревья должны быть посажены правильными рядами. При расположении деревьев в два ряда посадка должна быть произведена в шахматном порядке». Виновных в нарушении постановления, а также «в порче деревьев» ждала «законная ответственность». Для обеспечения горожан деревьями для посадок в районе р. 2-я Ельцовка был организован лесопитомник. Часть посадочного материала закупалась в Кургане.

Это были те самые тополя, которые сегодня постепенно, «по старости» идут под вырубку. Однако часть посаженных тогда «правильными рядами» деревьев сохранилась и сейчас. На ул. Чаплыгина (бывш. Ассинкритовс-

кая), на ул. Горького (бывш. Тобизеновская), на ул. Октябрьской (бывш. Болдыревская), на Коммунистической (бывш. Гудимовская)... Остались и огромные, неохватные пни от уже снесенных деревьев. Тополиный пух, конечно, многих раздражает, но подойдите как-нибудь к такому пню, положите ладонь на шершавую поверхность...

Эти деревья многое пережили вместе с городом и о многом могли бы рассказать.

На уцелевших от вырубки участках леса создавались сады и парки — для отдыха горожан. Одним из первых появился сад «Альгамбра» (в переводе с арабского — «Крепость»). Собственно, начался он с сооружения в августе 1906 года летней эстрады для выступлений популярнейшей исполнительницы русских песен и романсов Анастасии Вяльцевой, гастролировавшей тогда по Сибири. Она исполнила для горожан «Костер», «Цыганочку», «Ветерочек», «Чайку» и другие популярные песни.

Новое место отдыха горожанам понравилось и было быстро благоустроено. Появился закрытый летний театр, открытая сцена, ресторан, дом-читальня, аттракционы. В

саду часто играли духовые оркестры — и местной пожарной команды, и воинского гарнизона. Устраивались фейерверки, демонстрировались фильмы.

Здесь на гастролях выступали знаменитые Вера Комиссаржевская и Мария Каринская. Ставились спектакли.

В 1916 году городская управа передала «Альгамбру» театральной труппе Георгия Соколова — создателя первого в городе любительского драматического театра. По сегодняшним меркам «Альгамбра» был крупнейшим «кино-концертным комплексом» города — покрупче современного ККК им. Маяковского. Ныне от бывшего сада с гордым и грозным названием остался только небольшой скверик на пересечении пр. Димитрова и ул. Фрунзе.

Полюбили новониколаевцам и сад, раскинувшийся на 3 га в северной части ул. Фабричной с 1912 года. Официально он назывался «Александровским» (в честь Александра III), однако горожане между собой быстро переименовали его в «Сосновку». В саду была эстрада, летний театр, устраивались народные гулянья и благотворитель-

ные вечера. В 1920-е годы здесь был построен ДК им. Петухова.

Остаток естественной рощи, превращенный в сад, у Делового клуба (театр «Красный факел») стал любимым местом летнего отдыха и встреч «городской элиты». На открытой эстраде выступали оркестры, посетителям подавали свежее разливное пиво. Еще недавно остаток бывшего сада сохранялся — до начала строительства на его месте очередной «высотки».

Впрочем, сады и леса Новониколаевска могли рассказать не только о гастролях известных актеров. В районе «Сосновки» регулярно проводились рабочие маевки и нелегальные собрания. Проходили они и в других местах.

Об итогах одного из подобных мероприятий, состоявшегося в 1907 году за 2-й Ельцовкой, вспоминал в своих «Заметках о революционном прошлом Новосибирска» член Обской группы РСДРП Александр Галунов: «День был праздничный, воскресный. Людей шло много. Мой пикет находился сразу за 1-й Ельцовкой. Проходили с паролем деповс-

Станция Обь. Мост через реку Каменка

кие, мельничные рабочие, кожевники, печатники, плотники. Кажется, прошли уже все.

Вдруг возникла тревога. Выяснилось, что на массовку проник шпик, проскользнул где-то стороной, минуя пикет. Жандарма опознали и «заарестовали», отвели в сторону, а потом он исчез навсегда, и Заельцовка надежно сохранила эту тайну».

Вообще-то тот безвестный жандарм состоял на государственной службе и выполнял служебное поручение. Но это так, к слову.

Ни к концертам в саду «Альгамбра», ни к гуляниям в «Сосновке», ни тем более вообще к озеленению города этот случай, разумеется, никакого отношения не имеет.

Общий вид города в 1895 г.

Как город был «призраком»

Чем только не пришлось побывать Новосибирску за свою историю — и уездным, и областным, и краевым центром.

Однако в первые годы своего существования будущая столица Сибири больше всего напоминала призрак, который вроде есть, а вроде его нет.

Нет, внешне, со стороны, быстрорастущее поселение рядом с мостом никакого удивления у проезжих не вызывало — поселок и поселок, довольно крупный.

В середине 1900 г. в «Сибирской торговой газете» (Тобольск) Новониколаевск описывался почти эпически: «Улицы так широки, что между домами можно устраи-

вать сады. Имеется две фотографии, типография, книжный магазин, торговая баня и две частные купальни, несколько гостиниц... Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что Ново-Николаевск со временем будет одним из больших сибирских городов. Вообще Ново-Николаевск производит приятное впечатление и мы... пожелали ему сделаться исполином в смысле просвещения и промышленности».

В общем, повторим — поселок как поселок, город как город. Но — мы живем в России и тут своим глазам доверять никак нельзя. Тут по бумагам могут целые дороги строиться, новые «потемкинские деревни» возводиться — а на деле бурьян-трава на том месте.

Но бывает и как с Новониколаевском, который как раз наоборот — на деле был, а юридически его не было. Самый настоящий «город-призрак».

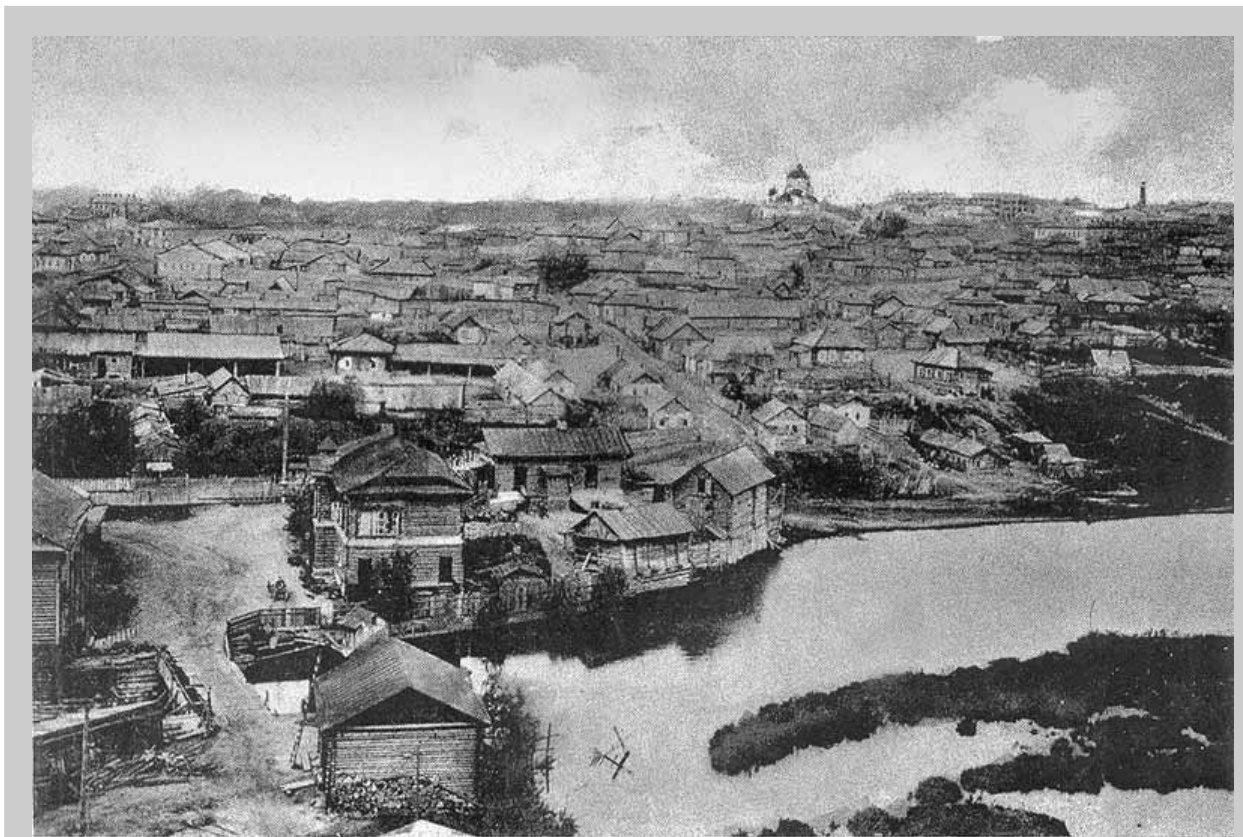
По большому счету, он нуждается в двух основных правах — на местную власть и на землю. На землю — чтобы город мог нормально, планомерно строиться и расширяться, на администрацию — чтобы иметь право городом оперативно управлять. У «города Н-Н» не было ни зем-

ли, ни администрации. Соответственно, не было и жителей. Население было и постоянно росло (к 1903 г. — ок. 24 тыс. человек), а вот жителей города — не было. Определенного официально статуса город не имел, так что и жителей у него быть не могло.

Построившие здесь дома, обзаведшиеся семьями, работающие здесь новониколаевцы (давайте их называть именно так), оставались официально прописанными «на прежнем месте жительства» — в городах и селениях, откуда приехали на строительство моста. Жили и работали здесь, числились — там, «дома». Куда, кстати, приходилось регулярно ездить через всю страну из «призрачного города» хотя бы по делам воинского призыва. А это — за сотни и тысячи верст.

Сегодня, к примеру, представьте, что новосибирский призывник обязан явиться в приписной пункт в Центральной России за свой счет. И это при том, что сроки призыва строго ограничены. И даже помимо воинской обязанности вынуждены были жители «города-призрака» мотаться по немалой нашей России — вносить подати «там, где жительство имеется», а также получать временные паспорта. Там же.

Скажем, к примеру, в Вятке. И только после этого приезжал новониколаевец через всю страну в свой домик над Обью — и начинал задумываться. Тем более — после того, как еще раз съездил в ту же Вятку заплатить подати и недоимки (сегодня — налоги и штрафы за их просрочку). Их же тоже «по месту жительства» брали, а не

Новониколаевск. Вид со стороны Закаменского района на центр города, 1912 г.

Застройка в районе бывшего переселенческого пункта

там, где ты уже не только мост выстроил, но и город, и дом, и семью.

С судом беда была полная. Мировой судья 3-го участка Томского уезда, в чье ведение вроде бы относились поселяне, их дела разбирать не хотел, направляя в волостной суд. А в волостном суде дела «призрачных» жителей не принимались по совсем другим, но тоже веским причинам — поселок «не имел прав сельского общества» и не был приписан к ближайшей Кривошековской волости.

Получался для «призраков» вполне осязаемый замкнутый круг.

Из этого круга «призраки» вполне законопослушно пытались вырваться. Еще в августе 1896 г. жители-«призраки» выбрали на общем сходе первого поселкового старосту, Илью Титлянова, «как человека хорошо известного, и также крестьянина, всем весьма доступного». Бывший писарь Кавказского окружного артуправления Титлянов энергично приступил к руководству городом.

Собственно, именно его именем надо было бы назвать Красный проспект — по планам межевщика Кузнецова староста организовывал здесь прорубку просеки. На «нужды управления» с поселян было собрано по рублю, еще по 30 копеек — на строительство первого городского морга.

Денег на общественные нужды катастрофически не

хватало, а попытка Титлянова провести дополнительные сборы натолкнулась на недовольство местных «белых воротничков».

В советских изданиях (к примеру — «Так начинался Новосибирск», Н-ск, 1983 г.) этих деятелей именовали осторожно — «зажиточными разночинцами». В первые годы Советов неформально про них говорили «вшивая интеллигенция».

Однако «самочинно» избранного старосту губернского правление не утвердило — в конце декабря Титлянову пришлось сдать все дела по городу поли-

цейскому исправнику Ржевскому (нет, это не анекдот — до анекдотов еще почти сотня лет). Поселяне, не пожелав Ржевского, обратились к томскому губернатору с письмом в защиту своего старосты, где особо отмечали, что «без общественного правления оставаться находим абсолютно невозможным». Это не очередное заявление очередного «Комитета 2008», а коллективное письмо жителей нашего города от 7 января 1897 г. Молодой еще город хотел управляться сам, без назначенных «ржевских».

После попытки Титлянова собрать поселковый сход полицейские предупредили, что с ним поступят «как с бунтовщиком и подстрекателем».

В декабре 1896 г. опальный староста освободил из-под стражи (из барака) местных жителей, которых полиция сочла неблагонадежными, и на время следования поезда императора Николая II через станцию Обь и новый мост от греха подальше просто заперла — «чтобы не подвели».

Раздосадованные стражники сбросили после прохождения царского поезда бывшего «мэра» с моста, однако он умудрился удержаться за балку и дожидаться подмоги. От переживаний тяжело заболел, но, тем не менее, согласился на просьбу общества принять участие в организации в 1904 г. полноценного городского головы.

Еще в начале 1980-х годов стоял по улице Большевикской, 37 (бывшей Будагова) сосновый одноэтажный дом, причудливо изогнутый в плане буквой «Г», — дом Ильи Титлянова.

Впрочем, поскольку к истории города мы относимся крайне «бережно» (или — небрежно?), постольку и цветов возложить действующему мэру в память о Титлянове некуда. Дома нет, а похоронен он на бывшем кладбище между Центральным парком и стадионом «Спартак». Так что — тоже «призрак».

Хотя, нет! Какой там «призрак»? Благодаря упрямству и упорству Ильи Григорьевича Титлянова и остальных новониколаевцев в декабре 1903 г. «призрак» высочайшим указом был все-таки признан городом, Новониколаевском.

Появилась и прописка, и налоги местные. Осталось, собственно, одно — упрямость новосибирская. Десять лет царю писали, «мэру» под мостом повисеть довелось, а город (самими уже построенный и обжитый) все-таки признать заставили.

А Илья Григорьевич в прямом смысле слова стал историей Новосибирска, упрямой и неуступчивой его почвой.

Видимо, все-таки есть что-то особенное в новосибирской почве, что делает людей не просто жителями, а гражданами города. Неслучайно, что еще в первые годы существования, когда город-«призрак» не имел официально ни статуса, ни названия, ни земли, в борьбе за эти права с «федеральным центром» проявились две фирменные и до сей поры «новосибирские» черты. Это редкостное упрямство и такая же хитрость.

Отсутствие у зарождающегося и растущего города официального городского статуса было тесно связано с «земельным вопросом». Нет статуса — нет земли! Конечно, в реальности земля была, ее можно было пощупать, но для города ее — не было.

Потому что принадлежали местные земли Его Императорскому Величеству Николаю Александровичу Романову и управлялись специальным ведомством — Кабинетом Его Величества. Сам царь в проблемы управления своим имуществом в качестве владельца не вникал — хватало государственных забот.

Так что распоряжались царской землей на деле чиновники — «от имени и по поручению». Устанавливали арендную плату, боролись с «самозахватчиками» и вов-

се были не заинтересованы в том, чтобы площади «кабинетских» земель сокращались. Вот тут-то «кабинетским» пришлось столкнуться с городом и его жителями. И с «фирменными» их чертами.

Есть такой старый советский анекдот — как фашисты и партизаны гоняли друг друга туда-сюда из леса, а потом «пришел лесник и выгнал всех».

Новониколаевский анекдот про лесника (точнее — про лесничего) оказался намного смешнее, в первую очередь потому, что произошел на деле. Под строительство моста Кабинет выделил железнодорожному ведомству земли под вырубку леса — для «полосы отчуждения», строительства для железнодорожных нужд.

Строители прибыли в апреле-мае 1893 г., а в конце года из Барнаула с инспекцией прибыл «кабинетский» старший лесничий с двумя чиновниками — проводить инспекцию, а не снесли ли ретивые строители лишнего дерева в сосновом бору?

Лесничего ждал сюрприз — бор в пойме Каменки исчез. На его месте всего за несколько месяцев выросли домики, бараки, шалаши строителей. Вятские, пермские, томские, тюменские мужики, приехавшие строить мост и город, уже как-то прижились на этой почве и почувствовали свою общность. Лесничий, естественно, орал, грозил сносом и выселением с «кабинетских» земель.

А потом, судя по всему, понял, что ему, собственно, никто не возражает. На него просто смотрят внимательно полтыщи пар глаз, и вот ни на полмизинца в них никакой покорности нет, а одно только общее «фирменное» упрямство. И ни сноситься, ни выселяться они не собираются.

А если что... Кто там в Петербурге будет особо разбираться, как три чиновника утонули, купаясь в зимней Оби, и что их туда в такую пору понесло? Свидетелей (если что!) — сотни. Лесничий, логично рассудив, что сосны обратно не вставишь, а жизнь — одна, и прожить ее — хочется, объявил, что сноса не будет (вот удивил!). И ввел арендную плату — 1 рубль в год с каждой усадьбы.

Собственно, это была первая арендная плата, которую Кабинет смог получить с новониколаевцев, да и то, фактически, чуть ли не вырвав ее с боем. Так что упрямство очень даже помогало.

Впрочем, и без хитрости тоже было никуда. Официально поселок не назывался никак, неофициально — Новониколаевский. После того, как с императором Александром III случилась большая неприятность, новониколаев-

Вид на вокзальную часть

цы, пытаясь «пробить» себе статус города, прокрутили интригу, которая сделает честь опытному дипломату.

Во-первых, сход жителей постановил переименовать поселок в Александровский. Правда, решение это было принято только затем, чтобы теперь нижайше просить у нового государя Николая II («А батюшку не вернешь!») прав на городской статус, на часть «кабинетских» земель, а также — в качестве особой милости! — переименования (!) города в честь нового царя в Новониколаевск.

Этот псевдо-«верноподданнический» аргумент повторялся потом во всех прошениях. Хотя на деле переименования-то никакого не было. Была «военная хитрость».

В своем противостоянии с городом Кабинет действовал более прямолинейно. Прежде всего — повышением из года в год арендной платы. Начав с 1 рубля в 1893 г., довели до 2,5, затем до 10, к 1900 г. — до 200 рублей, а к 1903 г. — до полутора тысяч.

Хотя своя логика в таком повышении была и сохраняется в городе до сих пор. Сравните только, как изменились цены на жилье и торговые площади в ближайших районах, когда вместо обещаний «построить станцию метро «Березовая роща» ее наконец просто открыли. А мост, как ни крути, — торговая развязка куда более серьезная, чем станция метро.

Впрочем, не столько величина арендной платы тормозила развитие города, сколько сам факт ее наличия. Банки, мягко говоря, неохотно давали ссуды на развитие торговых и промышленных предприятий, стоящих на арендованной земле. Земля-то — «призрачная», сегодня есть, а завтра? И кредиты под крупное жилищное строительство не выделялись по той же причине. И город упрямо писал и писал прошения в «федеральный центр» — с просьбами выделить, наконец-то, городскому управлению землю, присвоить городской статус и в знак особой

признательности назвать город Новониколаевском.

Но и тут помимо упрямства требовалась и хитрость. Каких только обходных (помимо Кабинета) ходов не придумывали новониколаевцы, чтобы достучаться-таки со своими требованиями до государя!

Первый староста поселка Илья Титлянов писал насчет статуса города и земли... военному министру! И мотивировал это тем, что был когда-то писарем Кавказского окружного артиллерийского управления, а господин министр, дескать, известен своей благосклонностью к военным отставникам.

По такой же логике в 1970-е годы, уже при Советской власти, новосибирцы писали просьбы космонавтам помочь в установке домашнего телефона: «На фотографии у Вас очень доброе и отзывчивое лицо, я верю, что Вы мне поможете».

Оттуда, из Центра, это, может быть, и выглядело «деревенской простотой», но вряд ли ею было на самом деле. Ну что тому же военному министру какие-то проблемы с землей и ее арендой у еще не существующего города? Но «простоватые» аргументы «отставника» Титлянова «били на слезу», и министр — ходатайствовал.

Да что министр! В январе 1903 г. уполномоченные от поселка «выловили» самого премьер-министра Сергея Витте, возвращавшегося через станцию Обь с Дальнего Востока.

И, во-первых, наклеузначили на Кабинет с его арендой (дескать, хотим иметь возможность выкупа земли не через них — их мы уже знаем! — а через Минфин).

А во-вторых — снова просили присвоить в конце концов городу статус города. Для премьера совершили небольшую экскурсию — действительно, спорить было трудно, город был налицо. Премьер вынес вопрос на заседание правительства, и уже 13 февраля 1903 г. новонико-

лаевские представители получили документ с царской резолюцией о выделении будущему городу земель за выкуп.

После чего, не обращая уже особого внимания на Кабинет, новониколаевцы стали писать всюду — от министерства финансов до министерства внутренних дел. Те, соответственно, «сигнализировали» государю, и, наконец, 28 декабря 1903 г. Николай II утвердил решение Комитета министров о присвоении Новониколаевску статуса города, о безвозмездном выделении городу части земли, а еще части — в рассрочку, за выкуп, в течение 20 лет.

Так город «призраком» быть перестал. Мстительный Кабинет, правда, задрал сумму выкупа с процентами почти до миллиона, но последнее слово осталось не за ним.

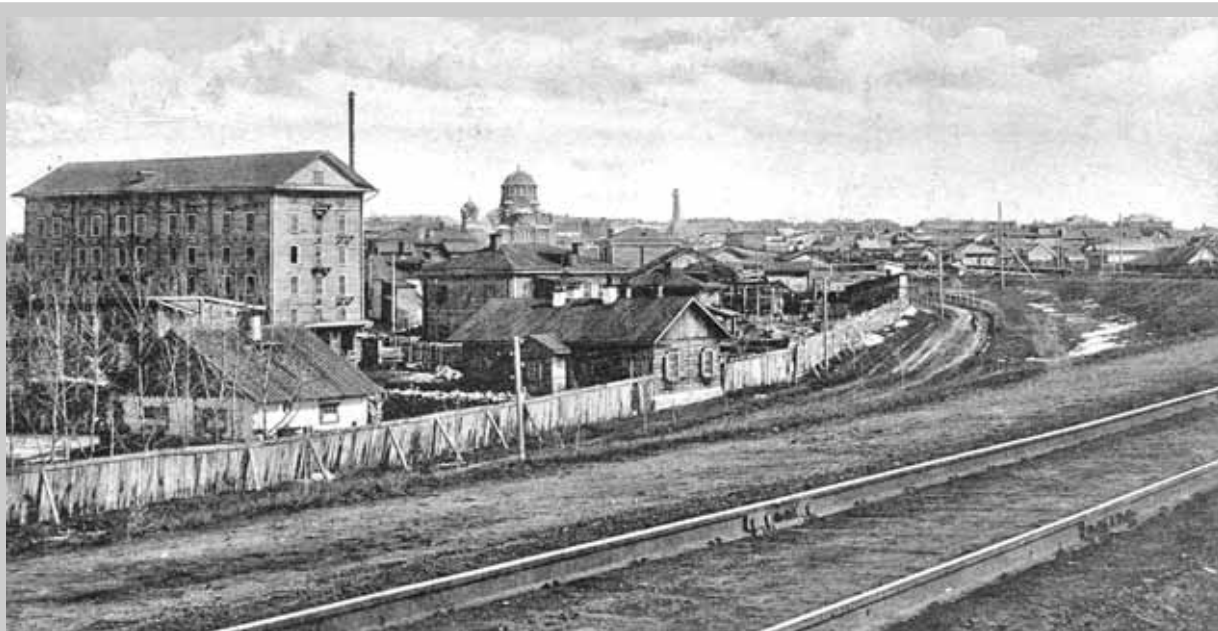
На банкете в новониколаевской Городской Думе в 1917 г. по случаю победы Февральской революции, после нескольких тостов шампанского предложили даже послать поздравительную телеграмму в адрес Кабинета. Которому, собственно, революция «простила» большую половину «кабинетского долга». Посылать не стали.

Все-таки мягкий народ новосибирцы. Душевный, понимающий.

А еще — упрямый и хитрый. Без чего, собственно, возможно и города бы не было.

Станция Обь. Мельница на реке Каменке

Вид на центральную часть города, 1910-е годы

Новосибирск: взгляд из Новониколаевска

Если о дате (и даже годе) рождения Новониколаевска историки спорят до сих пор, то дата рождения Новосибирска — бесспорна.

Именно 12 февраля 1926 года ЦИК Съезда Советов СССР утвердил переименование Новониколаевска в Новосибирск.

К юбилею как нельзя кстати приходится старый текст, опубликованный еще 30 апреля 1917 г. в новониколаевс-

кой социал-демократической газете «Голос Сибири» под рубрикой «Маленький фельетон» за подписью «С. Кин». Забавно читать, как в Новониколаевске представляли тогда будущее города.

Необходимо предупредить, что текст был опубликован накануне первых общегородских выборов в Городское Народное Собрание (высший орган власти в городе). Санкций за «скрытую предвыборную рекламу» не существовало, чем эсдеки (не расколовшиеся еще на большевиков и меньшевиков) на страницах своей газеты и пользовались. «Розовый список», упоминаемый в тексте, — избирательный бюллетень «от эсдеков». «Городской Корпус» — сегодняшний краеведческий музей. Итак, читаем...

Наше будущее (немного фантазии)

Я не помню, как я попал в этот чудный город: уснул ли я или же проснулся? Ясно помню лишь с того момента, как внимание мое сосредоточилось на громадном, изящной архитектуры здании. На фронтоне скромная,

Мост Алтайской железной дороги через реку Иня

но выразительная надпись — «Народный Дом».

На многочисленных дверях медные, эмалированные и др. дощечки: «Концертный зал», «Лекционный зал», «Редакция «Обского Пролетария», «Центральное Бюро Профессиональных Союзов» и проч., и проч. в том же светлом радостном духе. Многочисленные двери народного дома беспрерывно впускали и выпускали бесчисленных посетителей. Все с веселыми и улыбающимися лицами, одеты просто, но очень опрятно и, как у нас говорилось, вполне прилично. Я думал — в городе праздник. Но... огромные часы-календарь на башне народного дома показывали 10 часов дня 5 июня... 1937 года.

— Да... вот в чем дело... Двадцать лет спустя! Неподаром прошли эти двадцать лет! — удовлетворенно подумал я и, подергивая свою огромную седую бороду, бодро зашагал по улице. Я не представлял себе, по каким улицам я иду.

По обе стороны улицы — роскошные деревья, кусты цветущей сирени, ярко горят розы, выглядывают скромный шиповник, по стенам домов и легким изящ-

ным железным оградкам вьется хмель.

Дома чередуются — громадные многоэтажные дворцы, увешенные вывесками, плакатами, сменяют скромные, изящные железобетонные особнячки в два и даже один этаж, утопающие в зелени. По улицам проворно с легким жужжанием шмыгают трамваи, бегут автомобили, снуют велосипедисты, летают мотоциклы. На тротуарах деловое оживление: торопливо бегут в разных направлениях с портфелями, саквояжами, сумочками мужчины, женщины, подростки. На углу читаю вывеску: «Улица Чернышевского» и «Проспект 1917 г.». Это — родное. Начинаю припоминать...

Сворачиваю по проспекту.

Громадные окна магазинов, шикарные входы контор.

Улицы Маркса, Бакунина, Бебеля, Лаврова, улица Свободы, улица 1905 г...

Вон справа громадный стильный дворец... Издали видны буквы на фронтоне: «Дворец Кооперации» и «В единении — сила».

Посередине проспекта тенистая аллея, журчат фонтаны, щебечут детишки, бегая по аллее.

Вот Городской Корпус. На него наделали еще три этажа, и из тяжелого массивного корпуса получилось изящное стройное здание.

Сажусь в остановившийся трамвай и лечу за Каменку. Мелькнул широкий изящный мост через весело журчащую в зеленых опрятных берегах речушку, догадываюсь — Каменку.

По обе стороны улицы — чистенькие домики в три, два и один этаж: железобетонные, каменные, изредка деревянные, окруженные массой зелени. Почти в каждом квартале громадные корпуса домов с громадными окнами — общественные квартиры. Всюду зелень, фонтаны, чистота, красота, цветы.

— Как вы всего этого достигли? — спрашиваю я соседа.

— Что? — удивился было он. — А... Очень просто, — догадался сосед, — мы все время голосуем за нашу партию, за социал-демократов! Это честные, искренние, работающие ребята, прошли хорошую школу труда. Оторванные от станков, наковальни, парового вентилля машины, конторского стола, они внесли в общественную жизнь всю свою энергию, дисциплину труда, веру в свои и наши силы и смело проводили свои программные требования. И вот — результаты. Да... мы

всегда голосовали за социал-демократов!

Что было дальше, я не помню опять.

Позже сознание ко мне вернулось уже тогда, когда я шел к избирательной урне, держа в руке конверт с розовым списком, и радостно кричал:

— Граждане-избиратели! Голосуйте за социал-демократов!

Все-таки очаровательна эта наивность прошлого. Те, кто писал и читал этот «Маленький фельетон» в 1917 г., еще ничего не знали.

Ни того, что речка Каменка в городе исчезнет в принципе; ни того, что одно из самых изящных зданий старого города — Городской Корпус — слава богу, сохранится, и ничего на него не «наделали»; ни того, что эсдеки (за которых так агитировал персонаж фельетона, почему-то постоянно при этом теряющий сознание) расколются, передерутся и частично придут к власти...

Что именно благодаря этому Новониколаевск превратится в Новосибирск.

И что ровно через 20 лет после публикации этого текста наступит год 1937-й.

Если выглядят сегодня эти «опыты футурологии» достаточно юмористически — так в том нет вины новониколаевских газетчиков. Это писалось всерьез.

С названиями улиц, скажем, они почти все угадали — включая улицу Лаврова. Которая, правда, названа не в честь каторжанина-«народовольца» Петра Лаврова (который в тексте подразумевался), а в честь председателя новониколаевского горсовдепа (в течение 4 месяцев в 1922 г.) Андрея Лаврова.

Велосипедисты на дорогах города появляться не рискуют — так кто же мог себе представить такое количество машин?

А вот насчет избирателей...

«Что было дальше, я не помню опять. Позже сознание ко мне вернулось уже тогда, когда я шел к избирательной урне, держа в руке конверт с розовым списком, и радостно кричал: «Граждане-избиратели! Голосуйте за социал-демократов!»

Представьте себе эту «картинку».

Причины регулярных потерь памяти персонажа каждый может предположить сам. Но ведь голосуют-то за наследников бывшего «розового списка» до сих пор...

Вид на ж/д мост

И вечный городской «пиар»...

Сейчас идут большие споры: надо или не надо городу «пиариться»? Поддерживать свой имидж, чтобы о нас знали немного большее, чем истории про бомжей, ворующих журавлей из зоопарка? Споры спорам, а город о своем имидже заботился всегда. И даже деньги на это выделял. Результат, правда, был не всегда адекватен затратам.

Собственно, города-то еще не было, а его реклама уже началась. В 1895 году в столичном Санкт-Петербурге вышла книга «Мост через реку Обь» инженеров Белелюбского и Богуславского — авторов проекта моста. В этом «первом городском фотоальбоме» были «виды» (фотографии) моста, а также поселения «при нем». На первый свой фотоальбом город не затратил ни копейки.

Так же, как и ни на одну из выпущенных открыток с «видами» города. Первая открытка «Строящийся храм в

Ново-Николаевском поселке» появилась уже в 1898 году. Издана в серии «Великий Сибирский путь» все в той же столице барнаульским мещанином Новоселовым. Собственно, город аккуратно «вписался» в рекламу популярного строительства Транссибирской магистрали, и никаких дополнительных затрат не потребовалось.

Открытки с видами нового города расхватавали как горячие пирожки. Открытки быстро стали популярными — их тысячными тиражами печатало и крупнейшее в Российской империи столичное издательство Суворина, и — в самом городе — владелец типографии и основатель первой газеты Литвинов.

Несколько лет назад фонд «Сибирская горница» выпустил копии новониколаевских открыток. Правда, не всех. Да все переиздать было бы затруднительно. Видов дореволюционного Новониколаевска на открытках (включая повторы) было издано около 600. Для сравнения: «видов» Барнаула — 200, Каинска — 50.

Открытки — как подлинные, так и копии — пользуются большой популярностью у коллекционеров. Открытки открытками, но город не забывал и о том, что надо вкладывать деньги в свой имидж, а городские депутаты — что надо расходование этих денег контролировать. «На хлопоты по проведению Алтайской железной дороги через город городской бюджет потратил 10 тысяч рублей. В итоге — дорога пошла именно через город,

принеся дополнительные рабочие места. И, что главное, — налоги за пользование городской землей!

Депутаты Городской Думы подняли в 1913 году скандал о выделении средств на эти «хлопоты», но польза-то была для города несомненной. Скандал утих.

Город быстро «раскусил», что, вкладывая совсем небольшие средства, можно получить хорошую прибыль. Выпущенный в 1934 году Обществом пролетарского туризма и экскурсий мини-буклет содержал 20 фотографий Новосибирска и стоил 5 рублей.

«Пролетарские туристы» должны были в обязательном порядке буклет под названием «Столица

Западной Сибири» приобрести.

Кстати, сапоги, хоть и самые плохонькие, не стоили тогда больше двух рублей.

Буклет — замечательный. В нем не только старый Новосибирск, не только проекты строящегося Оперного (тогда — Дома науки и культуры). На обложке его памятник Ильичу на ступенях нынешнего «Водника» показывает рукой на запад. С тех пор Ильича перенесли, развернули, и показывает он теперь на восток.

Город, правда, от продажи тех буклетов ничего не получал. Но туристы «отоваривались» и этим очень поддерживали городскую экономику. А также — бабушек на вокзале, торгующих вареной картошкой.

С фотоальбомом «Новосибирск» 1961 года получилась вообще смешно. Горисполком тогда впервые выделил деньги на подобное издание. Однако делалось оно «в два притопа — три прихлопа». Печатали — в Свердловске, сшивали отпечатанное в одной типографии Новосибирска, обложку ладили в другой.

К несчастью, с этим альбомом случилось то, что открывала его фотография товарища Хрущева. И с его текстом: «Дорогие товарищи сибиряки! Мы встречаемся с вами довольно часто...»

Через некоторое время Хрущева уже не стоило упоминать. Альбом списали в макулатуру. А куда его было девать? Дарить приезжающим «товарищам из Центра»? Проще было бы повеситься.

Еще более смешная история получилась с фотоальбомом, выпущенным почти ровно через сотню лет после издания книги Белелюбского и Богуславского.

Вид на строительство опор ж/д моста, 1894 г.

Новосибирская область отмечала очередной юбилей, и требовалось нечто подарочное по этому поводу. Альбом, собственно, получился очень замечательным. Правда, фотографий из соответствующих районов соответствующая пресс-служба так и не прислала.

Выручил Интернет. Теперь в Новосибирской области привольно колосятся канадские хлеба и зеленеют канадские же сосны.

Строительство моста через р. Каменку

«Убежавшая» строка

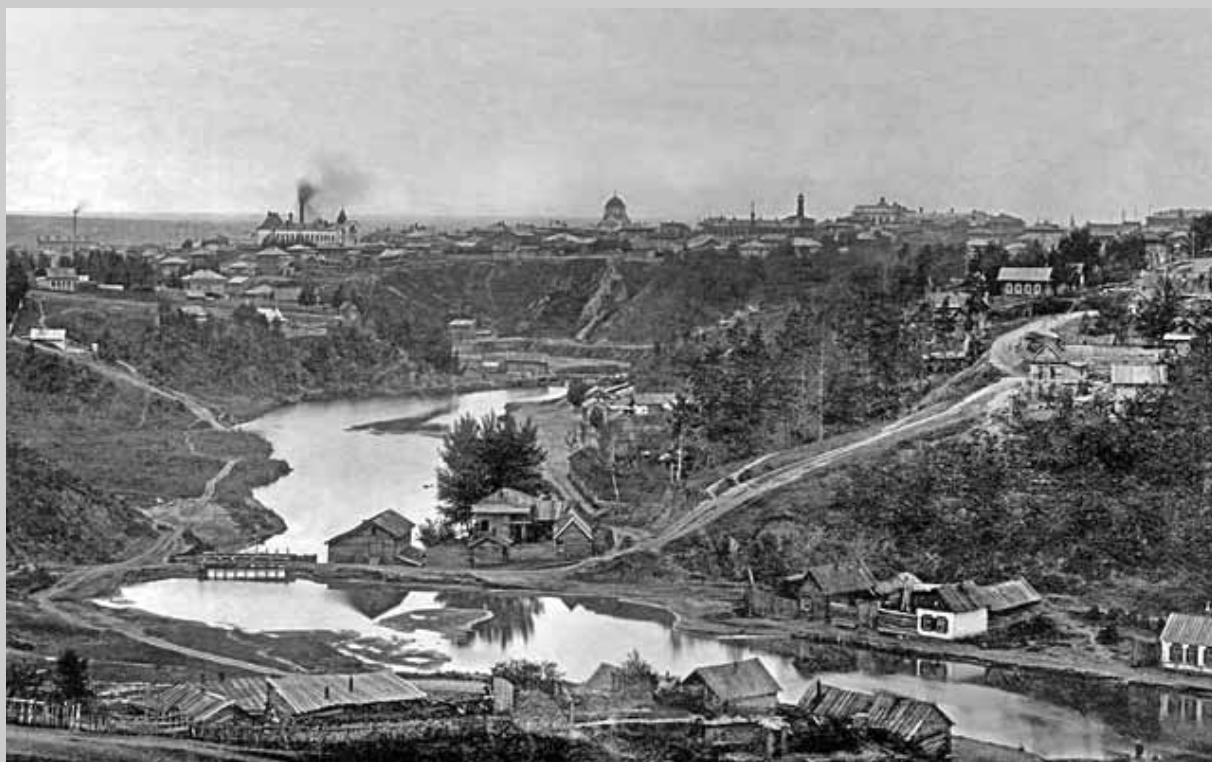
Самое нестандартное «световое» городское средство массовой информации «родила» реклама. Почти сто лет назад. В промежутке между этими датами без «оригинальных» СМИ город тоже не обходился. Последнее нестандартное городское «световое» СМИ «убила», как ни странно, та же реклама.

Первый городской световой «рекламный носитель» был шаговым. В прямом смысле этого слова. В январе 1909 года новониколаевская газета «Народная летопись» сообщала главную городскую сенсацию в заметке под названием «Совсем по-американски»: «На днях вечером ездил по улице шагом легковой извозчик с трехгранной призмой из белой материи. Внутри лампа, а на боковых поверхностях написано большими красными буквами: «Косморама в «Луне». 8 1/2 вечера».

Новость была настолько сенсационной, что в газету ее поставили даже над сообщением о программе поездки новониколаевской депутации в столичный Санкт-Петербург. Хотя в программе были первоочередные для Новониколаевска просьбы: о придании городу статуса уездного; о сужении железнодорожной полосы отчуждения, «которая мешает проспекту и прохождению в храм»; о выделении беспроцентной ссуды в 320 тыс. руб. на строительство в городе школьных помещений и пособия в

Михайловская улица, начало XX века

Пойма р. Каменка.

80 тыс. руб. на постройку городского четырехклассного училища; о переводе управления Сибирской железной дороги из Томска в Новониколаевск; о прокладке Алтайской железной дороги именно через наш город...

Едущий шагом извозчик стал «сенсацией № 1», затмив все эти «челобитные» дела. По той простой причине, что извозчики городские тихоходностью не отличались. Местные газеты практически ежедневно пестрели сообщениями: «Опять лихачество на улицах», «Жертвой лихачества стал пассажир», «Сбита гимназистка». И этот, с рекламой, просто не мог не обратить на себя внимания — хотя бы скоростью передвижения экипажа. А еще и движущееся световое пятно в сумеречном вечернем городе...

Город все время кокетливо сравнивал себя по тем-

пам роста с американским Чикаго — отсюда и возник заголовок. «Косморамой» гордо назывался (в отличие от остальных существовавших) очередной новый «электрический синематограф» (то есть кинотеатр). И только после выхода «Народной летописи» с этой сенсацией в свет ее редактор и издатель Николай Литвинов понял, как он «купился»!

Он был первым новосибирским журналистом — и пройти мимо примечательного события не смог. А вот Литвинов-издатель сразу же обратил внимание на то, что платную рекламу в газету «Косморамы» не дает. То есть, собственно, ее прорекламировали даром. Точнее, за счет газеты и ее издателя. Газету в городе уважали и даже побаивались. У издателя Литвинова (на этот раз только издателя, не журналиста и не редактора) состоялся се-

рьезный разговор с владельцами «Косморама».

После этого разговора «Косморама» стала одним из самых постоянных и аккуратных рекламодателей «Народной летописи». Да и «шаговые» поездки скоро закончились. Это «Косморама» была «электрической», а лампа в ее «световой рекламе» — естественно, керосиновой.

Майский пожар 1909 года, буквально «слизнувший» целые городские кварталы, около 800 домов, заставил по-другому взглянуть на использование открытого огня.

И «Косморама»-то была тут абсолютно ни при чем — следствие установило, что пожар начался на ул. Каинской, «во дворе дома крестьянина Шапа, арендованного Гнусиным». Владельцы «Косморамы» по итогам следствия, вероятно, не раз перекрестились — и дали несколько показов «в пользу погорельцев».

Неторопливые «световые» поездки с керосинкой в обрамлении легкогогорючего полотна закончились. За такую «рекламу» после пожара могли не только побить, но и убить. Но, с учетом рекламных договоренностей с

издателем Литвиновым, нужда в «световых» рекламных экспериментах отпала с выгодой для всех. Отпала, правда, временно.

В конце 1920-х годов, после сноса старой постройки перед Домом Ленина (на месте будущего Первомайского сквера) образовалось свободное пространство. Его и заняла очередная «световая газета», существовавшая на месте нынешнего фонтана. Это была уже «политическая» реклама (как сказали бы сейчас).

Экраном служило белое гигантское брезентовое полотно. Летом «крутили» сначала свежие выпуски новостей из Москвы («Процесс Промпартии», «Колхозы увеличивают надой»), а уж потом — фильмы. Судя по всему — еще реквизированные из запасов местных «кинематографов». Тут был, помимо «политического», расчет и вполне финансовый.

Художественные фильмы «без новостей» показывали в крупнейшем тогда городском кинозале на 600 мест, в нынешнем ДК Октябрьской революции. Но за проход на эти сеансы надо было платить. А «световая газета» в

центре города была бесплатной. Пацаненок в те годы (а затем — доктор наук) Николай Амшинский вспоминал: «Между двумя столбами был натянута белая брезента, а неподалеку от него стояла хижинка на курьих ножках. В ней сидел механик и крутил кино. Крутил — правильное слово, потому что механик и в самом деле вертел ручку аппарата».

Показывали фильмы Чаплина и другие художественные картины. Толпа собиралась громадная. Жившие неподалеку приносили с собой скамеечки и табуретки, умельцы приспособливали к тростки сиденьица, а большин-

Клуб ССТС (сейчас Дворец культуры Октябрьской революции), 1920-е годы

ство стояло.

От желающих покрутить ручку киноаппарата не было отбоя, потому что это интересно и потому, что в это время можно присесть. Просуществовала эта «газета» несколько лет, а потом канула в лету» («Мой Новосибирск», Н., 1999 год).

«Канула» по причинам очень простым. Впервые, наконец-то, был «окультурен» Первомайский сквер и на месте бывшей «газеты» возник фонтан. А во-вторых, оказалось, что уж если люди купили за свои деньги билет в кино, то «нагрузку» в виде очередных «новостей дня» смогут переварить заодно с искусством.

Под следующую в истории города «световую газету» потребовался «носитель» хоть и стационарный, но абсолютно необычный.

4 апреля 1958 года было принято в эксплуатацию самое на тот момент большое жилое здание в Новосибирске. Здание, изогнувшееся «дугой» от Красного проспекта до выезда на Октябрьскую магистраль, сразу получило у новосибирцев «домашнее» прозвище «кишка». Автоматически это прозвище перешло и к открытому в феврале 1959 года на первом этаже по всему фасаду дома-гиганта самому крупному в Сибири (на тот момент) продуктовому магазину. Пять залов, площадь 1630 кв. м.

А 1 декабря 1971 года над самым большим магазином и над самым большим домом появилась новая световая газета — «бегущая строка». Электронно-световой информатор длиной 28 м и высотой почти 2 м предназначался для передачи информационных сообщений и рекламы. Его трехцветные надписи можно было прочесть на расстоянии почти до километра.

Впрочем, реклама была, в основном, бессмысленной.

Дом «Под строкой» — еще без бегущей строки, конец 1960-х годов

«Летайте самолетами «Аэрофлота!» А чем еще летать? «Пользуйтесь услугами сберегательных касс!» А чем еще, если не домашней шкатулкой?

В самом начале 1990-х годов «прогорающую» «бегущую строку» выкупила фирма «Инфопринт», рассчитывая на прибыли от рекламы. Прибылей не было — даже «Аэрофлот» и сберкассы прекратили платить.

19 августа 1991 года с 22 часов вечера «Бегущая строка» запустила «кольцом» экстренное сообщение: «В стране произошел государственный переворот. Нет — фашистской хунте! Да — правительству Ельцина!».

Это было, пожалуй, последнее сообщение. Оказалось, что для получения прибыли не надо ни ходить, ни бегать — планшетная реклама более эффективна. «Бегущую строку» демонтировали...

А гордое название «Под строкой» взял себе изрядно «ужавшийся» магазин.

Когда-то — «самый большой».

Николаевский проспект, 1910-е годы

...И — о защите прав потребителей

Некачественные товары были всегда. Просто потому, что всегда находились охотники обьегорить покупателя, всучив ему дешевую, но несъедобную дрянь.

И город (вместе с потребителями) всегда с такими ловкачами боролся как мог. Борьба за права потребителей иногда неожиданно приобретала даже классовый характер.

Идиллическое представление о «России, которую мы потеряли» как о месте почти сплошного изобилия и порядка несколько не соответствует действительности. Жулики «от торговли» были везде — и в Новониколаевске тоже.

В мае 1906 года городская газета «Народная летопись» в разделе «городской хроники» сообщала об одном из подобных фактов: «Сайки с сюрпризами. Что продаются папиросы с сюрпризами — это всем известно, но чтобы продавались с сюрпризами французские булки, это уже совсем ново. Сюрпризы состоят из запеченных тараканов (прусаков) или какого-то черного вонючего вещества. Покупающий две-три булки имеет получить одну из них с сюрпризом.

Честь введения этого, так сказать, изобретения принадлежит г. Казакову. Желаям учредить конкурс для выдачи премии изобретателю Казакову рекомендуем обратиться в камеру мирового судьи. Образцы премированных изделий г. Казакова хранятся в редакции «Нар. Л.»

Вероятно, французская булка «с сюрпризом» попала к кому-то из журналистов газеты.

Интересно, что, оправдываясь за некачественный товар, продавцы предпочитали ссылаться на то, что он «не местный», «завозной». Борьбы с «некачественными товарами из Грузии и Молдовы» тогда еще никто не начинал, виновников приходилось искать поближе.

Владелец магазинов Кетов оправдывался (опять же

через прессу) за свой ассортимент: «В №104 газеты «Объ» была напечатана хроникерская заметка, в которой говорится, что купленные в моем магазине конфеты оказались недоброкачественными. Признавая, к сожалению, справедливость этой заметки, я считаю нужным, однако, добавить, что эти конфеты производства московской фабрики «Реномэ», а не моей, и попали в продажу по ошибке».

Редакция ехидно добавила примечание к «оправданию»: «Ошибка могла быть роковой».

Владелец завода фруктовых вод Адрианов (завод располагался, кстати, в самом центре города, на ул. Ядринцевской, 15) заранее успокаивал потребителей, публикуя в газетах на правах рекламы платные сообщения: «Была заметка, что некоторые заводы в г. Ново-Николаевске вырабатывают фруктовые воды на сахарине, некипяченой воде и вредных красках (как показал химический анализ) и что это вредно отзывается на здоровье. <...> Довожу до всеобщего сведения, что мною, несмотря на очень низкие цены, воды вырабатываются всегда исключительно на сахаре. <...>

Работать же на сахарине, не считаясь с вредом здоро-

вью людей, заставляют 50 или 60 коп. на ведро воды экономии. А также воды мною вырабатываются на кипяченой воде; для этого я имею два больших перегонных аппарата (один последнего выпуска) и действительно кипячу воду, а не имею их только ради формальности, как это в большинстве принято, но для формальности достаточно и одного маленького перегонного аппарата. А также воды я вырабатываю на растительном мальвине, разрешенном к употреблению Московским медицинским управлением».

За качеством продукции следили и власти. В торговых точках регулярно проводились облавы полиции для выявления некачественного товара. Особенно часто облавы проводились в торговых рядах и ларьках, торгующих рядом с вокзалом.

Тут пресекали продажу «из-под полы» спиртного солдатам проезжающих частей и гарнизона. Случались и сюрпризы.

В конце марта 1906 года во время очередной облавы на вокзале полиция проверила киоск Шеина, торгующий хлебом и квасом. Квас и хлеб оказались в порядке, санитарные условия — в норме.

Но при проверке была обнаружена и изъята другая (очень, кстати, качественная) «продукция» — нелегальные социал-демократические печатные издания, причем в значительном количестве.

Владелец киоска Шеин, несмотря на отсутствие претензий к качеству хлеба, кваса и «сопутствующих товаров», был взят под стражу. Отправлен с этапом в Томское арестантско-исправительное отделение № 1.

Полиция, сама того не ведая и не желая, нанесла один из самых ощутимых ударов по Обской группе РСДРП. Киоск, созданный и работавший на деньги подпольщиков, служил «перевалочным складом» для литературы. Торгов-

Военный городок, 1910-е годы

ля квасом на деньги социал-демократов обернулась для Шеина тюремным арестом...

А в июне 1907 года возмущение потребителей некачественным товаром едва не привело к серьезным неприятностям не только для поставщиков, но и для властей.

Хроника «Новосибирск. 100 лет. События. Люди» вспоминает об этом конфликте достаточно сухо, но вместе с тем не без красочных подробностей: «Солдаты 6-го Сибирского Енисейского полка отказались есть хлеб из гнилой муки, издававший удушающий запах, которую поставил в гарнизон по завышенной цене начальник сушарного завода подполковник Васильев, казнокрад и мошенник. Волнения енисейцев поддержали солдаты 2-й роты Иркутского полка, также отказавшиеся принять гнилой хлеб.

За это офицер избил их, оставил без ужина и поставил под ружье на четыре часа, хотя многие солдаты перед этим сменились с караула».

Броненосца «Потемкин» под рукой не оказалось. А жаль... Глядишь, всемирно известный фильм о защите прав потребителей Сергей Эйзенштейн мог бы снять на нашем, местном, материале.

Однако солдаты добились своего и без броненосца. Был заменен и некачественный хлеб, и некачественный поставщик.

Полковника Васильева в должности начальника военно-сушарного завода сменил подполковник Нарожный.

Интересным и неожиданным образом к защите прав потребителей Новосибирск вернулся в начале 1990-х, причем в масштабе всей страны.

Народный депутат России от Новосибирска Алексей Мананников добился создания в комитете Верховного Совета РФ по экономической реформе специального авторского коллектива по подготовке текста закона, который, в итоге, вступил в действие в 1992. В отличие от закона «О пчеловодстве», закон, «пробитый» новосибирским депутатом через бюрократические препоны, действует до сих пор. Закон «О защите прав потребителей».

Так что сегодня для защиты своих прав броненосец «Потемкин» уже не нужен.

Хотя французские «булки с сюрпризом» и несъедобные «конфеты» неведомо чьего производства в продаже до сих пор попадаются. Неприятно другое — продавцы и производители почему-то перестали заботиться о своей репутации.

С трудом могу себе представить в сегодняшних газетах обращенное к покупателям объявление производителя фруктовых вод с предложением ознакомиться с их качеством прямо на производстве. Или хотя бы неуклюжие объяснения продавца, что некачественная продукция попала в продажу случайно.

Но, несмотря на это, можем немного погордиться — «мы были первыми!» Первыми стали писать о качестве товаров и первыми встали на защиту этого самого качества.

«Точечная застройка» как точка отсчета

О так называемой «точечной застройке» в центре города идут постоянные споры.

Спорят чиновники, журналисты, строители, архитекторы, представители общественности.

Мало кто вспоминает, что, собственно, с «точечной застройки» когда-то город и начинался.

Начнем с того, что ни город, ни даже поселок у моста никто, похоже, строить не планировал. Он возник сам по себе, руками тех, кто, собственно, и строил и мост, и Транссиб. И его появление вызвало искреннее удивление всех.

Юлий Шмидт (отец знаменитого полярника) сообщил

на заседании Русского географического общества (и сообщение было опубликовано в «Записках Западно-Сибирского отдела РГО» в середине ноября 1894 года), что поселение выросло «с американской быстротой».

И добавил, что поселок, «по-видимому, должен иметь солидное будущее как крупный торговый центр», а пока «представляет кучу безобразных наживо сколоченных построек, занятых пришлым на железную дорогу рабочим людом и различными торговцами».

Первый поселковый староста Титлянов, выбранный, как позднее заявили власти, «незаконно», затем писал: «На месте, где образовался поселок, был огромный бор и лишь только одиннадцать домов выселившихся из села Кривошековского крестьян-пермяков ютились на берегу реки Оби».

Поселок, собственно, юридически не существовал — не было его. Ни статуса не было, ни, соответственно, собственного самоуправления. А поселок — был. За тем, что происходило в лесных угодьях возле строительства моста, по идее должны были следить чиновники Томского имения Алтайского округа Кабинета его Императорского Величества. Кабинет, являвшийся, по сути, отдельной структурой в иерархии государства, должен был следить за правомочным

Застройка поймы р. Каменка

использованием принадлежащих государю земель (а к таковым и относился бор в районе строительства моста). Как обычно — не уследили. Приехавший уже в конце 1893 года старший «кабинетный» лесничий с изумлением обнаружил, что правобережного бора практически не существует. Зато существует неизвестное поселение, которое за его (уже тогда!) обширностью выселять-то невозможно. На предложения о выселении владельцы строений смотрели как-то нехорошо и с явным угрожающим намеком поглядывали на близлежащие остатки бора: мало ли кто там пропасть может? Лесничий намек понял и ограничился «полюбовным» договором о взимании символической арендной ежегодной платы размером в один рубль со строения.

Однако и такую плату, судя по всему, «новые аборигены» не сильно торопились платить. Летом 1894 года (всего через год после появления «точечной застройки» на месте бора) в будущий Новониколаевск приехал уже не лесничий — чиновник разных поручений Главного Управления Алтайского округа Сергеев.

Им, по результатам инспекции, был составлен потрясающий документ: «Список разного звания лицам, самовольно заселившимся на боровом месте по обоим сторонам р. Каменки, впадающей справа в реку Обь, против села Кривошековского. Составлен по 6 июля 1894 года». Собственно, этот список можно считать (с определенными поправками на граждан, плативших свои рубли в казну) первой своеобразной «переписью населения», «первопоселенцев» будущего города. И даже не столько их, сколько их самовольной «точечной застройки», с которой, на самом деле, город и начался.

В советские времена принято было писать, что, дескать, селились поселенцы кто где — кто в землянках, а кто и вообще в шалашах. Жизнь, дескать, была ужасная, нищая. «Список» этого не подтверждает.

На триста «точечных застройщиков» в будущем Новониколаевске чиновник обнаружил всего 57 владельцев землянок. Да и то их социальный

статус (говоря сегодняшним языком) не слишком отличался от статуса владельцев собственных домов. А иногда отличался, да еще как!

Железнодорожный (завидное место!) рабочий Мартын Казанцев жил в землянке. Так же, как и его коллеги — Федор Понькин и Константин Быков. В землянке жил и Василий Травников — «кучер у железнодорожного чиновника». По нынешним временам — «водитель персонального автомобиля высокого начальства». В землянке жила и «занимающаяся торговлей» солдатка Томской губернии Авдотья Бердникова.

Впрочем, в землянках жили и рабочий Иван Шмаков, и рабочий Кузьма Белов. Так же, как и «занятий не имеющие» Михайло Кропачев, Степан Калмыков и прачка Любовь Марханова. Но землянки — не показатель того, как именно тогда, в самом начале, с «точки отсчета» отстраивался будущий город. Всего-то их в описи набралась шестая часть.

Основная часть первых точечных застройщиков — владельцы собственных домов и собственных же барачков. И вот тут-то начинается самое интересное, окончательно добывающее представление о «беспросветной» дореволюционной жизни.

Посмотрим на список счастливых домовладельцев. Ефим Бутков — «Занятий не имеет. Изба осиновая». Иван Пирсов — «Занятий не имеет. Осиновая изба».

Учительская семинария

И куда ни посмотри в списке — что у отставного солдата из крестьян Тобольской губернии, «не имеющего занятий» Николая Кондратова — «изба осиновая», что у вполне пристроенного «при месте» телеграфиста Средне-Сибирской железной дороги Никодима Салина — такая же. И у мясника Моисея Черепанова — тоже.

Но, собственно, и это не самое интересное. «Точечные застройщики» города той поры застраивались с размахом. Вот только несколько примеров.

«Колыванский купец Матвей Чередов. Имеет свой дом в с. Кривошеково на левом берегу реки Оби. Занятий не имеет. Имеет два двухэтажных дома, в которые пускает квартирантов». «Хрисанф Грязных. Пекарь. 2 осиновых барака». «Самсон Мамаев. Рабочий. Две сосновые и одна осиновая изба». «Федор Волков. Рабочий. Две сосновые избы». «Илья Пономарев. Рабочий. Две сосновые избы и одна осиновая». «Матвей Шепин. Рабочий. Две избы: 1 — сосновая, 1 — осиновая».

Количество остальных владельцев двух и более изб, а также персональных бараков из «лиц низших сословий» как-то даже утомительно перечислять.

Можно коротко сказать — их было много. Что же касается шалашей...

В списке обнаружился только один. «Самарский мещанин Василий Пуговицын. Занятий не имеет. Имеет шалаш». Запись звучит, скорее, юмористически.

Интересная вещь — что ни строчка в списке, так пометка, что

Социально-разъяснительные брошюры 1920-30-х годов

«дом старый».

Вот ведь, казалось бы, загадка — когда им «состариться»-то? Только-только селиться начали, меньше года как вообще первые застройки тут появились, и на тебе — «дом старый». Это писалось чиновником с одной-единственной целью — чтобы зафиксировать владельцев и количество «новых» домов, явно построенных из свежесрубленного леса.

Бор-то куда-то исчез — вдруг начальство прикажет предъявлять претензии? Бумага нужна для этого, документ.

А со «старыми домами» все, собственно, просто.

Сергей Баландин, патриарх истории новосибирского градостроительства, в своем фундаментальном труде «Новосибирск. История градостроительства» (Т. 1, Н., 1978 год) писал: «Приплавка готовых домов (или срубов под дома) по воде... требовала значительного искусства, но и оно было хорошо знакомо строителям-плотникам».

В книге была и фотография одного такого «припльивца» — дома-«пятистенки», припавленного из Колывани и стоявшего на ул. Большевицкой (впоследствии был снесен в связи с постройкой городской набережной).

Не та сегодня «точечная постройка» пошла. Раньше селились простые люди, а теперь высотки и «офисняки» в центре города аккуратнo и методично «вытаптывают» собой ту самую, первую «точечную застройку» города. Жаль.

Жильё — своё! Недвижимое!

«Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку. «Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пуцу в ход бумагу...»

Джанни Родари, «Приключения Чиполлино»

Новосибирск сегодня переживает пик интереса горожан к приобретению жилья в собственность. Слово «ипотека» уже почти никого не пугает своей загадочностью. Хотя и без накладок не обходится.

То застройщик «недостройщиком» заделается, и

деньги уходят в никуда. То вдруг оказывается, что у одной проданной квартиры уже имеется по два-три набора жильцов.

Все это в истории города уже было, причем достаточно давно.

Первые программы поддержки строительства «социального жилья» в городе осуществлялись еще в самом начале уже прошлого XX века. Однако было определенное отличие от сегодняшней ситуации.

Никто не раздавал кредиты «молодым семьям» или «молодым специалистам» и т. д. непосредственно на строительство жилья. Собственно, как раз с постройкой (при наличии, естественно, средств и желания строиться) особых проблем не наблюдалось. Материала вокруг хватало — город окружали леса. А можно было сплавить по реке из близлежащих деревень готовый дом. Был бы участок, где его поставить.

Дело в том, что большинство земель в Новониколаевске и вокруг него являлись не городскими, а личной собственностью Николая II. Земли выделялись «по выбору» и не всегда использовались «по назначению».

Вот одно из новониколаевских газетных объявлений: «Продается земля, заключающаяся в восьми участках соснового леса, принадлежавшая генерал-лейтенанту

Обский проспект

Общий вид на Каменку

Ялмару Федоровичу Лундеквисту, перешедшая в собственность студенту-технологу Аркадию Васильевичу Сапожникову, находящаяся в окрестностях г. Ново-Николаевска, на правой стороне р. Оби, за речкой Каменкой».

Генерал-лейтенант Лундеквист был участником «восточных военных кампаний России», его имя упоминается в книге «Памятник восточной войны 1877—1878 гг.», заключающей в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб- и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и отличившихся рядовых». (СПб, 1878 год).

Чтобы было проще, поясню, что «восточные кампании» России того времени знают сегодня больше по фильму «Турецкий гамбит»...

Книга была по объему невелика, но — тем не менее... Лундеквист, как и многие русские генералы, будучи на Востоке, занимался не только войной, но и историей, культурой

Востока. Именно он впервые открыл древности Мараша, города, лежавшего на границе хеттского и семитического, сирийского мира. Так что выделение в собственность (а не в аренду!) личных царских земель — это действительно «царский» подарок.

Но вот как и почему этот подарок перешел студенту-технологу Сапожникову — история умалчивает. Не дурак был студент, понимал, какие участки надо выкупать, куда город расширяться будет. Хотя на «государевых» землях осуществлялись и «социальные» программы.

Уже в 1906 году было объявлено, что «Кабинет Его Величества разрешил в незаселенной части города отдачу действительно нуждающимся участков в аренду, без торгов». Не совсем в собственность, конечно, но, по крайней мере, условия аренды были льготными. И, более того, арендодатель не имел права на снос построек. Подчеркивалось, что «участки будут назначаться лицам, действительно нуждающимся в них для собственной застройки, прожившим

Вид на собор и центральную часть города со стороны новой застройки

в г. Ново-Николаевске не менее одного года, семейным, не имеющим и не имевшим участков; причем в случае недостатка участков для всех желающих преимущество будет отдано менее состоятельным». Чем не «социальная программа»?

Строиться-то было из чего, но — мест не было. Интересно, сегодня против этих критериев кто-нибудь найдет что возразить?

В Новониколаевске, помимо студента-технолога, ставшего владельцем «генеральских» земель, очень многие поняли, что жилье собственное — это не съёмные квартиры. И все зависит именно от их наличия — от личных участков, от своей собственности.

«Продается сходно: кета амурская, крупа ячменная, кули из-под крупчатки, веялки, железо сортовое, краска «медянка» и мраморный памятник. Желая купить недо-

рогие усадебные места. Прошу обращаться: Асинкритовская ул., № 107, Ф. Самушеву».

Это — объявление из новониколаевской газеты. Оцените — человек распродал всю свою небольшую торговлишку. Причем разнообразную. И, кроме того, плюнул на оформление своего будущего места успокоения. Он очень, судя по всему, рачительный, заранее заказал свой будущий надмогильный памятник.

Но — пришла идея в голову, и пришлось его так же срочно продавать, как веялки, кули из-под крупчатки и сортовое железо. Ради покупки недорогих мест под жилищную застройку.

Кстати, можно заметить, что жил-то новониколаевец Самушев и так неплохо. На Асинкритовской (сегодня — ул. Чаплыгина). В центре Новониколаевска.

Но, «почувствовав конъюнктуру», продал все ради

Пархоменко, 1-ый пер (1930-е). Кварталы, строившиеся в 1931—1933 гг., состояли из «жилых комбинатов» на 500-1000 человек, в состав которых входили четырёхэтажные жилые корпуса, общественные здания и детские учреждения. Дома располагались параллельно, образуя два ряда застройки, между которыми должны были возникнуть хорошо озеленённые аллеи-улицы. Типовые проекты для строительства соцгорода в левобережье были разработаны Новосибирсоцстроем на основе проектов бригады немецкого архитектора Эрнста Мая, в которую входили специалисты из Германии, Австрии, Голландии, Швейцарии

приобретения недвижимости. Эта история чем-то напоминает историю отца Федора из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Он ради своей идеи пустил под нож даже собственную бороду. Результатами реальный новониколаевец Самушев и «книжный» отец Федор могли бы посоревноваться. В обоих случаях были они нулевыми. Никогда ни в каких упоминаниях место домовладения и имя «домовладельца Самушева» не возникали. Несмотря на все-таки, возможно, проданные по сходной цене кету амурскую и краску-«медянку».

Выдачи земель под застройку помогли формированию жильцов молодого города. Они как-то аккуратно отодвигали в сторону что местных «отцов федоров — самушевых», что пришлых «студентов», неясно как получивших участки (в том числе и «генеральские»).

К концу 1913 года в городе было более ста улиц, на которых размещалось 4500 усадеб, более восьми тысяч домов. Стоит отметить, что, по данным новосибирских историков, по количеству жилых домов уже к 1910 году Новониколаевск опережал губернский Томск («Энциклопедия «Новосибирск», Н., 2003 г.). Почти половина домов города имела железную крышу (в прямом, «строительном» смысле слова) и по этому важному и престижному показателю капитальности жилищного строительства юный город «обскакал» тогда всю Сибирь, уступив только Омску.

В 1920-е годы, судя по воспоминаниям старожилов, недвижимость под жилье можно было приобрести недорого и не так уж далеко от нынешнего центра города. Интересные воспоминания оставила Глафира Кобзева («Мой Новосибирск», Н., 1999 год), пятилетней приехавшая в Новониколаевск в 1922 году с отцом-извозчиком. В них говорится и о ценах, и о нравах на тогдашнем «жилищном рынке», и о возможности построить свое жилье.

Дом извозчик купил на улице Тургенева — одной из старейших улиц города. Да только вот «обули» его бессовестно. Купил за 8 миллиардов, и не надо пугаться этих цифр.

Зазезжие куплетисты тогда распевали частушки:

*«Забегая я в буфет — ни копейки денег нет!
Разменяйте десять миллионов!»*

Миллионы (на дензнаках) тогда называли «лимонами», миллиарды — «лимардами». Презрительность народного названия говорит сама за себя о ценности денег. Но

по приезде новоселов выяснилось, что в доме уже живет цыганская семья. А на дворе — зима и мороз. Цыгане взмолились — не гоните! Оставили (видимо, было где?), жили вместе, пока, как вспоминает мемуаристка, «мы себе в той же ограде не построили новую избу».

Поражает толерантность (как бы сейчас сказали) и готовность платить дважды, не обращаясь дополнительно к властям.

Домик был бы. Свой. Пусть маленький пока.

Первый день города

Ровно сто лет назад, летом 1907 года, Новониколаевск впервые отпраздновал свой общегородской праздник. Было все — торжества, народные гуляния. Только первым праздничным Днем города стал, как ни странно, юбилей местного пожарного общества. Ему тогда исполнилось 10 лет, а сегодня новосибирские пожарные отметили 110-ю годовщину.

Тактично не напомнив о том, что День города начался, собственно, именно с них.

До этого, конечно, были общегородские праздники — с гуляниями и даже с мордобоем. Но это были праздники либо религиозные, либо государственные. Их город тоже отмечал «с размахом». Куда там жалобы на сегодняшние праздники «погранцов», «мореманов» или «десантуры»!

В мае 1896 года, во время торжеств по поводу коронации нового императора Николая II, случился настоящий бунт. Сегодня бы сказали — «массовые беспорядки». Участники этого бунта разгромили палатки с выставленным бесплатным угощением. Угощение сопровождалось спиртным, однако нескольким буянам «не хватило». В итоге — разбитый винный магазин. Горожане на участников этих бесчинств обиделись, что ли...

Постоянной штатной полиции еще не было, исправнику «с рук на руки» горожане сдали несколько перепив-

шихся буянов. И — два трупa тех, кто «вразумления вообщe не сознавал, кидаясь на людей с бутылками».

А тут, в 1907 году, город отмечал первый собственный праздник. Именно — собственный. Городской. Для города, больше 90% обитателей которого жило в деревянных домах, создание собственной пожарной охраны было просто необходимо. Так что ее небольшой юбилей стал городским торжеством. Общим. Так сказать — Днем города. Первым в городской истории.

Газеты публиковали присланные поздравления. От Великого князя Владимира, который числился патроном всех российских пожарных обществ.

«Приветствую Ново-Николаевское пожарное общество с первым юбилеем». Управляющий Императорским именем Киуц: «Шлю поздравления и искренние пожелания дальнейшего развития общества и команды»...

В газетах и в расклеенных по городу афишах сообщалась программа праздника. «Молебен около депо Добровольного пожарного общества; шествие дружины ДПО и Городской пожарной команды к пожарному депо; молебен около городского депо и выдача награды; в здании театра Андреева будет прочитан доклад о развитии пожарного дела в Ново-Николаевске; закуска для дружинников и гостей; спектакль, чистый сбор от которого поступит в пользу общества; гулянье в саду при театре».

Распорядители вечера — члены правления ДПО и гласные городской Думы Литвинов, Кашин и Жерновков.

«Горожане Ново-Николаевска приглашаются почтить

вниманием торжество наших самоотверженных граждан-пожарных как личным присутствием, так и небольшими денежными жертвами. Один день внимания для героев нашего города — и они, благодарные, с еще большим мужеством будут защищать вас от опаснейшего врага нашего благополучия — огня».

Отчеты о праздновании в газетах были буквально эпическими.

«В понедельник 11 июня 1907 года здание депо было убрано цветами и зеленью, на фасаде здания помещен транспарант с изображением каски, двух топоров и лавровых листьев. В 12 часов дня местная дружина и гости выстроились с развернутыми знаменами, прибыли представители города. Из собора св.Александра Невского были принесены хоругви, иконы, и при большом стечении народа был совершен молебен. После моления оркестр Енисейского полка сыграл гимн». Той самой России, в которой и царь, и народ, и бог были едины — «Боже, царя храни!».

После, в советские времена, «Боже, царя храни!» оказался запрещенным. Его пародийно пел Буба Касторский — оригинальный куплетист в одной из серий кинофильмов про «неуловимых мстителей». Но это позже, а тогда, в 1907 году, все выглядело идиллически.

После пения гимна дружина и гости сфотографировались и пошли к городскому пожарному депо. Тут, после еще одного торжественного богослужения, городской староста Кузнецов преподнес брандмейстеру Михайлову серебряный жетон, пожалованный ему Всероссийским пожарным обществом. Естественно — всеобщее «Ура!», — и присутствующие переместились в Андреевский театр для дальнейших торжеств. Член правления ДПО Жерновков открыл торжественное собрание речью.

«...Там, на каланче, над нашими головами стоит человек и зорко сторожит наши дома, имущество от злого врага — огня. Этот каланчист, рядовой солдат пожарного дела — один за всех. Почесть и слава незаметным героям — гражданским солдатам на славном пожарном посту!» Тут опять-таки грянуло «Ура!». То ли в честь пожарных, то ли потому, что выпить-закусить хотелось не только словами.

Александровский сад

Да и столы уже были накрыты.

Выпив и закусив, почтенная публика на первом общегородском празднике «отведала» и культурную часть в виде спектакля. Простые горожане, не попавшие в театр, угощались сами по себе и тоже поздравляли пожарных.

Кстати, о «каланчистах». Первая пожарная каланча была построена в 1905 году на углу Спасской (сейчас — Спартака) и Николаевского (Красного) проспекта. После пожара 1969 года каланча сгорела, но была на том же месте отстроена вновь. На ней красовался лозунг: «Один за всех — все за одного!». Задолго до того, как по экранам страны проскакал «Д'Артаньян» — Михаил Боярский. И задолго до того, как талоны «на сданную макулатуру» стали «отовариваться» именно приключениями мушкетеров.

Дюма, как и пожарных, в городе любили всегда.

Каланча была не одна. Пожарную каланчу (и собственную пожарную часть) имела выстроенная по проекту Андрея Крячкова «Андреевская школа». Сейчас здесь — школа высшего спортивного мастерства.

А в те годы «каланчист» из «Андреевки» мог контролировать всю привокзальную часть города. Невысокий город был по этажности, хотя и немаленький по площади.

И еще одна каланча была на здании Городского торгового корпуса (Краеведческий музей).

В результате ремонтов-реконструкций-реставраций куда-то бесследно пропала.

А какой из нее вид открывался на Закаменку! А после застройки Центра — на Центр!..

В 1967 году наши пожарные, сами того не заметив, отпраздновали свою юбилейную годовщину. Созданием небывалого (и, похоже, так и не пригодившегося) средства пожаротушения.

Рассказывает участник испытаний, многолетний работник пожарной службы города Иван Доброднов: «Списан-

Добровольное пожарное училище, 1912 г. Во время пожара 1909 г. деревянная каланча сгорела и в 1910 г. была построена новая, более высокая. Эта пожарная часть существовала до 1937 г., когда на этом участке было построено здание «Стоквартирного дома» (Красный проспект, 16)

ный турбореактивный двигатель с самолета Ту-104 поставили на шасси, к выхлопной трубе подвели сопло диаметром в 40 сантиметров. Там такое давление создается!

Испытывали это чудо на Коченевском полигоне... Стали тушить дом, специально для этого эксперимента подожженный. Я сказал шоферу: «Давай полный форсаж!». Он как дал — дом и улетел метров на 50! Надо было дорабатывать, экспериментировать, но что-то я потом этой установки не встречал...» («Мой Новосибирск», Н., 1999 г.).

Пожарные, сами того не зная, подарили городу первый общегородской праздник, предтечу Дня города. И при этом занимались во все годы своим делом — тушили и спасали.

Большая просьба — не надо оскорблять их кличкой «пожарник». «Пожарник» — это псевдопогорелец, клянчащий «на беду».

А они — пожарные. И они подарили городу первый День города.

Праздники — разные, традиции — одни

В разные годы город по-разному отмечал очень разные праздники. Несмотря на их официальные перемены и отмены, а также другие «сопутствующие обстоятельства». Несмотря ни на что, часть «праздничных традиций» в городе сохраняется до сих пор.

Пожалуй, первым общегородским торжеством стали праздничные мероприятия по случаю коронации нового Императора Всероссийского Николая II, состоявшиеся 21 мая 1896 года на Базарной площади (в районе нынешнего здания автовокзала). Поначалу все было хорошо — бесплатная раздача ренского вина в памятных кружках, танцы, палатки с угощениями.

Но — праздник посетила неорганизованная толпа человек в 30 с «городской окраины» — нынешней ул. Большевистской.

Тогда улицу в просторечии называли «Пьяной» — из-за большого количества самогонных точек. Пришедшие, как писал чуть позднее Николай Литвинов в «Справочнике по городу Ново-Николаевску. 1912 год», «разбили палатки, разбили частный ренский погреб и перепились...

Из собравшейся многочисленной толпы выделились охотники-усмирители и рассеяли бунтовщиков, причем так сильно помяли некоторых из них, что из 8 человек, направленных в бессознательном состоянии в волость, двое умерли в пути, не доезжая волости».

Вот и весь сценарий праздника, почти как сейчас. Официальная часть, народные гуляния с танцами, разрешенные «спиртные напитки, крепостью до...», неразрешенные «крепостью свыше...» и легкие дебоши в итоге. Иногда были варианты.

Скажем, на «маевки» на острова Оби или в район Второй Ельцовки местные эсдеки собирались под видом семейных пикников. На которые, естественно, слабенькое вино было брать очень подозрительно. Ну и результаты иногда бывали — соответствующие. Вот что вспоминал один из членов Обской группы РСДРП Александр Галунов, описывая маевку 1908 года на Второй Ельцовке («Заметки о революционном прошлом Новосибирска», Н., 1956 г.): «Вдруг возникла тревога. Выяснилось, что на массовку проник шпик... Жандарма опознали и «заарестовали», отвели в сторону, а потом он исчез навсегда, и Заельцовка надежно сохранила эту тайну».

Мост через реку Обь

Участники первого «школьного древонасаждения», 1 мая 1910 г.

Будущему «мемуаристу» в ту пору только исполнилось 17 лет.

Интересно, кстати, что при Советской власти, в июне 1923 года, Новониколаевский губисполком запретил устройство «всякого рода пикников, прогулок и увеселительных экскурсий» в районе Второй Ельцовки «в целях ограждения правильного воспитания находящихся там детей от вредных влияний («Большевик», 9 июня 1923 г.)...

Так что «традиция» не сохранилась.

1917-й и последующие за ним годы вообще внесли определенный кавардак в список праздников и порядок их празднования. Не стоит сегодня вздрагивать, читая в «Советской Сибири» за март 1921 года в отчете о местном праздновании Дня Парижской коммуны пассаж о том, что участники с энтузиазмом исполнили «Марсельезу» и «Похоронный марш».

Официальный гимн Франции, враждебной на тот момент Советской России, исполнялся не в качестве

контрреволюционной провокации, а только как революционная песня «Отречемся от старого мира!...». Равно, как и «Похоронный марш» (имелась в виду, конечно, «Вы жертвою пали...»).

Кстати, встречая в свое время с визитом президента Франции, под мелодию «Отречемся от старого мира!...» стоял навтыжку с отдаванием чести и сам Николай II.

Наибольшая путаница случалась, конечно, не с Днем Парижской Коммуны и не с очередной годовщиной коронации, а с чисто религиозными праздниками.

С введением нового календаря стройный порядок церковных праздников несколько «сдвинулся во времени». Государство, отделив от себя церковь, все же вынуждено было с ее существованием считаться. Но — через силу. Их даже «по градации» все время пытались отделить от государственных.

Так, в 1928 году Сибкрайтруд специально разъяснял, когда же можно будет отдохнуть.

Дни отдыха (нерабочие), «революционные праздники» — 1 января, Новый год (!); 22 января — памяти Ленина и жертв первой русской революции 1905 года (заметим, о жертвах второй, 1917-го, речь не шла); 12 марта — падение самодержавия; 18 марта — День Парижской коммуны; 1 мая — День Интернационала; 7—8 ноября — годовщина пролетарской революции.

А вот церковные праздники получили статус «особых дней отдыха». То есть отдыхать имели право все, но дни — «особые». Как бы с намеком. Кстати, 8 Марта хоть и был праздником, но не выходным днем — для женщин тогда просто на 2 часа сокращали рабочий день. Что вызывало у отдыхающих в свои многочисленные «особые дни» некоторых несознательных верующих комментарии на тему «равенства женщин при социализме». Дескать, у них, «равных», всего по два часа отдыха на праздник выделили, а «отсталым» — целые дни.

Между прочим, еще 2 декабря 1925 года «Советская Сибирь» проинформировала о том, что Сибревкомом введен запрет на продажу водки и других крепких напитков в выходные и праздничные дни. Правда, запрет не распространялся на «рюмочную» торговлю в буфетах, столовых и ресторанах. Не попадало под запрет и вино. Но это же все — «официально»...

«Отсталых» верующих «перевоспитывали» даже в праздники. 6 января 1933 года в центре Новосибирска устроили даже «антирождественский» карнавал-демонстрацию. После демонстрации на Красном проспекте с участием воинских частей («официальная часть»), на центральном катке города перед Домом Ленина торжественно спалили несчастную рождественскую елку. Да это полбеды! 8 января 1923 года губком комсомола устроил в городе «антирождественскую» демонстрацию с явными признаками каннибализма. Демонстранты сначала под частушки протащили по всему городу чучела, а потом торжественно спалили их в центре города.

Хорошие были чучела — церкви, мечети и синаго-

Новогодний снежный городок на площади Ленина, 1960-е годы

ги. А также — попа, муллы и раввина. Пожарная охрана, конечно, не вмешивалась. Хотя все с ужасом понимали, чем могут закончиться такие «огненные забавы» в традиционно «легковозгораемом» городе. Да и елки с декабря 1936 года стали официально разрешенными, правда, не рождественскими, а «новогодними». Тут уж — какая разница, был бы праздник!

Тем более что официальное количество их стало резко сокращаться. 9 февраля 1939 года президиум Новосибирского облисполкома установил список «особых дней отдыха».

На этот раз речь шла не о церковных праздниках — их как выходные дни полностью отменили.

Устанавливался перечень празднично-выходных дат, до обидного короткий. 23 февраля — День Красной Армии; 8 Марта — Международный женский день; 1 августа — Международный антивоенный день; 18 августа — День авиации; 16 ноября — День коллективизации и урожая; 14 декабря — День освобождения Сибири от Колчака.

Впрочем, про этот уникальный праздник будет особый рассказ.

А 13 августа 2009 года Томская область будет отмечать свой «полукруглый» 65-летний юбилей.

Ах, как только не унижался, как только не «ползал на пузе» когда-то перед губернским Томском Новониколаевск, будущий Новосибирск!

И чтобы хоть поселком признали, потом — хоть городом с неполным местным управлением, потом — «полным» городом, потом — уездным городом...

А кончилось все тем, что сегодня «днем рождения» Томской области считается... дата ее «выделения» из области Новосибирской!

Чертовски хочется послушать выступления делегации Новосибирской области на «официальной» части празднеств в Томске! Осторожней бы с воспоминаниями — а то после «официальной» части всегда следует «неофициальная». По традиции.

Подарки города

Город всегда любил одаривать тех, кто был ему по тем или иным причинам симпатичен. Подарки эти были порой неожиданные, порой странные (на сегодняшний взгляд), но всегда в духе времени.

Мельница товарищества

Так, в июле 1907 года группа общественных деятелей и предпринимателей Новониколаевска направила поздравительную телеграмму: «Тула, Ясная Поляна, Льву Николаевичу Толстому. В день 50-летия литературной деятельности шлем наш огромный привет из далекой Сибири великому маститому художнику, мыслителю земли, слово которого — бессмертный голос совести народа. О нем вспомнят потомки тех веков истории, когда война между людьми исчезнет с лица земли. Привет великому учителю». Одной телеграммой дело не ограничилось.

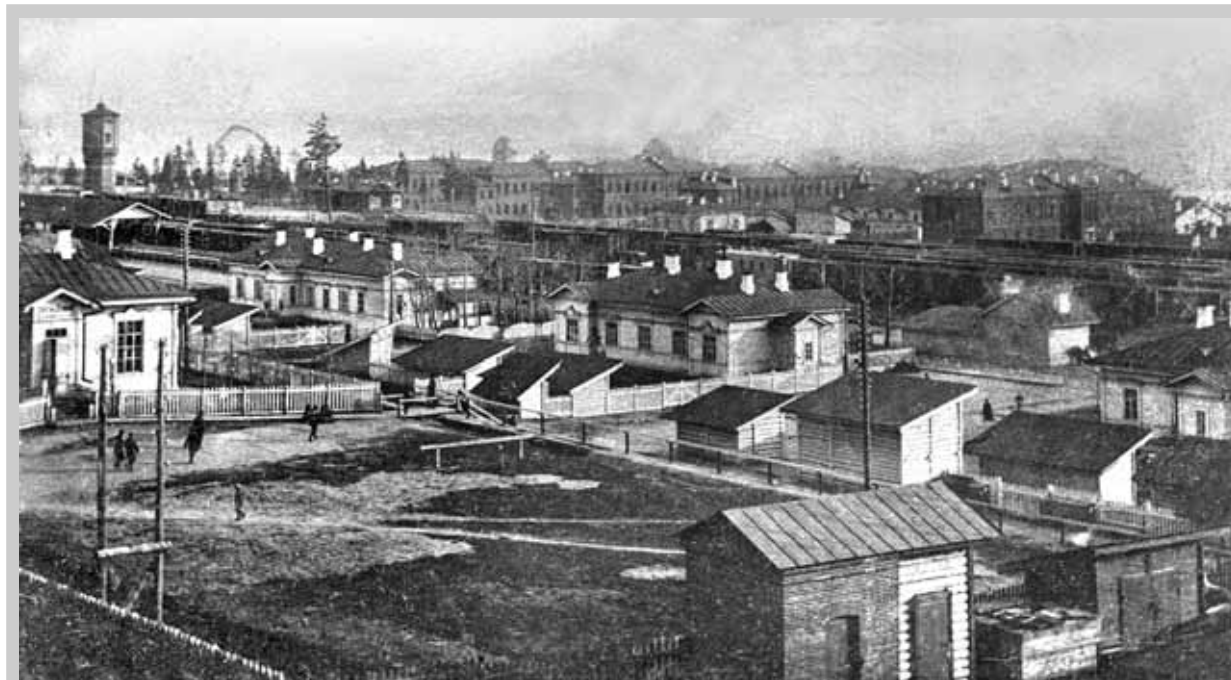
В 1909 году многие ее подписавшие оказались избранными в состав гласных городской Думы. И одним из первых своих решений Дума присвоила имя Льва Толстого одной из городских улиц.

Увы, уже в октябре 1910 года из Новониколаевска в Ясную Поляну отправилась еще одна телеграмма. Горюжане выражали соболезнования Софье Толстой в связи с кончиной ее мужа, великого писателя и мыслителя...

Молодой город достаточно щедро дарил названия улиц. Появились улицы, названные в честь томских губернаторов (Гондатти, Ломачевского, Гудим-Левковича). Они помогали городу решать вопросы с закреплением и повышением его статуса, проблемы с наделением города землей «из казны».

Не были забыты и первостроители города, инженеры-железнодорожники, — появились улицы Меженинская, Будаговская...

В 1917 году настало время других подарков — и пресловутых «красных революционных шаровар», и именного наградного оружия. Причем практика награждения оружием была распространена и у «красных», и у «сибирцев» («белых»). Случались с той и другой стороны казусные истории. Если в результате боев бывало захвачено именное оружие противника (шашки, пистолеты), то эти трофеи как

Правая сторона железнодорожной станции, 1910-е годы

особую награду вручали отличившимся в боях.

С разрухой после Гражданской войны и последующим восстановлением хозяйства, с началом крупномасштабных строек появились новые виды наград.

С 1931 года в Новосибирске стала отлаживаться система закрытых распределителей при предприятиях и учреждениях. Здесь можно было по приемлемым ценам получить, в дополнение к карточкам, продукты. Естественно, что «прикреплялись» к распределителям, прежде всего, за ударную работу. Хотя при снижении показателей работы от распределителя могли и «открепить».

Были и другие меры награждения ударников.

В журнале «Красная Сибирячка» начала 30-х годов тут и там встречаются сообщения о поощрении ударников: «Тов. Герасимова за ударную работу награждается ценным подарком — парой новых юфтевых сапог и отрезом ситца на платье».

Обратите внимание на подчеркнутое выделение — «наградные» сапоги будут именно новые. При страшнейшем

товарном дефиците это была тогда, действительно, награда! Однако награждались не только сапогами и отрезами.

В мае 1934 года отмечался юбилей Томского университета. В связи с этим была премирована большая группа научных работников и технических сотрудников вуза. В решении президиума Запсибкрайисполкома все поощрения были четко разбиты по градациям. Кому — почетная грамота крайисполкома, кому — премия в 1000 рублей, кому — 700, кому — «месячное курортное... место».

Группа из шести «лучших ударников учебы, студентов» получила по 300 рублей. При том, что профессора получили по тысяче.

Среди награжденных был и замечательный хирург, профессор Владимир Мыш. Но дело в том, что, продолжая оставаться профессором Томского университета, он с 1931 года жил и работал в Новосибирске. И вся элита краевой столицы Сибири «в случае чего» ложилась на обследование и «под скальпель» именно к Мышу.

Так что бог с ним, с Томским университетом, с его

юбилеем! Профессору надо было дать понять, что он безоговорочно «наш», новосибирский.

И в феврале 1935 года Запсибкрайисполком решил наградить профессора Мыша ценным подарком — автомашиной «Форд» «из гаража крайисполкома».

В 1936 году отмечалось 40-летие его научной и педагогической деятельности — крайисполком принял решение о присвоении его имени хирургической клинике 1-й городской клинической больницы. Были изданы труды профессора.

И все же, возвращаясь к «наградным» сапогам и «Форду»...

В первом случае подчеркивалось, что вещь новая, в другом — что вещь уже «ношенная».

Все просто. Естественно, крайисполком мог найти для Мыша новенький «Форд», но вот это примечание, что автомобиль выделяется из крайисполкомовского гаража само по себе было дополнительным знаком отличия, дополнительной наградой. Это как в «прежние» годы, когда даровалась шуба с царского плеча...

Столько лет прошло и сколько еще пройдет, а менталитет российский не меняется. Очень странный и, как оказалось, зловещий подарок получил Вениамин Вегман. Старый большевик, член крайкома, создатель Сибархива, Общества по изучению Сибири и ее производительных сил, он был очень ярким и разноплановым человеком, влюбленным в Сибирь.

В 1933 году город торжественно отметил 60-летие Вегмана. И в краеведческом музее (тогда — угол Красного пр. и ул. Спартака) появился очень необычный экспонат. Доктор наук Николай Амшинский, в те годы юноша-подросток, вспоминал: «В музее... была воспроизведена в натуральную величину камера бывшего политкаторжанина Вегмана в Забайкальских рудниках. Эта камера производила жуткое впечатление: каменный мешок с цепями и кандалами на стенах. Она символизировала собой те ужасы, которые претерпевали борцы с царизмом». Экспонат оказался зловещим перстом судьбы

— в 1936 году Вегман был арестован и покончил с собой под арестом. Жутковатый экспонат, естественно, снесли — Вегмана упоминать-то было просто опасно.

Но бывали и радостные подарки. Конечно, не город решил открыть бюст дважды (тогда еще) Героя Советского Союза Александра Покрышкина. Это было общее положение, оформленное Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Но город при открытии бюста устроил своему земляку такой митинг, такой общегородской праздник!

Город гордился еще и тем, что в соседних городах стояли прижизненные памятники только одному человеку — Иосифу Сталину, а у нас такой чести удостоился и новосибирец, герой-летчик. Непривычно это было по тем временам — на бюст ходили поглазеть не только мальчишки, но и целыми семьями.

Сегодня город не сильно богат наградами — звание почетного гражданина, почетные грамоты, городские премии. Скромно и с достоинством. А вот в соседнем Кузбассе счет областным (!) орденам и медалям перевалил уже за два десятка. Причем город наш при учреждении премий грамотно обошел довольно щекотливую ситуацию.

До сих пор идут споры о роли в истории города Николая Гарины-Михайловского, о том, стоит ли его вообще счи-

Пилоты 1-й эскадрильи «Новосибирский Комсомолец», 1944 г.

тать одним из первостроителей, тем более — основателем.

А вот литературные его таланты бесспорны.

Поэтому «именная» городская премия им. Гарина-Михайловского вручается за достижения в области литературы.

А вот премия за достижения в области градостроительства и архитектуры, тоже «именная», носит имя Ивана Севастьянова. И это справедливо. Севастьянов проработал председателем горисполкома 20 лет — с начала 1960-х до начала 1980-х годов.

И бесспорные результаты его работы может видеть каждый. В домах, школах, дорогах. Так что литература — литератору, а градостроительство — градостроителю.

Город любил и любит получать подарки, но также любит и сам щедро дарить. Разные подарки, разные времена, и люди, получавшие подарки, — тоже разные. Объединяет их одно — уважительное отношение к ним города, которое больше похоже на любовь.

Городское самое-самое и самое первое

У города, казалось бы, не самая длинная история — чуть больше столетия. Однако в эту историю уместилось многое, чем городу можно по праву гордиться. В этом многом город оказался впереди не только сибирских, но и вообще российских городов.

Храм св. Александра Невского стал не только первым общественным зданием города. Город построил храм, ставший крупнейшим на всем протяжении Транссибирской магистрали — от Урала до Дальнего Востока.

В Новониколаевске, в совсем еще молодом городе, уже в 1912 году было введено всеобщее начальное образование — в первом из всех городов Российской империи.

Ни столичный Санкт-Петербург, ни Москва этим похвастаться не могли. И опять-таки первым в стране город разработал и осуществил программу строительства начальных школ за счет средств городского бюджета. Каменные здания тринадцати школ, построенные по проектам архитектора Андрея Крячкова, и сейчас продолжают служить городу.

В 1907 году «Ново-Николаевское мукомольное товарищество» получило на Брюссельской международной выставке (Бельгия) Большую Золотую медаль и Почетный крест за высокое качество муки. Так наш город первым из сибирских городов вышел со своей продукцией на международный уровень.

В 1910 году предприниматель Пастухов построил в Новониколаевске солодовенный завод. Это был первый подобный завод на всю Сибирь, и долгое время оставался единственным.

В Новониколаевске первыми задумались об общесибирской кооперации и предприняли для этого конкретные шаги.

**Бюст трижды Героя Советского Союза
А.И. Покрышкина**

16 августа 1916 года в городе был образован Союз союзов потребительской кооперации Сибири («Закупсбыт»). В нем объединились около полутора десятков местных союзов потребительских кооперативов: Мариинского, Забайкальского, Прибайкальского, Алтайского, Новониколаевского, Енисейского, Приамурского, Семипалатинского, Иркутского и др. К 1917 году 5435 потребительских кооперативов Сибири охватили более половины ее сельского населения. «Столицей» «Закупсбыта», естественно, стал Новониколаевск.

В Новониколаевске 90 лет назад, в 1917 году, были построены и успешно летали первые сибирские самолеты. Их автор — талантливый конструктор-самородок Николай Попов.

Новосибирский оперный театр давно стал неформальным символом города. Однако немногие помнят, что строили (и построили!) его как «крупнейший в Союзе театр оперы и балета» (Н. Протопопов, «Новосибирская область», Н., 1946 год). Крупнейший не только в Сибири — вообще в СССР!

Именно в Новосибирске в годы войны зародилось «движение лунинцев», быстро охватившее всех железнодорожников страны. Бригада машинистов Новосибирского депо под руководством Николая Лунина впервые в мире стала водить большегрузные составы.

В декабре 1941 года «лунинская бригада» привела из Новосибирска в Москву состав с углем весом 5000 тонн. И это при том, что нормы были в то время — не более 1250 тонн. Однако Москва задыхалась без топлива, и главным стало слово «надо». Почин был подхвачен, 45 тысяч железнодорожников освоили новаторские приемы и методы

«лунинцев», облегчая снабжение фронта и топливом, и боеприпасами.

Всего за годы войны «лунинская бригада» перевезла 585 тысяч тонн оборонных и народнохозяйственных грузов.

Лунин получил звание Героя Соцтруда, стал лауреатом Сталинской премии 2-й степени. «Лунинский» паро-

Станция Обь. Гора за рекой Каменкой, 1900-е годы

Железнодорожный мост через реку Обь, 1900-е годы

Собор Александра Невского

воз после перевода дороги на электрическую тягу был установлен как памятник на «вечную стоянку» — в районе Димитровского моста.

А Димитровский мост тоже уникален. Это был первый в Сибири мост с цельносварным металлическим пролетным строением. Эта конструкция экономична и обеспечивает плавность движения транспорта. Совершенно уникальным, осуществленным впервые в Сибири, был способ стыкования секций с помощью сварки непосредственно в пролетах моста. Автомобильное движение по мосту открылось 4 ноября 1978 года.

В Новосибирске по этому поводу выпустили памятную настольную медаль — ее вручали всем участникам проектирования и строительства моста.

И еще один мост у нас оказался «новатором» — метромост через Обь. Русло реки было перекрыто впервые примененными в отечественном мостостроении стальны-

ми коробчатыми пролетными строениями (с ездой внутри коробок) неразрезной балочной системы с основными пролетами по 128 метров.

Мост был сдан в эксплуатацию 28 декабря 1978 года, с открытием движения поездов метро от станции «Красный проспект» до станции «Студенческая».

Стоит ли говорить, что и метро у нас — первое в Сибири? А по протяженности линий и количеству перевозимых пассажиров Новосибирский метрополитен до сих пор занимает одно из первых мест в мире.

У нас, впервые за Уралом, был построен Академгородок, Новосибирский научный центр. Он тоже уникален. Впервые была осуществлена идея комплексного строительства — и научных институтов, и жилья для ученых. При этом удалось сохранить зеленую зону.

В Академгородке в марте 1968 года состоялся Первый Всесоюзный фестиваль авторской песни. Правда, его

организаторы подверглись жесткому идеологическому разному, и долгие годы любители авторской песни гадали: а не стал ли первый фестиваль заодно и последним?

Тогда же, в рамках фестиваля, состоялись единственные в СССР официальные выступления Александра Галича. После них поэту и певцу было «не рекомендовано» выступать публично. Фактически его творчество попало под запрет. Дело кончилось эмиграцией и гибелью в изгнании.

Первым трижды Героем Советского Союза стал новосибирец Александр Покрышкин. Наш зоопарк — первый зоологический парк в Сибири. И — самый крупный. Когда-то его коллекция начиналась с 34 видов млекопитающих и 20 видов птиц. Сегодня «главный зверинец Сибири» отмечает шестидесятилетний юбилей. А в коллекции зоопарка — более 10 тысяч особей 535 видов.

Именно новосибирские ученые разрабатывали «электронную начинку» зенитно-ракетного комплекса С-300. Во всем мире он признанно считается уникальным по своим характеристикам. Превзойти новосибирцев пока не удалось никому. Вот такой у нас город.

Что в труде, что в бою, что в спорте, что в торговле он всегда стремился стать первым, самым-самым. И очень часто ему это удавалось.

Граждане проезжающие

Новосибирск, по своему уникальному географическому положению, просто обречен был стать транспортным центром. А где железная дорога — там и граждане приезжающие и проезжающие, каждый из которых оставил свой малый отблеск в истории нашего города.

«Всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин ездил в Новониколаевск очень охотно. Выступал с речами, вручал знамена, заложил первый камень в фундамент ТЭЦ-1 (получившей «в подарок» его имя). Поражительная вещь — поездки Калинина в столицу Сибири

кончились практически с переименованием города. Стоит напомнить, что конкурс новых названий для Новониколаевска был достаточно обширным. Как-то убереглись мы от нового названия для города «Совлавыры», «Краснооктябрьск», «Новый луч Сибири» и «Курултай» (казахский народный съезд).

Много названий предлагалось, связанных с одним покойным вождем (Ильичем) и одним здравствующим (Калининым). По одному из предложений город должен был называться Калининград. Далекий немецкий Кенигсберг только поехал в предчувствии будущего переименования. Однако Калинин был все же вождем «не того калибра», чтобы в середине двадцатых уже получить «персональный» город. В итоге как председатель ВЦИК Калинин скрепя сердце подписал решение 12 февраля 1926 г. о переименовании Новониколаевска в Новосибирск. И ездить в обидевший его город практически прекратил. Приезжал вместе со Сталиным в 1928 г. на партактив, выступал с балкона дома на перекрестке улиц Советской и Горького.

Сталин выступать не стал, прохаживался за спиной Калинина. Он, собственно, все сказал на активе — был объявлен курс на массовую, повальную коллективизацию. И еще раз завернул Калинин в Новосибирск в марте 1934 г. Выступал перед рабочими железнодорожного депо, причем выступал как-то брюзгливо: «Откуда надо лечить транспорт? Я думаю, что надо начинать с этой мастерской, с этого депо. Вас здесь собралось полторы тысячи рабочих. Если бы вы все полторы тысячи рабочих честно, самоотверженно работали, то разве это не сказалось бы на работе станции и депо?» Полторы тысячи рабочих вместо собственно работы выслушивали ценные указания приезжего из Москвы: как им работать еще лучше. Больше Калинин в Новосибирске не был.

А вот еще один «проезжающий вождь» — Сергей Миронович Киров. До середины пятидесятых путеводители сообщали неуверенно — дескать, предположительно приезжал в Новониколаевск в июне—октябре 1908 г. С годами, как известно, память обостряется, и вот уже не «предположительно», а «приезжал и жил». Да еще и вел подпольные марксистские кружки, и пытался наладить в Обской группе РСДРП дело с подпольной типографией.

Об этом известно из воспоминаний Алексея Петухова, на квартире которого в доме на ул. Михайловской (сегодня — Ленина, 13) Киров вроде бы и жил. Странно,

Вокзал станции Обь, 1906 г.

что, кроме Петухова, приезд Кирова из новосибирских социал-демократов не запомнил никто. Активист Обской группы Александр Галунов оставил интереснейшую брошюру воспоминаний «Заметки о революционном прошлом Новосибирска».

Много и подробно пишет он о социал-демократическом подполье, о том, что на 50 членов группы оказалось 5 агентов жандармерии. Кирова упоминает единственной фразой, походя, — дескать, «помог руководителям Обской группы РСДРП правильно оценить текущий момент». И все. Да и дом-музей Кирова на улице Ленина какой-то несколько странный. Вот что сообщает о нем городской путеводитель 1961 г.: «За 13 лет существования музея собрано 1500 фотодокументов, связанных с революционной деятельностью С. М. Кирова, и 19 предметов, принадлежавших ему лично».

Стоит добавить, что ни единого фотодокумента, связанного с пребыванием Кирова в Новониколаевске, в природе не существует. Нет и рапортов агентов охраны о прибытии в город опасного бунтаря. А что касается лич-

ных 19 кировских предметов — они в разное время были подарены в Новосибирск из музеев Ленинграда.

Записи в книге отзывов музея также поражают своей простотой. Жительница Новосибирска Соловьева пишет: «Так много в музее полезных вещей. Ни один молодой человек и молодая девушка не должны проходить мимо этого музея». Так что был ли Мироныч, не был — запишем его в разряд «проезжающих».

А кто абсолютно точно у нас в городе был, лечился после тяжелейшего ранения на фронте, — старший лейтенант-сапер Зиновий Ефимович Гердт. Он ушел на фронт в 1941 году из театра и провоевал до февраля 1943 г. Заставил себя забыть, что он артист, не играл даже в армейской самодеятельности — воевал. Так случилось, что привелось ему освобождать и родной городок Сеgez (Псковская область). А в 1943 г. в боях под Белгородом немецкие пули разнесли на минном поле саперу Гердту колено.

Тащила и вытаскивала его на себе под обстрелом капитан медслужбы Вера Павловна Кретирина, моя двоюрод-

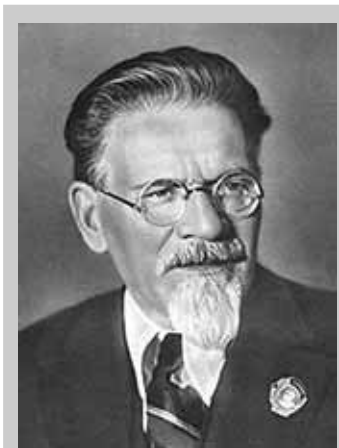
ная бабушка. И первые две операции на ноге Гердта были тоже ее. Ногу, собранную буквально по кусочкам, удалось спасти чудом, хотя колено больше не гнулось.

Гердта отправили долечиваться в тыл, к нам в Новосибирск. Он лежал в одной из палат третьего этажа сегодняшнего архитектурного института — в годы войны здесь был госпиталь для тяжелораненых. Зиновий Ефимович вспоминал, что из окон раненые смотрели на городскую площадь.

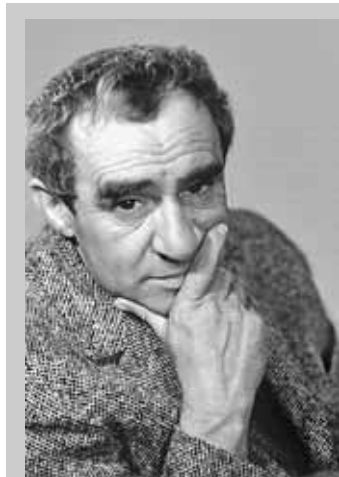
«А у вас там, на пустом месте, строилось что-то большое, огромное просто, с куполом. У нас в палате спорили, одни говорили, что Кремль запасной строят. Другие — что секретную пушку, чтобы прямо отсюда по Берлину стрелять». Это строился наш Оперный театр. И Гердт, став инвалидом и распрощавшись, казалось бы, с актерской карьерой, вдруг понял, что это — именно театр.

«Я почему-то понял, что это какой-то знак свыше. Мне. Ваш театр — мне, искалеченному и уже, казалось бы, бывшему актеру».

В 1945 г. демобилизованный Гердт, вернувшись из Новосибирска, уже играл в Театре Образцова. Были «Необыкновенный концерт» и «Божественная комедия», были почти 80 филь-

М.И. Калинин

З.Е. Гердт

мов, да каких! «Соломенная шляпка», «Трое в лодке...», «О бедном гусаре замолвите слово» и, наконец, «Место встречи изменить нельзя», где Зиновий Ефимович произносил, пожалуй, главные слова — про «эру милосердия».

Бабушку Веру Гердт в Москве разыскал, они дружили семьями, и на 80-летний юбилей Гердта на сцену театра Юрий Владимирович Никулин вывел «капитана Верочку» как самого дорогого гостя. И только потом, годы спустя после войны, в Новосибирск приехала по распределению молодая семья геологов Кретиных.

Но это уже совсем моя личная история — меня, моего брата и моей семьи. Мы сговаривались с Зиноviем Ефимовичем, что он придет в Новосибирск в качестве гостя одной из редакций газет. Он хотел увидеть наш Оперный: «Он же для меня как талисман, как откровение!» Не успели. Время иногда начинает течь очень быстро, а рак до сих пор «вроде бы лечится».

...Махнул над нашим городом полый своей будущей генеральской шинели и Андрей Андреевич Власов. Тот самый — герой обороны Москвы 1941 г. (вместе с Георгием Жуковым) и создатель Русской Освободительной Армии. Первого не только политического, но и вооруженного органа сопротивления режиму со времен Белой армии (пусть историки спорят).

В 1938 г. «полковник Волков», он же — Андрей Андреевич Власов, был направлен с секретной миссией в Китай. В архивах местного ФСБ материалов не осталось — «Волков» проходил по линии армейской разведки, и дополнительные инструкции и разведдонесения во время останковки в нашем городе получал через штаб СибВО. В Китае он читал лекции по основам оперативного искусства для китайского комсостава, работал начальником штаба советского военного советника генерала Черепанова. А потом — и исполняющим обязанности советского военного советника при президенте Китая Чан Кайши. Именно в этой должности он организовал несколько успешных наступлений китайцев против японцев — чего потом не было до 1943 г. Власов вернулся в страну в 1939 г., получил генеральское звание и начал тот путь, который начал.

Честно говоря, мне из всей этой компании «проезжающих» больше симпатичен Гердт. Новосибирск поделился с ним своим талисманом — Оперным театром.

А все остальные — они, пожалуй, проездом норовили больше забрать.

II

Городские «родственники»

*«Не пора ли нам, друзья, замахнуться
на Вильяма нашего Шекспира?»*

к/ф «Берегись автомобиля»

Семья — это святое. Дети, мама и, главное — папа. Да только некоторые папы не прочь после родов сбегать, и с ребенком через некоторое время начинает приходить повозиться совсем другой человек. Причем внешне из всех сил сохраняется благопристойность. Дескать, папа в отъезде, а это просто «друг семьи».

С городами — та же история. Не избежал подобной участи и Новосибирск.

Это очень ясно видно на примере двух друзей-Николаев — Гарина-Михайловского и Тихомирова. Мало того, что они (и крепко) дружили все-таки: у обоих одна alma mater за плечами; сегодня судьбы друзей вписаны в историю нашего города. Гарина-Михайловского — как «отца Новосибирска», Тихомирова — как «одного из отцов-основателей». И при этом оба они были талантливы.

По характеру они были полной противоположностью друг другу. Михайловский — фонтан эмоций, взрыв идей, душа компании. Вечно он в каких-то сногшибательных путешествиях за Урал и в Сибирь — и возвращается оттуда чуть ли не в ореоле «Ермака Тимофеевича».

Дамы — в восторге; в салонах, которые он охотно посещает, они буквально не дают ему прохода. Писатель Скиталец так вспоминал о Михайловском: «Он просто ослепил нас своей праздничной яркостью». Куприн, который тоже общался с «отцом Новониколаевска», также двусмысленно пишет о том, что, где бы ни был Михайловский, везде оставлял за собой «золотые следы».

А еще Гарин-Михайловский пишет, и пишет довольно успешно. Воспоминаниями «из детства» умилились тот же Куприн и Горький. А это для российских либералов было в те годы вроде Нобелевской премии. И Гарин-Михайловский начинает писать весьма средние рассказы «из рабочей и крестьянской жизни», дает «путевые заметки» в различные издания.

Об одном таком случае (вполне заурядном) Горький вспоминал: «Начало рассказа привез в редакцию извозчик с вокзала Самары. Ночью была получена длиннейшая телеграмма к началу, а через день или два еще телеграмма: «Присланное — не печатать, дам другой вариант». Но другого варианта он не прислал, а конец рассказа прибыл, кажется, из Екатеринбурга...»

Тут уж никакого умиления в воспоминаниях — явное раздражение. Естественно! Ведь это срывает график работы всей газеты. Примечательно, что устроил такое инженер-путеец, для которого слова «график» и «закон» должны быть синонимами. А теперь представьте такой «график» при строительстве и проектировании «железки» — после постройки результаты, несомненно, будут очень милые.

Станция Обь. Вид на поселок

Впрочем, говорят, что сыну немало помогал вести такой «служиво-светский» образ жизни отец-генерал. Который в конце концов сказал ему: «Если ты пойдешь против Государя — проклян!» Ну, а наш герой в 1905 г. умудрился чуть ли не публично ассигновать все тому же Горькому 2000 рублей — дескать, «на революцию».

Впрочем, Гарин-Михайловский знал толк в саморекламе, более того, демонстративно всегда и везде говорил, что изменение проекта «Транссиба» — «моя и только моя заслуга!» Хотя вся его заслуга в том, что он сумел пробить «свой» вариант. Он даже моста-то не упоминает. Не говоря уже о городе.

«Отец нашего города» имеет к городу отношение, точно выраженное народной частушкой: «Ваше дело — не рожать, тыкнул, хмыкнул — и бежать!». Тыкнул в карту — здесь мост будет! И уехал. А взял да и вырос город.

Гарин-Михайловский умер внезапно 27 декабря 1906 г. на чтении своей пьесы «Подростки» в редакции боль-

шевистского журнала «Вестник жизни» (!). Чтение закончилось, началась бурная дискуссия о литературе, и Николай Михайлович запальчиво сказал что-то вроде того, что нам нужны «рабочие» и «социалистические» писатели для новой литературы. Потом вскрикнул, схватившись за сердце: «Подкатило!» — и рухнул в кресло. На похоронах шептались про «отцово проклятье».

Не хотелось отвлекаться на историю Транссиба и нашего «дедушки»-моста через Обь. И все-таки несколько моментов. Когда не прошел так называемый «Кривошековский» вариант строительства моста, по Петербургу поползли упорные слухи, что, дескать, Гарину-Михайловскому купцы сибирские чуть ли не мешок золота предлагали, чтобы «за Кривошеково» высказался, а он — не взял!

Подразумевалось, что, дескать, про противников проекта — думайте сами. К счастью, у однофамильца, инженера-путейца Константина Михайловского (которому доверили руководство строительством), была настолько

прочная репутация, что вся история эта была воспринята как анекдот. Впрочем, на какое бы строительство Гарин-Михайловский ни приезжал, дело всегда заканчивалось скандалом.

Вот ведь! Не Петербург у нас и не модный салон, а «блестящий» Гарин-Михайловский и здесь умудрился «задвинуть в тень» своего друга Тихомирова!

Неудивительно — последний, выходец из бедной семьи, увлекался только работой, делом своим. В будущем Новониколаевске именно он строил последний, завершающий пролет «дедушки»-моста, именно он строил красивейшее первое каменное здание города — Собор Александра Невского.

И в жизни города, несмотря на занятость по строительству, он постоянно участвовал — помогал в становлении первой пожарной команды, участвовал в организации переписи населения. К декабрю 1899 г. случилось главное для Тихомирова событие — собор был достроен и освящен. 27 октября следующего, 1900 г., Николай Михайлович Тихо-

миров скончался — прямо на работе, в своей конторе, от кровоизлияния в мозг.

Ему были оказаны высшие посмертные почести — был похоронен у построенного им же храма. Похороны превратились в грандиозную поминальную манифестацию. Горожанам не надо было ничего подсказывать — они сами установили на могиле инженера беломраморное надгробие с золотой надписью: «Строитель храма сего».

А после этого — Октябрь, осквернение храма, надгробие сначала снесли, а потом и вовсе закатали площадку асфальтом. О последующем в книгах и путеводителях стыдливо писали, что в 1971 г. «пропавшая» могила была «найдена» или «обнаружена при раскопках».

Ой, лукавство! Никто ничего не искал — рыл экскаватор рядом с бывшим храмом траншею, да и разбил каменный подземный склеп. Месяц городская власть все не решалась объявить, «кого откопали», гроб стоял в краеведческом музее (слава Богу, не в экспозиции!), там же лежали вынутые из гроба (!) фуражка и шпага железнодорож-

Железнодорожный мост через реку Обь

Гарин-Михайловский Николай Георгиевич

ного ведомства, а также золотой нателный крестик.

Перезахоронили инженера на Заельцовском кладбище, теперь уже безо всякой публики — которой Тихомиров и при жизни-то чурался. Ему было некогда, — он работал.

«Отцом-основателем» города Гарина-Михайловского «назначили» в середине 20-х годов — все-таки Ленин, большевистские газеты, деньги для партии. Вот такая у нашего города вышла «семейная история».

Про «отца», который уехал сразу после тычка пальцем в карту и заглянул ненадолго только через 5 лет, снисходительно похвалив в личном дневнике свой старый проект Транссиба и с легким изумлением обнаружив город, похвалил себя еще и за это. И про «друга семьи», который делал

все, что мог, живя здесь и город «выращивая».

Раздавать эпитеты и оплеухи — дело легкое, и все же... О городской памяти.

Гарин-Михайловский не построил здесь НИЧЕГО. Он, вообще-то говоря, ни в первый, ни во второй приезд на месте расположения города не был. После него остались фантастические прожекты, в том числе — подвесной дороги в Корее. Ему — почести, памятник (будущий), метро-станция и т. д.

То, что построил за последние 5 лет жизни в Ново-никалаевске Тихомиров, — у всех на виду. После него остались черновые наброски планов изменения городской застройки. То, из чего вырастает Генплан. Ему — разъезд недалеко от ст. Чулымская.

Товарищи депутаты горсовета! Тихомиров сделал для города очень и очень многое. Может быть городская власть (а переносили могилу решением исполкома горсовета) вспомнит о том, что покойному в этом году — 105 лет со дня смерти.

И хотя бы к этой дате снова появится у храма небольшая стела «Строителю храма сего» с фамилией его строителя...

«Туристы с тросточками»

«Турист с тросточкой» — так когда-то назывался фельетон в центральных СМИ, которым власть пыталась «уязвить» писателя-диссидента Виктора Некрасова. Дескать, съездил на Запад — и ничего не увидел.

Увы, у нас в городе «туристов с тросточками» было намного больше. Всегда интересно узнать, как наш город выглядит со стороны. Скажем, глазами иностранцев-туристов. Особенно интересно, когда в роли таких «иностранцев», своеобразных «миклухо-маклаев», приехавших к диким «папуасам», выступают наши столичные гости.

Одним из первых зафиксированных отзывов «иностранцев» о городе является впечатление замечательно-

го писателя Николая Гарина-Михайловского. Того самого, который по странному недоразумению числится у нас «основателем города». Цитата, собственно, весьма известная, неоднократно во многих изданиях опубликованная. Правда, в очень «кастрированном» виде. Господин «основатель» город, им «основанный», в своих творениях упомянул единственный раз — в дневниках 1898 года, при проезде через ст. «Обь» (нынешний «Новосибирск-Главный»). «Я с удовольствием смотрю и на то, как разросся на той стороне (Оби — А. К.) поселок, называвшийся Новой Деревней. Теперь это уже целый городок, и я уже не вижу среди его обитателей прежней кучки смиренных, мелкорослых вятчей...»

Дальше «иностранца» Гарина-Михайловского обычно не цитируют, и неслучайно. «Не обижайтесь, если рядом со стерлядью очутится черный таракан, а то и клоп, которых множество здесь и которые особенно любят (или не любят?) иностранцев». Для города, таким образом, Гарин-Михайловский сам обозначил себя именно «иностранцем».

Кстати, дневники эти писались не для себя, а немедленно были частями опубликованы предприимчивым писателем в разных изданиях. А дальше эти дневники были выпущены отдельной книгой. Под названием «По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову». Для города, «основанного» им, у туриста-«иностранца» места в названии не осталось. Зато он своими текстами оставил место для вялых, но бессмысленных споров новосибирских историков. Дело в том, что никакой «Новой Деревни» никогда не существовало. Что именно «разросшееся» рассматривал «отец-основатель» — никому неизвестно.

А вот и еще один «турист-иностранец», чьи строки были опубликованы в первом, «сигнальном», выпуске редактировавшегося Максимом Горьким журнала «Наши достижения» в 1929 году. «Я пишу этот обзор, эти воспоминания об одной стороне моих впечатлений, в вагоне, который мчит меня из глубины Сибири... назад — в Москву, к работе». Написал это Анатолий Луначарский, нарком просвещения. То есть — министр, член правительства. Судя по тексту, член правительства считал свою поездку не более чем развлечением и уж никак не работой. Хотя успел заметить в Новосибирске многое. И, как и Гарин-Михайловский, охотно и многотиражно делился своими наблюдениями с читателями.

Эстет и литератор Луначарский порадовал, к приме-

ру, читателей другого журнала, «Красной Нови», открытием, что «в городе есть театр. Помещается он в старом купеческом собрании, зал мало приспособлен, сцена еще меньше. Но в этом помещении выступают довольно хорошие оперная и балетная труппы. Я, например, имел удовольствие видеть не что иное, как «Красный мак» — вещь, которая имеет смысл только при известной роскоши постановки. И что же — на малюсенькой сцене, с небольшим количеством балетных танцоров руководителям Новосибирского театра удалось устроить премилый спектакль, удивительно свежий, находчивый в смысле мизансцен. Небольшой оркестр и танцоры нисколько не уронили общего впечатления от постановки».

Корявость и высокомерность «отклика» — это еще полбеды. Беда ужасная состоит в том, что «Красный мак» — первый советский балет на музыку Рейнгольда Глиера. И, собственно, в отсутствие танцоров и оркестра никакого балета в принципе быть не может. Поэтому похвала, что «небольшой оркестр и танцоры нисколько не уронили общего впечатления от постановки» больше всего похожа на откровенное издевательство.

Не забыл про Новосибирск Луначарский и в изданной в 1929 году в Ленинграде небольшой книжке «Месяц по Сибири. По Среднему Поволжью». Из нее обычно любят цитировать сравнение наркомом города с американским Чикаго — дескать, быстро растет. В сравнении нарком далеко не оригинален. Подобные сравнения (естественно, без приставки «советский» к названию Чикаго) неоднократно мелькали на страницах газет дореволюционного Новониколаевска.

Из книжки как-то не любят цитировать другие впечатления эстета-наркома от города. «Много построек, «очаровательных» в противоположном смысле. Чего тут только нет: какие-то домишки в одно окно, самые фантастические халупки, хатки из всякого бросового материала, — была бы печь в середине, да хоть какие-нибудь стены, удерживающие тепло! Во многих местах, как, например, в овраге, разделяющем город на две части, люди селятся совершенно бездарно и беспощинно, абсолютно самовольно. Такого рода поселения называются обыкновенно «нахалками», и такие самосельные «нахалки» имеются чуть ли не в каждом сибирском городе». Стоит напомнить, что этот «турист» на тот момент был, между прочим, членом правительства. Причем — именно той страны, по которой изволил проезжать. Так что достаточ-

но брюзгливые путевые «записки постороннего» выглядят несколько странно. Что же касается потрясающей наблюдательности Луначарского как литератора... Никаких «нахалок» в городе отроду не было. Равно как и в других сибирских городах. Самовольные поселения всегда именовали «нахаловками». Разница, конечно, небольшая, но очень показательная для характеристики внимательности «туриста».

Впрочем, он далеко не одинок.

«Практически все места массовых гуляний жители называют площадями... Часто жители Новосибирска называют свой город «Энск». Однако это название используется как бы для «домашнего» употребления и нежелательно использовать его в официальной речи, хотя допустимо в неформальной обстановке... Новосибирцы считают, что в других регионах Сибири жить хуже... Обь называют «сибирской Волгой»...

Для жителей Новосибирска характерна идентификация себя с сибиряками. Им свойственны миролюбие, гостеприимство, терпение и терпимость. Они особо подчеркивают отсутствие в городе конфликтов на межнациональной почве, доброжелательное отношение к беженцам, приписывая это чертам сибирского характера.

Они отличаются выраженным стремлением к самостоятельности и независимости. Причем данное стремление носит не сепаратистский характер, а подразумевает установку на самостоятельное решение собственных проблем».

Если вы начали смеяться — немедленно прекратите. Документ, из которого взяты цитаты, носит длинное и скучное название: «Отчет. Социально-психологическое исследование на тему «Изучение особенностей Новосибирской области». Составила его бригада московских специалистов в рамках подготовки предвыборного визита президента Бориса Ельцина в Новосибирск в 1996 году. Это обычная практика перед визитом главы государства.

Здание железнодорожного клуба, 1920-е годы

Вперед высылается группа, цель которой — собрать «местный колорит». Чтобы глава во время визита смог между делом, скажем, щегольнуть каким-нибудь местным словом. И, кроме того, составить рекомендации по программе визита. Насколько мне известно, до «самого главного стола» сей опус не дошел. Однако в руководстве президентской администрации его крайне внимательно прочли и, вероятно, сделали свои выводы.

Не буду называть фамилии авторов этого творения, работников одной из известнейших консалтинговых фирм. Тем более что и документ этот (в отличие от «путевых заметок» Гарина-Михайловского и Луначарского) для публикации не предназначался. И все же в чем-то я с авторами этого текста согласен.

«Основатель — известный русский инженер и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский (в городе поставлен ему памятник)». И кто после этого будет спорить с выводами о «гостеприимстве» новосибирцев? Так угостить, чтобы «туристы» сумели осмотреть упомянутый памятник, не в каждом городе смогут. Слава Богу, что хоть в окончательную программу президентского визита возложение букета к памятнику не попало.

Хотя... Борис Николаевич — мог бы...

Архитектор всёя Сибири

В последние годы много говорят о необходимости осознания Сибири не столько «набором регионов», сколько единым пространством; говорят о необходимости «обсибирской интеграции» — то в рамках «Сибирского соглашения», то в пределах Сибирского федерального округа. Однако еще в начале прошлого века уже был человек, на практике осуществлявший своей работой эти интеграционные идеи.

Архитектор Андрей Дмитриевич Крячков проектировал и строил дома и предприятия в Томске, Тобольске, Чите, Омске, Бийске, Барнауле, в Кузбассе. Но самые яркие, самые насыщенные страницы творчества талант-

ливейшего архитектора, безусловно, связаны с Новониколаевском — Новосибирском.

Именно осуществленные Крячковым проекты стали «знаковыми» для нашего города, сформировав его облик.

В 26 лет выпускник Петербургского института гражданских инженеров Андрей Крячков был направлен в 1902 году по распределению в Томск (выпускники института обязаны были отслужить три года после окончания учебы в одном из провинциальных строительных отделений губернского управления). Так началось его знакомство с Сибирью.

Получив должность младшего инженера строительного отделения Томского губернского управления, он уже в 1903 году избран по конкурсу штатным преподавателем Технологического института по архитектурному проектированию и рисованию. Еще через год он занимает должность архитектора университета, активно участвует в строительстве корпусов Технологического и Учительского институтов, новых университетских корпусов. При приемке зданий Технологического института «от Строительного комитета в казну» комиссия дала высокую оценку работе молодого инженера и архитектора, особо подчеркнув, что «все отступления от проектов, как разрешенные Министерством просвещения, так

А.Д. Крячков

Ул. Серебренниковская, 10 — Александровская школа, построена в 1912 г., фото между 1912 и 1917 годами

Ул. Сибирская, 54. Одно из 12 школьных помещений, построенных к 1912 г. В нём находилось начальное училище, получившее наименование «Андреевское»

Ул. Советская, 33 – здание Богородско-Глуховской мануфактуры (ныне Почтамт). В 1933 году было надстроено на два этажа

и допущенные самим Строительным комитетом, признает вполне целесообразными».

За успешное завершение строительства комплекса зданий Технологического института Крячков получил награду Министерства просвещения. Из Томска начался путь архитектора к Новониколаевску. В 1904 году он работал над проектом народного дома Общества трезвости в Каинске, строил каменную электростанцию в Бердске. До города, работа в котором принесет ему мировое признание, оставалось уже не так много верст...

Проект своей первой новониколаевской постройки Крячков разработал в 1908 году, уже будучи в должности архитектора Западно-Сибирского учебного округа (эту должность он получил в 32 года!). Новониколаевское городское управление предложило ему заняться постройкой реального училища. Проект остался только в чертежах — пожар 1909 года, уничтоживший почти половину города, не позволил его осуществить.

Но... «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Именно упирая на последствия пожара, городская управа сумела «выплакать» у правительства беспрецедентно (по тем временам) большую ссуду в 580 тысяч рублей «на восстановление». Ссуда была получена и, по решению управы, целиком направлена на проектирование и строительство училища, 12 школ и городского торгового корпуса.

До пожара в городе было всего 2 деревянные шко-

лы — в Закаменской части и в Железнодорожном районе. Массовое строительство новых образовательных учреждений предполагалось только из кирпича — на этом настоял Крячков, с которым от имени города заключил 24 мая 1910 год договор на проектирование и строительство городской голова Владимир Жернаков.

Крячков взял на себя ответственность за все — от проектирования до составления смет и непосредственного технического надзора за строительством. Причем строительство всех школьных зданий должно было быть осуществлено «за два сезона». Уже 23 октября 1912 года в реальном училище «имени Дома Романовых» начались первые занятия. Актный и гимнастический залы, физиологический и естественно-исторический кабинеты с биологической и химической лабораториями, столовая, душевые для учащихся...

Чего только не было в училище — даже собственная обсерватория и метеорологическая станция! «Ученики, не привыкшие к просторным помещениям, за отсутствием их в городе... уходили позже, чем кончались занятия, так как оставались в училище готовить уроки», — писал современник.

Впрочем, с наступлением Советской власти, «здание утратило свое первоначальное значение», как аккуратно сообщает каталог «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства г. Новосибирска» (Новосибирск, 1998 г.).

В 1921 году помещение занял Сибревком, в 1924 году — Сибкрайком РКП(б). В 1929 году здание изуродовали надстройкой двух этажей, но, даже несмотря на это, оно до сих пор является украшением центра города. Тем более что дети снова вернулись в его стены — сегодня здесь расположена городская детская клиническая больница (Красный проспект, 3).

Сдержал свое слово Крячков и с программой строительства школ. Более того — для бесперебойного обеспечения строительства материалами он в сотрудничестве с инженером-технологом Михаилом Кошурниковым проектирует и строит в 1909 году первый в Новониколаевске механизированный кирпичный завод. Его работа позволила уложиться точно в сроки, и в течение 1910-1912 годов город получил 12 кирпичных школ, чьи помещения позволяли принять 76 комплектов учащихся (комплект — 50 учащихся на одного учителя по нормам Министерства просвещения). Причем школы отстояли друг от друга всего на 500-800 метров.

Здания «крячковских» школ привлекают внимание своими башенками — в них располагались баки для воды. Несмотря на отсутствие в городе водопровода и канализации, все новые школьные здания имели систему водяного отопления с котлами и арматурой, выписанной из Варшавы.

«Здания школ, выстроенные в красном кирпиче с разделкой швов, со светлыми штукатурными архитектурно-декоративными деталями, смотрелись на общем фоне деревянной застройки Новониколаевска контрастно и очень эффектно. Они сразу привлекали внимание, придавая стиливое единство облику молодого города», — напишет в 1973 году ведущий историк городской архитектуры Сергей Баландин.

А ведь и проекты, вроде, были практически типовыми (из-за сжатых сроков), но каждое здание «крячковских» школ получило в итоге абсолютно индивидуальный вид.

Достаточно сравнить, скажем, (несмотря на его позднейшую надстройку) здание Александровской школы на ул. Александровской (ныне — ул. Серебренниковская, 10, школа № 12) со зданием школы на ул. Кузнецкой (ныне — ул. Ленина, 22, служебное помещение Театра кукол), или школы на ул. Логовской (ныне — ул. Семьи Шамшиных, 34) — со зданием Андреевской школы (ул. Сибирская, 54, ныне — школа высшего спортивного мастерства)...

Но главное даже не в красоте и оригинальности проектов. Ураганное по срокам и отменное по качеству исполнение программы строительства школ позволило уже в начале века решить в Новониколаевске «образовательную» проблему. Появление «крячковских» школ позволило городской управе пойти на беспрецедентный шаг — с сентября 1912 года в Новониколаевске было введено всеобщее (!) начальное обучение. Заметим — не в последнюю очередь благодаря архитектору, инженеру и строителю Крячкову.

...Когда еще, после Кряčkova, в столь рекордно короткие сроки строились в нашем городе одновременно 12 школ?

Параллельно со «школьной программой» Крячков осуществил и постройку (менее чем за год — в 1910-1911 годах) городского торгового корпуса (ныне — краеведческий музей).

Это здание, сочетающее в своем облике английскую готику со стилизованной под киргизские юрты

Ул. Октябрьская, 5. Одно из 12 школьных помещений, построенных к 1912 г. по проекту Кряčkova. В нем находилось городское женское училище

кровлей, было, как сейчас говорят, эксклюзивным, ни на что не похожим, уникальным. Причем вместе с собором св. Александра Невского — крупнейшим в городе.

«И как его только земля держит!», — дивились крестьяне, приезжавшие из окрестных сел на базар», — писал впоследствии историк В. Бабинцев.

Здание изначально задумывалось как источник дополнительного дохода для городской казны — двадцать помещений первого этажа город сдавал в аренду. Подвал торгового зала частично занимали собственная котельная и электростанция, а также склады «первозтажных» магазинов.

Сами магазины (каждый площадью в 136 кв. м и с высотой потолков в 4,7 м) можно было делить перегородками с отдельными выходами — как на Ярмарочную площадь, так и на проспект. На первом этаже по центру огромного (по тем временам) по протяженности здания в 120 м был сквозной проезд. На строительство здания ушло 256 тысяч рублей заемных средств, а вот ежегодный доход города от сдачи его помещений в аренду составлял около 50 тысяч рублей. Так что вложение городских средств получилось очень даже выгодное.

Городской торговый корпус стал и главным административным зданием города — на втором этаже заседали Городская Дума и управа, располагались казначейство и отделение Государственного банка, а также крупнейший в городе зал для собраний на 1000 человек. «Двухсветный зал был самым большим и красивым помещением старого Новониколаевска. В нем ставились даже оперные спектакли, концерты и другие театрализованные действия», — писал историк Баландин.

Неслучайно до сих пор здание городского торгового корпуса остается одной из «визитных карточек» города.

...Впрочем, до недавнего времени бывший городской торговый корпус считался имеющим историческую ценность для города только потому, что здесь, в Новонико-

Городской торговый корпус, 1920-е годы

лаевске, была провозглашена Советская власть (о чем до сих пор напоминает мемориальная доска на торце здания, со стороны пл. Ленина). Да и построенное Крячковым здание Коммерческого клуба (ныне — театр «Красный факел») ценилось только как «Дом революции»...

После революции начался новый этап в жизни и творчестве архитектора Крячкова. Ему, сформировавшему облик дореволюционного Новониколаевска, предстояло заняться обликом Новосибирска. Но это уже другая история.

...С началом революции и Гражданской войны, казалось бы, прервалась успешная и плодотворная работа архитектора Андрея Крячкова в Новониколаевске.

Талантливый специалист, фактически создавший своей работой облик дореволюционного города, оказался от своего детища отодвинут.

Однако это только казалось — впереди у Крячкова было превращение Новониколаевска в Новосибирск. Город со своим неповторимым обликом. Впрочем, надворный советник Крячков вряд ли мог это предполагать в первые революционные годы.

Последние два крупных «новониколаевских» проекта он, судя по всему, всегда вспоминал с болью.

В 1916 году закончилось строительство здания Богородско-Глуховской мануфактуры, принадлежавшей

московским текстильным фабрикантам Морозовым, на углу ул. Кабинетской и Кузнецкой (сегодня — главпочтамт, угол ул. Советской и Ленина). Был подготовлен проект Дома инвалидов — памятника жертвам первой мировой войны. Он должен был включать в себя приют для солдат-инвалидов на 200 человек, мастерские, музей и церковь.

На закладку фундамента Дома 5 июня 1916 года обрался буквально весь город. Были речи, начальник гарнизона Коцурик вложил в фундамент медную пластину с памятным текстом. Все происходившее снимала кинохроника. Строительство прервали война и все последующее.

...Двухэтажное здание мануфактуры было надстроено уже при Советской власти — без участия Крячкова. Архитектор, крайне щепетильно относившийся к своим проектам, не смог не отметить в своем уже по-смертно опубликованном труде «Архитектура Новосибирска за 50 лет» («Ежегодник Новосибирского отделения Союза советских архитекторов», 1951 год), что «надстройка верхних этажей почтамта, выполненная другими лицами, груба по деталям».

Что же касается Дома инвалидов, закладка которо-

го стала общегородским событием, то автор проекта его вообще не упоминает. Достроен он был в 1923-25 годах, с большими искажениями первоначального проекта и тоже — «другими лицами». Сейчас это известный всем Дом офицеров и музей СибВО.

Несмотря на упраздненные титулы, без «буржуазных специалистов» новая власть обойтись не могла. Именно потому, что они были Специалисты с большой буквы. Столица Сибири перемещается в Новониколаевск, и председатель Сибревкома Михаил Лашевич приглашает в 1924 году Крячкова руководить возведением в городе здания для новых органов власти. Так началось возвращение архитектора в наш город.

За время постройки, правда, Сибревком был уже упразднен, и в здании на Красном проспекте, 5 разместились Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и крайисполком. В дальнейшем архитектор Нуждин (будущий автор и строитель московской Останкинской телебашни) произвел под руководством Крячкова расширение здания (по ул. Свердлова). Сегодня здесь — Новосибирский художественный музей. Здание сохранилось полностью, кроме светильников на столбах перед входом.

В это же время Крячков проектирует и строит самый большой кинотеатр города «Совкино» (впоследствии — им. Маяковского) на 800 мест на углу Красного проспекта и ул. Октябрьской. В 1968 году, в связи со строительством современного здания кинотеатра им. Маяковского, прежний был снесен. Преемственность — сохранилась.

Надо сказать, что строительство шло в рекордные сроки (несмотря на то, что бетон, скажем, мешался вручную, лопатами). Крайком построили за 7 месяцев, кинотеатр — за 4,5 месяца. Причем в обоих случаях строительство шло в зимний период. Сейчас бы такие темпы...

А все потому, что архитектор Крячков одновременно и проектировал, и просчитывал стоимость проекта, составляя сметы, и руководил строительством. Он был уни-

1-е Совкино (в дальнейшем — к/т-р им. Маяковского)

версальным специалистом, каким и должен был быть «архитектор всея Сибири».

Он построил в Новосибирске очень и очень много. И из «крячковских» зданий нет ни одного стандартного. Именно он, с 1933 года живя постоянно в Новосибирске и будучи с 1935 года деканом архитектурной специальности Сибстрина, бился во всех инстанциях за то, чтобы архитекторов с высшим образованием для Сибири готовили именно в Сибири. Практика показала, что приглашенные «со стороны» архитекторы порой не учитывают в своих проектах ни местных климатических условий, ни даже элементарной «привязки» разработанного проекта к рельефу реальной местности.

В уже цитировавшейся работе «Архитектура Новосибирска за 50 лет» Крячков отозвался о работах таких «пришлых» коллег всего одной фразой, одновременно и тактично, и предельно откровенно: «Авторы их (проектов — А. П.) были случайными людьми в архитектуре Новосибирска». Увы — настойчиво «пробивавшаяся» Крячковым реорганизация архитектурного отделения Сибстрина в факультет была осуществлена только после смерти архитектора, в 1950 году.

Как всегда, для «оттяжек» находилось множество причин — отсутствие средств, специалистов, помещений.

А может быть, дело было и в другом. Энтузиасты, работающие «на износ», мало обращающие внимание на окружающие административно-чиновничьи и политические нюансы, всегда настаивают на власти. Особенно — при наличии «нюансов» в биографии. «Нюансов» у Кряčkова хватало. Бывший надворный советник (получил титул за выслугу лет по линии Министерства просвещения в 1916 году). В анкетах в графе «государственные награды» указывал два ордена св. Станислава 3 и 2 степени (полученные, соответственно, в 1910 году за строительство вузов в Томске и в 1916 году за новониколаевские

школы и училища). И в послереволюционные времена — не лучше. Его покровитель, председатель Сибревкома Лашевич, был «правой рукой» Троцкого, открыто выступал на съездах против Сталина, был исключен из партии и умер при загадочных обстоятельствах в 1928 г.

Собственно, половины этого перечня хватило бы для «исчезновения» человека. Но на «нюансы» Крячков внимания не обращал — он строил, строил, строил, готовил кадры архитекторов.

Первая награда новой власти «нашла» его в 1945 году — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Он, сумевший разработать и осуществить оборудование жилья (в том числе — переоборудование чердаков домов под пригодные для жилья помещения) для тысяч эвакуированных в Новосибирск с начала войны рабочих оборонных заводов и их семей, получил эту награду по общему списку вместе с ними. Он на основании практического опыта разработал методику «скоростного» строительства качественного жилья в условиях войны.

В изданной в начале 1945 года в Новосибирске к 10-летию местного отделения Союза архитекторов брошю-

Ул. Ленина, 19. Строительство здания Коммерческого клуба 1912–1914 гг. (ныне — театр «Красный факел»)

Памятник Андрею Крячкову у «стоквартирного» дома. Скульптор Арам Григорян

ре историка Игоря Белогорцева особо выделено, что теоретические работы Крячкова «имеют практическое значение не только для строительства в Сибири, а также в северо-западных областях СССР, освобожденных от немецкой оккупации». По «формулам Крячкова» восстанавливалось жилье для миллионов жителей победившей, но разоренной страны.

Крячков спроектировал и построил более 120 зданий в городах Сибири, большую часть жизни и творчества отдав Новосибирску, подготовил десятки учеников-архитекторов. В 1947 году он получил первый и последний советский орден — Трудового Красного знамени. Отнюдь не самый высший, да и то «в связи с 70-летием».

Хотя был ему тогда уже 71 год...

Да и Новосибирск «отблагодарил» своего творца. За последние годы ряд «крячковских» зданий по-тихому, без объяснения и огласки лишились статуса «памятников ар-

хитектуры» и могут быть снесены в любой момент (в том числе — и Александровская школа, и школа на ул. Богаткова...).

Зато — сегодня собрались ставить Крячкову памятник. Аккурат перед построенным им 100-квартирным домом, за который архитектор в 1937 году был удостоен Гран-при Парижской выставки. Да только памятник Крячкову уже есть. Это — площадь Свердлова, на которой и «стоквартирный», и здание администрации, и художественный музей, и больница — «крячковские».

Остается только справедливость восстановить да площадь в «имени Крячкова» переименовать. В конце концов, товарищ Свердлов в нашем городе никогда ни единой минуты не был.

А вот «крячковских» зданий с лихвой хватит как минимум на целый городской район.

Строитель моста и храма

В истории города Новониколаевска (Новосибирска) есть фигуры, вокруг статуса которых никаких разногласий не существует. И среди них — один из первостроителей города, строитель моста и Храма Александра Невского Николай Тихомиров.

30 июня 2007 года исполнилось 150 лет со дня его рождения. Однако торжеств не было — город почему-то аккуратно забыл и своего первостроителя, и его юбилей тем более.

Инженер-путеец Тихомиров прожил недолгую, но насыщенную жизнь — 43 года. Из них последние шесть он жил и работал в Новониколаевске, здесь умер, был похоронен и перезахоронен (но об этом — позже).

Вятский уроженец, из семьи рано умершего отставного чиновника, Тихомиров окончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. Получил звание гражданского инженера, с правом производства строительных работ. Именно у нас в городе он на практике подтвердил оба направления своей дипломной специальности, буквально «связав»

их по времени воедино. Как чувствовал инженер свою судьбу — и очень спешил жить и работать.

В 1894 году он с семьей переехал в поселок Новониколаевский, в связи с получением нового назначения — начальником 9-го участка (Каргат — Кривошеково) службы ремонта пути железной дороги. За спиной уже была работа (и самые отменные отзывы о ней) в обществе «Балтийских железных дорог», на Самаро-Уфимской железной дороге, в обществе «Оренбургских железных дорог». С весны 1893 года переведен на строительство Транссибирской магистрали. Строил мосты через реки Ишим и Кыштым у Петропавловска. Работа была оценена крайне высоко — тридцативосьмилетний инженер-путеец был пожалован орденом св. Станислава III степени. Так что в поселок Новониколаевский прибыл хоть и достаточно молодой по возрасту, но весьма зрелый по опыту специалист.

В июле 1895 года фактического руководителя строительства железнодорожного моста через Обь инженера Григория Будагова приказом министра путей сооб-

Н.М.Тихомиров с инженерами-строителями моста через Обь (1894 г.)

Строительство железнодорожного моста

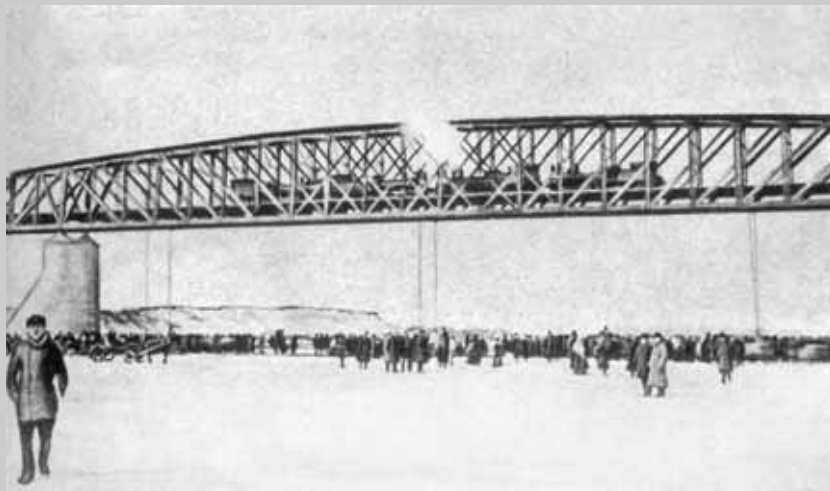
щения перевели на должность помощника начальника строительства Среднесибирского участка Транссиба. До-страивать мост и вводить его в действие, по рекомендации Будагова, доверили самому опытному из путейцев — Николаю Тихомирову. В кратчайшие сроки стройка была завершена. И зимой 1896 года состоялись приемные испытания нового моста. По нему проехала «сцеп-

ка» из четырех паровозов, пассажирами которых были председатель приемной комиссии профессор Николай Белелюбский (автора проекта моста), строители и сам «именинник» — инженер Николай Тихомиров.

Очередная награда — орден св. Владимира III степени. Мост вступил в строй. Инженер-путеец Тихомиров полностью подтвердил свой «путейский» талант.

Н.М. Тихомиров

Испытания ж/д моста, 1896 г.

Одновременно он вплотную занимался делами растущего и развивающегося поселка Новониколаевский. В 1897 году активно участвует в Первой Всероссийской переписи населения, за активную работу по ее проведению награжден бронзовой медалью. Именно Тихомиров стал инициатором создания местного Добровольного пожарного общества. Сегодня это может показаться «мелочью», но для деревянного (в основном) поселка отсутствие собственной пожарной команды при каждом пожаре оборачивалось катастрофой. Тихомиров помогал правильно составлять прошения новониколаевцев в губернский Томск о выделении денег на закладку пожарного обоза.

27 июня 1897 года разрешение на создание ДПО было получено. На добровольные пожертвования членов общества был закуплен пожарный инвентарь. Из-за отсутствия в то время пожарного депо все пожарное имущество хранилось в так называемой «Тихомировской ограде» — доме инженера Тихомирова.

Инженер Тихомиров блестяще подтвердил на деле и свое «право на строительство». Он построил Храм.

Прошение о разрешении на его строительство новониколаевцы подали в 1895 году. Была выделена «кабинетская» (то есть — из собственных владений Государя) земля и дано разрешение на строительство храма в память императора Александра III, инициатора Транссиба, — Храма во имя св. Александра Невского. Деньги на строительство собирали буквально всем миром — жертвовали рабочие, мастеровые, жители поселка, железнодорожники, купцы, ремесленный люд. Свои личные пожертвования на строительство дважды присылал и новый император Николай II.

Поступили средства и из правительственного «Фонда им. Александра III». Место для Храма выбрали на возвышении, с видом и на Транссиб, и на Мост, и на реку. Будущий город как бы начинался с Храма.

Архитектор-художник Лыгин подготовил проект в рамках так называемого «византийского стиля». 25 мая 1895 года была начата закладка фундамента. Руководил работами по строительству Николай Тихомиров.

Он буквально «жил» этой стройкой, самой главной постройкой своей жизни. Торопился сам, торопил всех. И 29 декабря 1899 года заверченный Храм был освящен. За его постройку Тихомиров получил третий ор-

ден — св. Анны III степени. Но не ради ордена он строил это массивное здание, выглядящее легким, почти «ажурным», почти «летающим»...

А теперь совместите эти три линии биографии — «железнодорожную», «общественную» и «строительную». Всем этим инженер занимался одновременно, причем блестяще. Он чувствовал свою судьбу.

В метрической книге построенного им Храма рядом с его фамилией появилась безжалостная строка: «Скончался от удара (кровоизлияния в мозг)». Это произошло 24 октября 1900 года. Казалось, весь город собрался на отпевание и похороны Тихомирова, которые прошли на территории построенного им Храма. На могиле позднее установили черную гранитную плиту, на которой золотом были высечены фамилия первостроителя и эпитафия: «Здесь покоится прах строителя Храма сего...». Жизнь и судьба, полностью отданные городу, завершились.

А дальше началось то, что продолжается и сегодня, в год 150-летнего «тихомировского» юбилея. То ли беспамятство, то ли скудоумие, то ли равнодушие. То ли — подлость.

В конце 1920-х надгробную плиту закатали под асфальт. В 1930-е Храм взорвали. Но... Не зря Тихомиров говорил жене: «Меня переживешь — увидишь! Ни одной

Н.А. Белелюбский

В.И. Берзин, инженер, подрядчик на строительстве железнодорожного моста через Обь

трещинки не будет». После взрыва Храм остался стоять, как стоял. Без трещин. Вторично взрывать не рискнули — говорят, после первого взрыва пошли трещины в здании крайкома партии.

В 1971 году при проведении ремонтных работ могильный склеп случайно вскрыли экскаватором. Гроб, покрытый остатками парчи, со шпагой железнодорожного ведомства, перенесли в подвал краеведческого музея (нынешнее художественное училище на углу Красного проспекта и Свердлова), где и вскрыли «для установления личности». Первостроителя перепутали с бомжом.

Хотя всем было известно, что в ограде Храма было единственное захоронение — его строителя Тихомирова. С останков сняли чуть ли не все, что могли. Шпагу, орден, пуговицы мундира, нателный крест (!)... Беспрецедентный «досмотр с конфискацией» длился почти месяц.

В конце концов по решению горисполкома на Зельцовском кладбище появилась могила с плитой: «Тихомиров Николай Михайлович. Инженер-путеец». Она теперь — городской памятник истории.

Многие из тех, кто видел гроб во время «следствия», рассказывали, что в нем были не останки, а... мощи. Сохранились даже черты лица. Нетленность останков по христианским канонам — одно из неперемных условий для канонизации. Но это — дело церкви, а она молчит.

Город с помпой, песнями и плясками отметил в этом году свою очередную круглую дату — 114-ю годовщину основания.

150-летие первостроителя Тихомирова, строившего Мост, Город и Храм, единственного из основателей, похороненного у нас, никто не заметил и не отметил...

Собор Александра Невского, начало XX века

Почетные горожане — «сумасшедшие», эмигранты и про- сто «враги народа»

В холле здания мэрии и городского Совета висит галерея портретов почетных граждан города. От периода Новониколаевска в истории города почетных граждан осталось трое, портретов в галерее — два.

Судьба «присутствующих» и «отсутствующего» странна и изломана. Объединяет их то, что город своих «почетных граждан» забыл.

Губернатор Томской области (к которой тогда относился город) Николай Гондатти получил звание по-

четного гражданина Новониколаевска 3 мая 1910 года. За помощь, оказанную им в ликвидации последствий катастрофического общегородского пожара. 794 двора сгорело без остатка, без крова осталось 8 тыс. горожан.

Гондатти приехал на место случившегося бедствия, осмотрел руины только-только возникшего города, и сделал все для того, чтобы город появился вновь. В буквальном смысле — «восстав из пепла».

Губернатор оказывал помощь в получении погорельцами страховых выплат. «Выбивал» из казны отпуск для города строительных материалов. Город отблагодарил, чем мог. Постановлением городской Думы 22 декабря 1909 года улица «Алтайская» в городе была переименована в «Гондатти» (сейчас — им. Урицкого).

А сам томский губернатор получил от новониколаевской городской Думы звание «Почетного гражданина города» — города, восстановленного с его непосредственным участием.

15 мая 1910 года новониколаевская «Обская жизнь» опубликовала губернаторскую телеграмму: «Глубоко тронутый вашим вниманием, я с искренней, сердечной благодарностью принимаю это Почетное звание и буду бесконечно счастлив быть полезным близкому и дорогому мне городу во всех его начинаниях. По моему искреннему убеждению, г. Ново-Николаевску предстоит блестящая будущность, и я буду безмерно рад, если на мою долю выпадет участие в этом, по-моему, близком будущем».

В конце 1910 года Гондатти был назначен губернатором Приамурского края.

Через город, почетным гражданином которого он был, Гондатти проехал дважды. И в первом, и во втором случае афишировать свое пребывание ему было, что называется, «не с руки».

В марте 1917 года приморский губернатор Гондатти был арестован в Хабаровске и отправлен для следствия и суда в Петроград по Транссибу. Кажется, он оказался единственным дореволюционным губернатором, удостоенным такой «честью».

И уж наверняка единственным, чье «путешествие» закончилось более чем благополучно: «После выяснения обстоятельств Гондатти отпускают, улики о преступной деятельности не нашли» («Сибирские и тобольские губернаторы». Тюмень, 2000 г.).

Гондатти уезжает в Финляндию, где в Хельсинки (тогда — Гельсингфорс) читает лекции в университете. Возвращается через всю воюющую саму с собой страну на Восток, вторично проезжая через наш город. Министр «Сибирского правительства» Иван Серебренников (не имеет никакого отношения к новониколаевскому большевику Федору Серебренникову) вспоминал про годы эмиграции: «С Гондатти мне приходилось встречаться в Иркутске два года тому назад (в 1918 году — А. К.), уже при большевиках. ...Это был выдающийся администратор, проделавший всю свою большую служебную карьеру в пределах Сибири, которую он отлично знал. (В Харбине он.) занимал скромный пост заведующего земельным отделом Управления Китайской Восточной жел. дороги» (И. Серебренников, «Мои воспоминания». Тяньцзинь, 1937—41 гг.).

Скончался «дважды эмигрант», почетный гражданин Новониколаевска Гондатти в Харбине в 1946 году, 84 лет от роду.

Праздничный митинг, 1920-е годы

Вся жизнь его, «столыпинца» по убеждениям и блестящего администратора, ушла на обустройство Сибири и Дальнего Востока.

В 1914 году звание «почетного гражданина города» было присвоено Владимиру Жернакову — первому городскому голове Новониколаевска (1909—1914 гг.).

С ним городу повезло так же, как с губернатором Гондатти. При Жернакове в городе плановым стало мощение дорог, озеленение улиц. При нем была построена первая электростанция.

При нем же по проектам архитектора Андрея Крякова в городе было выстроено 12 кирпичных школ, Коммерческое собрание (театр «Красный факел»), Городской корпус (краеведческий музей).

...Но был же, был, как говорится, «знак свыше» первому городскому мэру, да еще какой! Он оказался не только первым мэром, но и первым арестованным (хотя и на время) городским головой.

26 июня 1911 года, проезжая на пролетке мимо городской тюрьмы (на месте которой сегодня Речное училище) мэр, увидев знакомого, так с ним оживленно разговаривая, что тюремная стража арестовала и его, и приятеля, и извозчика с пролеткой. Естественно — только до выяснения личности арестованного.

Мэр Жернаков был очень неумный — именно благодаря его активности и поездкам в столицу Алтайская железная дорога прошла через Новониколаевск. А это для развития города было тогда гораздо важнее, чем какой-нибудь сегодняшний нефте- или газопровод для целого региона.

Тем более что Жернаков под этот проект заручился согласием руководителей городских Дум Барнаула, Бийска и Семипалатинска. После Октября 1917 года Жернаков — директор новониколаевского отделения Сибирского банка, затем — технический секретарь в институте физкультуры Томска и коммерческий директор Томского Губсоюз. В 1922—29 годах — товарищ (заместитель) управляющего нашего городского отделения Госбанка. Уехал (по ряду личных причин) в Харьков, где и был арестован органами ОГПУ в 1931 году. При обвинении «в кучу» свалили все. Членство в кадетской партии; то, что он в Новониколаевске «являлся лидером местной буржуазии»; что имел в городе недвижимость; то, что через Сибирский банк проводились платежи «Сибирского правительства» и администрации

Верховного правителя адмирала Колчака.

В упрек поставили и переезды из города в город. Был обвинен в более чем тяжком преступлении — создании организации, ставящей целью свержение Советской власти.

Один из немногих, Жернаков на следствии ни в чем не сознался и ни на кого не дал показаний. Врачи установили у него наличие галлюцинаций, и, как невменяемый, бывший мэр получил по «расстрельной» статье срок «ниже низшего». Умер в конце 1930-х в ссылке под Новосибирском.

Портрета первого почетного гражданина Новониколаевска — графа Владимира Фредерикса — в главном городском здании нет. По той причине, что он оказался не только первым почетным гражданином города, но и первым (и единственным) этого звания лишенным. Причем по более чем странным основаниям.

Фредерикс с 1897 был министром императорского двора Николая II. Решение о лишении первого почетного гражданина этого звания городская Дума (которая сама-то «рассыпалась» днями спустя) приняла 6 марта 1917 года.

В газетах сообщили невнятно, скороговоркой: «Первого почетного гражданина гор. Н-Николаевска гр. Фредерикса лишить этого звания (оно дано ему за содействие получением города земли)» («Голос Сибири», № 52, 8 марта 1917 года). Более подробная информация о причинах лишения графа почетного звания тоже ясности не вносит. «Причиной этого решения стало возмущение ново-николаевских депутатов тем, что 2 марта 1917 года... Фредерикс скрепил подпись Николая II об отречении от престола» («Новосибирск. 110 лет». Н., 2003 г.).

Причина возмущения непонятна — то ли осудили поддержку графом решения государя, то ли наоборот.

Фредерикс заведовал казенными («кабинетскими») землями и много сделал для того, чтобы новый город Новониколаевск эти земли получил.

К моменту Февральской революции 1917 года 79-летний больной старик страдал провалами в памяти. Влияния на императора не имел, но пользовался его полным доверием — как друг по беседам и игре в карты. В государственных делах не вмешивался. Пресловутый Манифест завизировал по просьбе царя, причем, как вспоминал участник церемонии полковник Мордвинов, «с ка-

ким отчаянием бедный старик, справляясь с трудом, дрожащей рукою его очень долго подписывал».

9 марта 1917 года был арестован в Гомеле, отправлен в Петроград. Был освидетельствован 11 марта врачами-психиатрами, как невменяемый перевезён в Евангелическую больницу. Вскоре был освобожден, жил в Петрограде. В 1924 году попросил разрешения на выезд, уехал в Финляндию, где и скончался в 1927 году.

На месте нынешнего горсовета я бы все-таки восстановил в правах почетного гражданина графа Владимира Фредерикса.

Заслуги его перед городом — несомненны, претензии — сомнительны.

А насчет «сумасшествия» и эмиграции — так ведь не он один. Из первых трех.

Их именами уже не названы...

Город обходится со своими улицами крайне небрежно. Город-подросток, он то назовет улицу в честь какого-то человека, то резко бросается ее переименовывать.

С карты города после революции пропало много «именных» улиц. Но, как говорится, «пропажа пропаже рознь». И истории этих пропаж (всегда — печальные) складываются в историю города, как детские кубики в домик.

Наш город оказался, пожалуй, единственным в мире, где улица в честь человека названа была не по фамилии его, а по имени-отчеству. Есть в центре города улица, названная когда-то в честь томского губернатора Ломачевского.

Интереснейший был человек этот губернатор, награжденный несколькими орденами — св. Владимира 3 и 4 степени, св. Анны 2 и 3 степени, св. Станислава 1, 2 и 3 степени. За время его губернаторства он перестроил центр Томска.

По проектам приехавших по его приглашению архитекторов Лыгина и Федоровского было построено более 30 кирпичных домов.

Он стал инициатором учреждения Общества содействия физическому развитию (в 52 года!), его председателем и активным участником, Общества взаимопомощи учителей губернии, добился открытия правительственного ремесленного училища (где обучение было гораздо дешевле коммерческого).

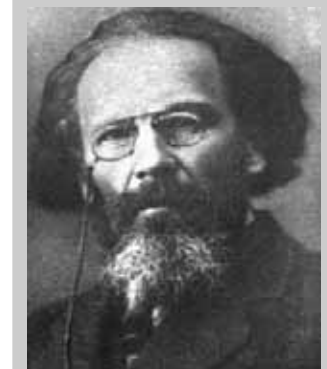
К поселку Новониколаевскому губернатор относился как к любимому племяннику. «Пробивал» в Петербурге ветку железной дороги до Кривошеково, а потом и далее.

И не надо мне рассказывать, что при проклятом царизме или при родной Советской власти вопросы можно было решить моментально — по звонку или по росчерку на указе. Российская бюрократия, которая, собственно, и обязана исполнять принятые решения, пережила царей, большевиков и спокойно живет в нынешней стране.

«Мышиного цвета» жил комхозовские дамы, заматывающие самые простые проблемы (вроде уборки двора), не на пустом месте выросли — на богатой исторической почве. А Ломачевский — стучался, бился с бюрократией уже позапрошлого века за каждый километр этой дороги. Вот так и появился у него «племянник»-город. Ломачевский «племяша» баловал «подарками»

А. А. Ломачевский

В. Д. Вегман

Кузнецкая улица, 1910-е годы

— то дорогой железной, то просьбами присвоить городской статус этому шибутному и быстро растущему поселку. И город «дядюшку» очень хорошо знал — улицу в его честь называли Асинкритовской.

Просто потому, что звали его Асинкрит Асинкритович. Так что, по-моему, улицу называли очень мило и по-домашнему. И главное, что все знали, в честь кого.

Настолько все, что в 1920 г. (а «дядюшка Асинкритович» губернаторствовал закончил еще в 1900), улица была переименована одной из первых — в Рабочую.

Теперь — имени академика Чаплыгина, жившего здесь в эвакуации в годы войны. Так что — пропал «дядюшка», потерялся. Канул в историю.

Ломачевский вообще не упоминается даже на страницах справочника «Сибирские и тобольские губернаторы» (Тюмень, 2000 г.).

А в энциклопедии «Новосибирск» в его биографии вместо даты смерти печальной загогулиной торчит вопросительный знак. Отплатил город «дядюшке» доброй памятью. «Помер Охрим — и хрен с ним!»

А вот еще одна улица и еще одна «история с именами». Теперь — трагикомическая. По названиям улиц Новониколаевска можно было изучать корни городских переселенцев.

Барнаульская, Алтайская, Кузнецкая.

Была еще и улица «Бийская», но ей с переименованиями совсем уж круто не повезло. Сначала ее переименовали в честь Вегмана. Кто такой?

Да кто же из культурной элиты в Новосибирске начала 30-х годов не знал Вегмана! «Советская Сибирь» писала о нем — «старейший партиец Сибири». Первый директор Сибархива был колоритнейшей личностью. Огромная библиотека, кропотливая архивная работа, и даже не удивительно, что он — не писатель и не поэт — был новосибирским делегатом на первом съезде Союза писателей. Он не выращивал писателей — он их пестовал.

Его огромная квартира («старейший партиец!») была своеобразным «клубом» для «пролетарских писателей». Собственно, именно здесь, за общением с этим человеком, многие тогда пишущие стали понимать, что «Врангель — фон. Врангеля — вон!», мягко говоря, не вся литература.

Он выпестовал новую литературу. Он не писал, а вот на него написали. По легенде, когда к Вегману «пришли», у него сидела в гостях чуть ли не половина тогдашнего новосибирского Союза писателей. Они — разбежались.

А он, арестованный, поняв, что уже — все, — вырвал из горла серебряную капсулу, без которой не мог дышать. Умер мгновенно.

Улицу, естественно, срочно переименовали. Благо, в 1937 г. шли не только аресты, но и «большие перелеты сталинских соколов».

Улица Вегмана быстро превратилась в улицу летчика Байдукова (интересно, а он-то вообще об этом знал?). И опять с названием улице не повезло. В 1957 г. приняли решение, что именами ныне живущих деятелей больше ничего не называть, а что есть — быстро переименовать.

Переименовали — в Совнархозовскую.

Очень тогда у Никиты Сергеевича Хрущева в моде эти совнархозы были. Сняли его — и улицу переименовали окончательно — в Депутатскую. Причем без указания созыва. На всякий случай.

С «переселенческой» улицей Томской случилась вообще трагедия. Или — комедия (как посмотреть). В декабре 1937 г. улица была названа в честь славного наркома НКВД Ежова. Через Новосибирск в это время шли эшелоны с «врагами народа» (да и своих тут хватало).

А в Москве в это время отмечали юбилей «железных» органов страны. Ежова расстреляли 8 мая 1939 г. Через сутки, по циркулярной телеграмме из НКВД, все было переименовано. Для меня загадка, как тогда, под горячую руку, не переименовали еще и ежей.

Сегодня улица Ежова — улица Салтыкова-Щедрина. Автор «Города Глупова», наверное, похихикал бы над таким соседством.

Улицу, конечно, переименовать можно, и не раз. С человеком это труднее.

Провизор — больше чем профессор

Совсем недавно город торжественно отметил 110-ю годовщину своего существования. В этом году абсолютно незамеченным прошел еще один городской юбилей. Ровно 110 лет назад, в 1895 году, небогатый новониколаевский предприниматель Петр Степанович Ковнацкий открыл первую городскую аптеку.

Угол улицы Меженовской и Михайловской и вокзальная церковь

Она располагалась на перекрестке тогдашних ул. Гондатти и Кузнецкой (нынешние Урицкого и Ленина). Сегодня на этом месте — комплекс основных и подсобных зданий «Универсама».

Впрочем, свой адрес первая аптека города — «аптека Ковнацкого» — меняла еще не раз. Но качество обслуживания неизменно оставалось высоким. Скрупулезность в приготовлении лекарств и внимание к посетителям всегда было «фирменным знаком» для заведений «первого новосибирского аптекаря».

В новониколаевских аптеках теперь уже позапрошлого (XIX) века предусматривались очень жесткие параметры качества.

Для приготовления лекарств использовались ступки из агата (полудрагоценный камень), ручные весы с чашечками из кокосовых орехов, ложечки из рога или серебра. Полностью пытались обеспечить принятые для своего времени правила безопасности для потребителей.

Запасы препаратов хранились в специальных помещениях и в специальной таре. Порошки из «летучих» веществ держали в стеклянных банках, в дополнительной оловянной упаковке. Примечательно, что мальчики-подростки, помощники аптекарей, обязательно проходили обучение у практикующих лекарей.

Только после этого им доверяли даже не приготовление лекарств, а только прислуживание и помощь провизорам (квалифицированным аптекарским работникам).

Отсюда, собственно, и возникла эта формулировка: «Провизор — больше, чем профессор». Подразумевалось, что профессор ставит диагноз только одному пациенту и ошибается только один раз, а провизор готовит порошки для десятков (если не сотен) людей, и его ошибка намного страшнее.

Ковнацкий открыл и еще аптекарский магазин (снесенный при перепланировке части Красного проспекта у кинотеатра Маяковского), а его первая в городе аптека в результате нескольких переездов и реорганизаций оказалась известной всем «Аптекой № 2» («Аптека на Красном»).

В здании, построенном по специальному решению Новониколаевской Городской Думы, аптека зачем-то отпраздновала недавно свой некруглый «90-летний» юбилей. Просто потому, что городские архивы того времени сгорели, и точную дату установить невозможно.

... В Новониколаевске на центральной улице, Николаевском (Красном) проспекте, были банки, конторы присяжных поверенных, были официальные учреждения (включая Городскую Думу). И — аптеки. Потому как надобность в прочих учреждениях была не у всех, а в аптеки ходили все.

Причем по специальному решению местных депутатов лекарства малоимущим, солдатикам и увечным отпускались с большой скидкой, а то и бесплатно.

От «первого городского аптекаря» Ковнацкого городу остались аптеки. Ему от города — ничего. И отчество его путают («Семенович» или «Степанович»), и вместо дат его жизни в городской энциклопедии — «?».

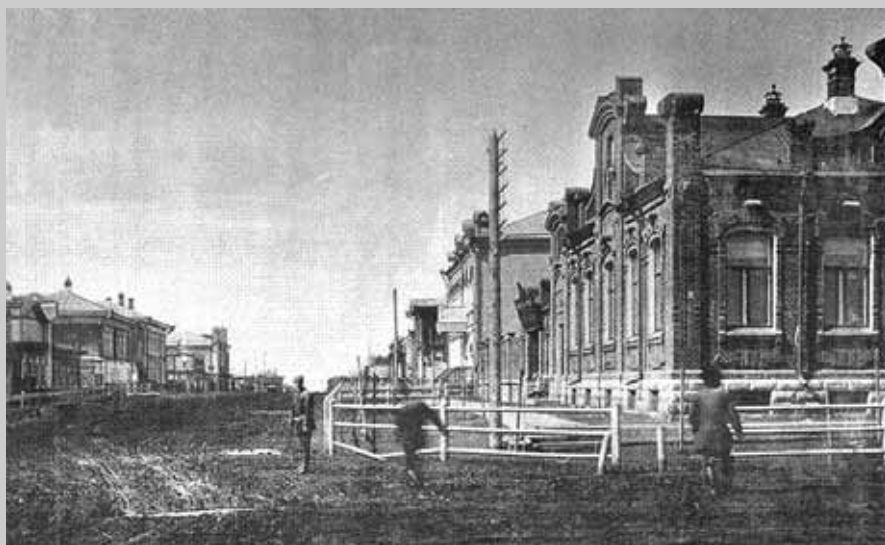
Так может, хоть все-таки первая городская (сейчас — № 2», «аптека Ковнацкого» признает наконец-то имя своего основателя (несмотря на многие переезды) и свой истинный возраст — 110 лет?

А то попытка «омолодиться» лет на десять как-то юмористически выглядит.

Загадочный забытый полицмейстер

В истории города люди оставались по-разному. Остался и полицмейстер Висман. Правда, не в связи со своей должностью. Его до сих пор продолжают вспоминать как организатора и владельца огромного количества нелегальных публичных домов. Как представляется, такая однобокая «памятливость» выглядит не слишком объективно.

Собственно, полицейскую службу в только-только получившем статус города Новониколаевске Висману пришлось строить практически с нуля. И заниматься — всем и сразу, чтобы в городе был хотя бы номинальный порядок. Город был молодой, население — шибутное. Вот

Вид с Красного проспекта на Коммунистическую (бывшую Гудимовскую), 1910-е годы

как описывал пристанское население современник в начале XX века: «Население... живет, главным образом, грузовой работой. Помимо водки береговые рабочие питают большое пристрастие к картам, орлянке и вообще к азартным играм. Нравственный уровень береговых рабочих, еще недавних крестьян, находится на такой низкой ступени, что они уже не знают себе другого имени, как «шпанка».

Во время народных гуляний в городе по случаю коронации императора Николая II «шпанка» хорошо отметила праздник на берегу. А потом повалила в центр города: громили палатки, винные магазины, устроили массовую драку. Полиции еще не было, порядок пришлось наводить «вручную». В результате в Томск на подводах повезли 2 убитых и 8 раненых «шпанцев».

У первого полицейского пристава будущего города, Ивана Копейкина, в подчинении было всего 10 стражников. Лучше, конечно, чем ничего. Висман, ставший уже городским полицмейстером, выбивал через кого только можно дополнительные штаты. К 1906 году штаты составляли уже 29 человек, но, как признавались даже в томском губернском управлении, этого было «совер-

шенно недостаточно». Позднее Висману удалось довести расширение полицейских штатов до 63 человек. А ведь занимать-то полицмейстеру приходилось в буквальном смысле слова всем. Достаточно перечитать старые газеты и вчитаться в них.

По поручению городской Думы полицмейстер под угрозой штрафов требует от владельцев городских домов обязательной высадки на улицах деревьев. «Пожилые» клены и тополя, сохранившиеся «живьем» или в виде огромных пней — это память о Висмане. Увы, их остается все меньше и меньше. Висман бы такого не допустил.

Именно полицмейстер обязан был, в случае необходимости, сверять документы у запасников — рядовых и офицеров. В 1909 году всеерьез обсуждалась возможность новой войны с Японией, и «запасные» попали под переучет.

И еще. «Мною замечено, что извозчики позволяют себе на своих биржах стоять не на улицах, а выезжают на самые тротуары, ругаются площадно бранью... Часто извозчики требуют с пассажиров лишнюю плату, грубят, не знают присутственных мест, более необходимых адресов и даже улиц. А потому предлагаю г-дам чиновникам вверенной мне полиции с виновных обязательно снимать номера и представлять мне при записках для наложения строгого взыскания. Полицейстер Висман».

При Висмане впервые для чинов полиции стали проводиться учения. На скорость прибытия по сигналу тревоги и еще — учения по стрельбе. Причем 50 процентов полицейских не давали вообще ни одного промаха, а городской Карменко все пули из револьвера с расстояния в 40 сажень (больше 85 метров) положил в центр мишени. За что тут же был награжден полицмейстером премией в 3 рубля. Из собственного, кстати, кармана — гу-

бернское полицейское управление не отпускало средств на поощрения.

И еще кое-что для полиции в городе стало при Висмане «впервые». То, что о деятельности полиции он стал ежедневно и очень подробно информировать горожан через газеты. Всячески подчеркивая при этом удачи, но и не скрывая недостатков. Полицейских через газеты, пофамильно, штрафовали за сон на посту в ночное время, а за отлучку с поста Висман просто увольнял. Зато горожане знали, что стационарные и передвижные патрули полиции будут и по ночам заниматься своей работой — охраной покоя и безопасности граждан. Так что самим газетчикам «копать» на криминальные темы было уже незачем. Висман не чурался и «черновой» сыщицкой работы, больше того — любил ее. Лично, переодевшись в гражданское, с помощью всего лишь одного городского провел арест шайки из 3 человек, готовившей ограбление «Сибирской компании». И в ту же ночь Висман также лично провел аресты шайки Фоки Полоснина, ограбившей накануне магазины «Эдуардов и Сысолов» и «Обь». Преступники, взятые с поличным, были настолько ошарашены, что с ходу написали то, что сейчас называется «чистосердечным признанием».

А вот чего активно Висман не любил, так это «политику». Пусть ею жандармерия занимается, у нас и так рук и ног не хватает! Но полицию подтягивали и подтягивали «под политику». В годы первой русской революции Висман уберег город от серьезных конфликтов. Не дал устраивать массовые беспорядки со стрельбой и погромами в центре города ни сторонникам революционных партий, ни черносотенцам-«патриотам».

Первые, увидев полицейскую цепь во главе с полицмейстером, разворачивали и уходили свои демонстрации за окраину города. Вторые — просто разбегались. А ведь предупреждал же Висман заранее, через руководителей: «Второй Москвы тут не будет! Стрелять будут только бандиты. И мы — в них».

Баррикад Красной Пресни и погромов город, действительно, избежал — один из немногих сибирских городов.

В Томске, к примеру, в ходе трехдневных погромов «патриоты» перестреляли и сожгли забастовщиков в здании железнодорожного управления. На глазах у полиции. А в Новониколаевске было тихо — здесь был Висман.

И вовсе примечательная история случилась летом 1908 года. В город примчался жандармский штаб-ротмистр Бакастов с ордерами на обыски и аресты «в зависимости от результатов обыска». Громить собирались Обскую группу РСДРП с ее подпольными складами и типографиями. По воспоминаниям подпольщиков Блюма и Фортובה, буквально накануне организацию предупредил врач Смирнов. Откуда узнал? Да к нему на «рюмку чая» заходил сам Висман, он и рассказал. И что же, Висман не знал, что у Смирнова также постоянно чаевничает тот же Фортов (руководитель боевой организации подполья)? И не знал, что ссыльные эсдеки посещают доктора отнюдь не по его основному профилю — «сифилис и венерические заболевания»? Просто очень не любил Висман жандармов. Одно дело — самому с револьвером против бандитов. И другое — бумажки какие-то искать, да при этом делать вид, что «основы государства» охраняются. А вот в том, что подпольщики оказались неповоротливы и не успели ликвидировать склады в доме семьи Шамшиных, — так в том не Висман и Смирнов виноваты. Кстати, об этой неожиданной роли врача и полицмейстера в изданиях по истории революционного подполья города не упоминалось вообще.

...«Патриотический» Союз русского народа Новониколаевска добился-таки отстранения полицмейстера от должности и отдания под суд. Собственно, после трех лет следствия в обвинении осталось только организация 113 публичных домов вместо 7 разрешенных. Ну и, естественно, взятки — как в России без них? Висман был осужден на 8 месяцев арестантских рот и отправлен на фронт — уже шла Первая мировая война. Там его следы теряются. Но — начинаются загадки.

В 2002 году вышла в Новосибирске мизерным тиражом замечательная книга историка Михаила Ефремова «80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края». Опубликована в книге в том числе и фотография — 7 человек в милицмейской форме 1920-х годов. И подпись: «Работники милиции, получившие награды в день празднования десятилетия советской милиции».

Перечисление фамилий, в том числе — «В. П. Висман». Совпадает все — инициалы, фамилия, профиль работы. С одной стороны чертовски хочется разгадать эту загадку. А с другой... Должны же быть у города маленькие легенды!

...С любовью к печатному слову

С первых лет существования Новониколаевска город обзавелся и официальными, и «неофициальными» типографиями.

В первых — печатались газеты, календари и открытки, во вторых — несколько иная печатная продукция. Хотя и не менее прибыльная для ее «издателей».

«Первопечатником Иваном Федоровым» для Новониколаевска стал Николай Павлович Литвинов. Сын каменщика и прачки, после окончания уездного училища он год работал типографским рабочим и, похоже, «отравился» магией печатного слова на всю жизнь. Однако человеком Литвинов был очень разумным, и на практике усвоил, что эта самая печатная «отрава» самим рабочим ничего, кроме отравы реальной — в виде интоксикации парами свинцовых красок, — не приносит.

Нужна была профессия — востребованная и позволявшая занять устойчивое положение в обществе. Литвинов с отличием закончил фельдшерскую школу, восемь лет проработал ординатором терапевтического, туберкулезного и психиатрического отделений городской больницы в Пензе, затем почти два года — в сельской земской больнице (где был «врачом по всем болезням»).

С началом строительства Транссиба «завербовался в Сибирь». Здесь платили очень неплохие деньги, но главное — была перспектива. Да еще какая! Буквально на пустом месте, посреди векового леса создать нечто, интересное для себя и полезное для людей.

30 апреля 1894 года Литвинов приезжает в с. Кривошеково (будущий Новониколаевск) и организует больницу для рабочих при строительстве моста через Обь. По складу характера он относился к породе людей, которых называли в те годы «общественными деятелями».

В отличие от революционеров, они сочетали общественную активность с пользой для себя, были «состоявшимися в жизни» и состоятельными людьми. Литвинов открывает первый в городе магазин книг и канцпринадлежностей на Николаевском (сейчас — Красном) проспекте. Но главное — он открывает первую в городе типографию. Ее здание, построенное на углу Кабинетской и Воронцовской (Советской и Свердлова), несмотря на многократные перестройки и пол-

Н.П. Литвинов

Улица Вокзальная, издательство Литвинова, конец 1900-х гг.

Здание Русского для внешней торговли банка, (Красный проспект, 13). Здесь же размещалась типо-литография Касьянова

ностью изуродованный «типографский» внешний вид, сохранилось.

Сегодня в нем — областная научная библиотека, до этого была типография, и издательство «Советская Сибирь», и редакции практически всех городских газет.

Типография была оснащена по последнему слову тех-

как на работу — в очередной раз забирали печатников, подпольщиков-социал-демократов.

Собственно, сотрудниками типографии Литвинова в разное время числились чуть ли не все члены городской организации эсдеков. Их арестовывали, отпускали, после чего Литвинов вновь принимал их на работу, и обыски и аресты повторялись вновь — не только в типографии, но и в конторе самого издателя.

Арестовывались номера «литвиновских» газет (которым для легального выпуска после этого постоянно приходилось менять названия). Под суд попадал и сам Литвинов — в частности, за публикацию в его изданиях материалов, направленных против «ура-патриотического» Союза русского народа. Эсдеки агитировали за Литвинова на выборах Городской Думы, но, тем не менее, забастовки с требованиями повышения зарплаты «у Литвинова» случались чуть ли не чаще, чем в более мелких типографиях города. Копей-

Ул. Советская, 6. Типография Литвинова. С 1929 г. в здании размещалась типография издательства «Советская Сибирь»

ку Николай Павлович считать очень даже умел. И четко разделял «общественную деятельность» и финансовую успешность предприятия.

Он был одним из инициаторов создания Общества по изучению Сибири и ее быта, городского музея, Общества попечения о народном образовании. В числе так называемой «депутации трех» (наиболее уважаемых жителей) ездил на аудиенцию к Императору Николаю II для решения вопроса о выкупе городом «кабинетских» земель, — что было жизненно важно для развития города.

Литвинов честно работал «на общество», отдавая ему пресловутый «гражданский долг». Он даже приостановил свое членство в составе выборных городских уполномоченных в связи с призывом его (фельдшера!) на армейские сборы. Что-то не помню, чтобы похожий поступок совершил хоть один из нынешних депутатов. Поэтому, собственно, и городским головой (мэром) его томский губернатор не утвердил. И, честно работая «на общество», о своем производстве не забывал — объединил в 1913 году более мелкие типографии Касьянова и Пономарева в единый «Торговый Дом Литвинова и К».

В мае 1917 года, когда в стране начался кавардак, Литвинов еще раз продемонстрировал очень даже практичный расчет: он распустил слухи о банкротстве своих типографий. После долгих споров между кооперативами «Экономия» и «Закупсбыт» за право покупки «лакомого куска» он был продан последнему.

Что в первом, что во втором кооперативе, участвовавшем в конкурсе, «первую скрипку» играли эсдеки. Те самые, которые у него в свое время в типографии и работали. Получив деньги от продажи,

Дом печатников, 1930-е годы

Литвинов уехал на Алтай, где занимался устройством первых санаториев. А спустя всего несколько месяцев типография его была национализирована. Литвинова даже на некоторое время Советская власть арестовала — «от обиды». Ну глупо же было платить деньги за то, что и так скоро перейдет в другую собственность?

Эсдеки этого не знали, Литвинов, похоже, догадывался. После недолгой отсидки он вступил в ВКП(б) и до конца своей жизни работал врачом. И никогда больше в жизни с «печатным делом» не связывался — даже когда

Ул. Советская, 6. В 1933-1938 гг. здание издательства «Советская Сибирь» было реконструировано (ныне — Новосибирская государственная областная научная библиотека)

его как заслуженного врача просили «выступить в газете со статьей по медицинскому делу».

Один из немногих персонажей городской истории, который скончался от естественных причин — от склероза мозговых сосудов. Хотя и в «пугающем» по дате 1937 году. Могилы нет — сгинула где-то под сегодняшней Березовой рощей.

...Работавшие в типографии Литвинова эсдеки пытались устроить и свою, нелегальную, типографию. Им как-то патологически не везло.

С 1905 по 1916 г. полиция четырежды изымала оборудование и шрифты их типографий. Общий объем изъятого жандармерией оборудования составил более полутонны. В итоге никаких регулярных «подпольных» газет в Новониколаевске до 1917 года не выходило.

Зато появлялись другие «мини-типографии», работавшие «на коммерческой основе». В начале декабря 1907 года полиция обыскала один из номеров гостиницы «Вокзальные номера», где нашла «небольшую типографию со шрифтами и др. типографскими принадлежностями» и 1378 напечатанных на этом оборудовании фальшивых проездных билетов Сибирской железной дороги.

Арестованный со всем этим добром некий Иван Манушенко на выездной сессии Томского окружного суда дал замечательные объяснения.

Его, дескать, выгнали со службы на железной дороге в Иркутске, и вот, возвращаясь опять же в Иркутск, он в поезде познакомился с неким брюнетом, который ему передал чемодан и корзинку с типографским оборудованием и фальшивыми билетами и просил передать их «Пете», который непременно подойдет к нему в Иркутске на перроне, увидев багаж. Доехал до Новониколаевска, остановился в гостинице, где был арестован и впервые при аресте узнал о содержимом багажа.

Странно, но ни прокурору, ни суду объяснения арестованного убедительными не показались. В итоге г-н Манушенко был приговорен к 6 месяцам тюрьмы «с лишением всех прав» за «покушение на фальсификацию». Оставшийся неизвестным иркутский «Петя», естественно, на суд не приехал.

Разные в городе были типографии, разные. И судьба у них была разная.

Только вот первая городская типография Литвинова и первая городская «фальшивая» типография Манушенко в судьбе города — каждая по-своему — остались.

Забывтый свет над городом

Как это ни парадоксально звучит, электричество в Новониколаевске появилось благодаря кино и танцам.

А вот действительно «электрическим» город стал благодаря человеку, который, сам того не подозревая, обеспечил своей настойчивостью и фанатизмом не только освещение улиц Новониколаевска, но и базу для превращения Новосибирска в один из крупнейших энергоемких оборонно-промышленных центров страны в 30—50 годы.

Это — сегодня незаслуженно забытый инженер Михаил Шиша.

Новониколаевск начала XX века освещался, мягко говоря, слабо. Да и то только керосиновыми фонарями, причем, как писали газеты того времени, «с наступлением вечера улиц уже не видно: мерцают вдали настолько слабые огоньки, что возле самого фонаря встречные обоюдно разбивают лбы».

Но молодой город рос буквально не по дням, а по часам. Ему требовалось электричество. Самыми первыми «производителями» и потребителями новой энергии стали первые в городе кинотеатры («электро-театры», как их называли тогда) Махотина, Ганзена, Крюкова, Мариупольского.

Небольшие динамо-машины давали достаточно тока, чтобы показать новониколаевцам новые увлекательные фильмы «Труп и утопленница», «В плену страсти», а также «видовые» картины русско-японской, а затем и Первой мировой войны. Первая улица «города у моста», естественно, возникла у вокзала.

На Вокзальной, где селились служащие железной дороги, было электрическое освещение, питавшееся от станционного динамо. Мощности хватало для освещения клуба с бильярдом и еженедельными «танцевальными вечерами».

Город, впрочем, не хотел быть «при» железной дороге. Поэтому в заказанном архитектору Андрею Кряч-

кову проекте главного городского здания — Городского торгового корпуса (построенного меньше чем за год в 1911 году) — были предусмотрены не только помещения для городской Думы и Управы, не только большой зал (для заседаний и проведения торжественных вечеров), но и электростанция. Мощности ее, правда, хватало только для освещения самого здания (во время заседаний Думы, управы, а также вечеров с танцами).

Город, стремившийся поменять «детские штанишки» поселка на «городские брюки», без электричества не мог.

Уже в 1906 году новониколаевская управа опубликовала в столичных Санкт-Петербургских газетах объявление о конкурсе «на устройство в... городе электрического освещения». Предложения приходили из многих городов тогдашней империи (включая ныне абсолютно суверенные Украину и Эстонию), но все они были отклонены.

Самое выгодное из них предусматривало бесплатную аренду земельного участка под электростанцию и полную монополию на производство и продажу энергии в течение 40 лет. После чего пришедшее в негодность оборудование «благотетели» обещали бесплатно отдать городу. Город не согласился.

В 1911 году город, поднадужившись, собрал необходимые деньги на создание электростанции. Чтобы не входить в лишние расходы, под станцию определили кирпичное здание весовой на Новобазарной площади (пл. Ленина). И с той же целью — сократить расходы — на должность заведующего (и фактически — создателя) будущей станции был приглашен никому тогда не известный 25-летний студент-выпускник мехотделения Томского технологического института Михаил Шиша.

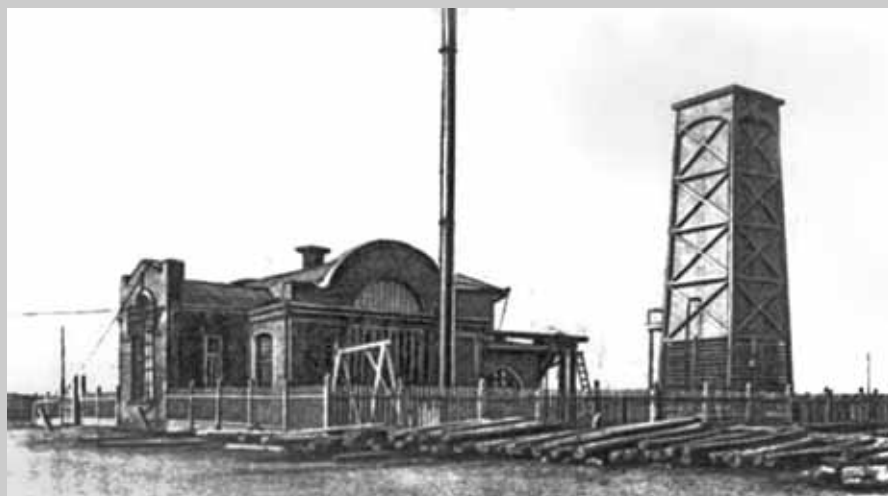
Нашему городу (на сильно, случайно, закономерно) очень везло на хороших людей. Где-то там, наверху, есть все-таки у города свой ангел-хранитель, который за городом присматривает. Вряд ли о нем

знал профессор Томского технологического института Млеев, но из лучших своих выпускников он порекомендовал в Новониколаевск именно Михаила Шишу. И — не ошибся.

Нетерпение скорее получить «свое электричество» было так велико, что еще до объявления конкурса среди электротехнических фирм на поставку оборудования будущей станции, 8 декабря 1911 года в городе началась установка несущих столбов для подачи энергии будущим потребителям.

Инженер Шиша мотался по региону в прямом смысле слова «со скоростью электрического разряда». Он успевал везде — и поговорить в Новониколаевске с местными промышленниками — и убедить их в необходимости и выгоде подключения к электричеству; и знакомиться с каталогами новейшего электрооборудования; и списаться с их производителями; и съездить и убедить в необходимости участия в конкурсе в далеком сибирском городе; и следить за переделкой здания весовой под станцию.

Пять компаний в итоге изъявили желание участвовать в конкурсе, из поданных предложений комиссия (по рекомендации Шиша) выбрала в качестве поставщика Екатеринбургское представительство всемирно известной германской фирмы «Сименс и Хаальске». Они предложили наиболее короткие сроки поставок и наиболее

Первая городская электрическая станция

ЦЭС. Павильон слева называли автобусной станцией. Двухэтажная будка с буквами — сама электростанция.

выгодные условия последующего обслуживания. Общая сумма средств, выплаченных городом по контракту, составила 20 527 рублей.

Оборудование поступало с традиционной немецкой аккуратностью — по срокам, и с не менее традиционным российским разгильдяйством — по неполной или неточной комплектации.

Так что станцию город собирал и комплектовал в прямом смысле слова «своими силами»: «латали» недостатки и недопоставки новониколаевские предприятия и отдельно нанимаемые мастера. «Лександрыч», как вскоре не только за глаза, но и напрямую рабочие стали уважительно называть «этого шпендрика» — Шишу, — в прямом смысле слова дневал и ночевал на стройке.

Один из современников впоследствии вспоминал: «Он и вообще-то был сложения очень субтильного, если не сказать — тщедушного. А за время монтажа осунулся настолько, что от него остались только одни усы. Он их отпустил еще в институте, для придания солидности. Вот к концу постройки от него только и осталось — усы да форменная тужурка инженера».

24 декабря 1912 года генератор станции был запущен

на пробные обороты. 28 декабря комиссия, в которую входили представители городских властей, фирм-поставщиков и специалисты-электротехники, единодушно оценили результаты испытаний как «вполне успешные». 4 февраля 1913 года станция была принята в эксплуатацию. По случаю ее пуска в еще недостроенном здании Коммерческого клуба (ныне — театр «Красный факел») был дан бал для городской элиты.

«Усы в тужурке», инженер Шиша, не танцевал — он принимал поздравления. Это был действительно ЕГО день, город приветствовал ЕГО и открытие ЕГО станции. А для того, чтобы понять, какого уровня событием стало появ-

ление электростанции в городе, стоит сказать, что «именные» балы (а не просто рядовые «вечера танцев») в городе за последующие годы устраивались всего трижды.

В 1913 году — по случаю 300-летия Дома Романовых, в 1917 — в «День Свободы», в честь Февральской революции и свержения монархии, и в 1919 — в день первой годовщины освобождения города от большевиков.

В городе начался «электрический бум». Газеты печатали объявления: «Запаситесь лампочками! Лучшие электрические лампочки, установка электрического освещения, шнур провода, счетчики и прочий электрический товар. Электротехнический склад. Семипалатинская, 53, тел. №125».

Уже в первый год существования к станции подключились около 600 абонентов (и частные лица, и предприятия). 5600 лампочек (вот ведь был учет!) освещали квартиры, конторы, цеха, и главное, — главное! — улицы! Пусть пока только в центральной части, но впервые в городе появилось ночное освещение.

Но «первый энергетик города» инженер Шиша смотрел намного дальше. Свет на улицах — это здорово, но электричество способно и должно толкнуть вперед про-

мышленность города. В направленном уже в 1913 г. в городскую Думу прошении об увеличении штатов электростанции для ее круглосуточной работы он прямо писал, что «наличность электроэнергии днем вызовет развитие промышленности и потребления электроэнергии для хозяйственных целей».

Электричество как двигатель промышленности — это было жизненной идеей инженера. А от него требовали только света.

К 1917 году количество абонентов электростанции превысило 1000. В основном — за счет «частников» и уличных фонарей. Страна вставала «на дыбы», а в это дикое время у странного инженера Шиша была одна забота — хотя бы сохранить для города станцию. Примечательно, что городская власть поднимала тарифы на энергию, невзирая на собственный «цвет» — и при гордуме, и при Совдепе, и при «сибирцах», и при Колчаке, и снова при Совдепе. А инженер Шиша и его станция просто работали. Несмотря ни на что. В 1919 году (при Колчаке) станция выдала рекордный уровень выработки энергии — почти 408 тыс. кВт/час. И — надорвалась.

Хотя еще за год до «рекорда» Шиша буквально умолял тогда еще «сибирскую» гордому принять меры к обильному количеству потребителей, подключающихся к сети безо всякого разрешения и оплаты. В 1920 году станция с изношенными мощностями стала выдавать все меньше электроэнергии. Этого «буржуазному спецу» Шише новая власть не простила.

Как не простила и его публикаций в уже советской прессе 20-х годов о том, что городу немедленно требуется строительство новой электростанции мощностью не менее 5 000 кВт. «Спецу» Шише в центральном партийном органе Сибири, газете «Советская Сибирь», достойно возразил некий работник крайплана Скурский (который, собственно, об электричестве, судя по всему, имел представление только по включению и выключению лампочки) объяснил, что нечего тратить лишние деньги — хватит городу электростанции на 1 000 кВт.

А «спец» Шиша не унялся. Как это напечатали — я не представляю.

«В настоящее время об электрификации говорят все кому не лень... Так, при установке небольшой электростанции в деревне говорят об электрификации деревни. При установке необходимого количества ламп для освещения завода говорят об электрификации завода. Мы полагаем, что под электрификацией какого-либо завода, города и проч. нужно понимать полную замену механических двигателей электрическими».

«Электрификация» — это, собственно, тот «слоган», который в те годы использовал Ленин. А Шиша достаточно доступно объяснял, что «лампочка Ильича» — это не электрификация.

Город построил электростанцию в 1 000 кВт. Спустя всего несколько лет в городе стали строиться и «Сибкомбайн», и завод им. Чкалова, а с началом войны появились еще крупные предприятия, требовавшие электроэнергии. Им пришлось в срочном порядке строить новые станции.

«Первого энергетика города» не расстреляли и не посадили. Работал в энергетической отрасли на второстепенных должностях, умер в 1966 году.

Имени человека, впервые подарившего городу свет

Ул. Горького, 64. Контора Госэлектросиндиката (1930-е годы)

на улицах, нет в списке почетных граждан города.

Имени человека, требовавшего создания в городе энергетической базы для развития промышленности, нет в списке новосибирских «Заслуженных энергетиков РФ», опубликованном в энциклопедии «Новосибирск».

Этого имени нет и в двухтомнике «Созидатели», выпущенном под патронажем Корнея Гиберта («Новосибирскэнерго»).

Я уже не говорю про название улицы.

Первый человек, увидевший за обычной электролампочкой большое будущее города, Михаил Александрович Шиша.

Про то, как бывший реалист Серебренников за «школьные» обиды мстил

*«Я не злопамятный. Я просто злой,
и память у меня хорошая»*

Из анекдота

С «парадными портретами» исторических деятелей при ближайшем рассмотрении происходят порой интересные вещи. Сквозь официальную «позолоту» вдруг начинают проступать черты обычных, живых людей — со своими характерами, достоинствами и недостатками.

Не является исключением и Федор Серебренников — один из революционных деятелей Новониколаевска и руководителей большевистского городского Совдепа.

Сын конторского служащего, Серебренников (1891 г. рождения), именем которого названа одна из городских улиц, учился в свое время в новониколаевском реальном училище.

Первое здание училища на углу нынешних ул. Советс-

кой и Вокзальной магистрали давно снесено (на его месте «высотка» проектных институтов и торговых заведений); второе здание (также давно перестроенное) на Красном проспекте, 3, занимает сегодня детская больница. Будущий «пламенный революционер» училище так и не окончил. По какой причине — мнения историков расходятся.

Книга «Наши земляки» (Н., 1979 г.) сообщает: «Федор заканчивал училище, когда на семью обрушилось страшное горе — умер отец, так и не дождавшись, когда старший сын «выйдет в люди». Все заботы об осиротевшей семье легли на плечи 16-летнего юноши (у Серебренникова было 2 брата и 2 сестры, — А. П.). Надо было работать... Крайняя нужда поселилась в домике...» Те же причины сообщает и книга И. Цыплакова «Имя на карте города» (Н., 2001 г.).

А вот энциклопедия «Новосибирск» (Н., 2003 г.) утверждает, что Серебренников был исключен из училища «как политически неблагонадежный». Хотя такая «идеологическая» версия больше была бы характерна для изданий советского периода, однако в них отсутствует.

Так или иначе, училище реалист Серебренников покинул. А вот очень сильные (и отнюдь не положительные) чувства к директору училища Григорию Бутовичу — сохранил.

Бутович, собственно, и был основателем училища, начинавшегося в виде частной школы, затем с 1906 г. — училища, готовившего юношей для поступления в технические вузы. Его супруга Зинаида Бутович открыла тогда же частный детский сад, позднее в училище руководила подготовительным отделением. Их, как и десятки новониколаевских педагогов, благодаря деятельности которых в городе с 1912 г. было введено всеобщее начальное образование, вполне можно назвать «подвижниками просвещения».

Прошло 10 лет с момента ухода реалиста Серебренникова из училища, и выяснилось, что к деятельности Бутовича можно применить и куда менее лестные эпитеты.

Причем эпитеты эти (не без участия Серебренникова) озвучивались публично, через СМИ.

К 1917 г. Серебренников освоил специальность бухгалтера, причем (при «крайней нужде» семьи) окончил в Омске платные финансово-экономические курсы. Вступил в РСДРП, где придерживался линии большевиков. Получал бухгалтер-большевик Серебренников по тем временам очень неплохо.

В газетном отчете о пожертвовании средств на издание «Правды» с 19 по 28 июня 1914 г. указывалось, что из Новониколаевска от Серебренникова поступил однократный заработок — 1 руб. 60 коп.

Преподаватель училища в городе получал в это время 15 руб. в месяц. Налетел 1917 г., бывший реалист Серебренников сотрудничал в ескедовской газете «Голос Сибири» (объединенной меньшевистско-большевистской), попал в состав Совдепа. Директор Бутович стал членом Комитета общественной безопасности и порядка (КОБ) — высшего органа городской власти, совместно созданного общественными организациями.

В газету Серебренников писал по разным вопросам — от профсоюзного движения до политики правительства Англии, а заодно и давал оценку ситуации: «Мы являемся единственными в мире гражданами, абсолютно пользующимися всеми политическими свободами без всяких ограничений». Ну, а раз безо всяких ограничений, да еще и газета под рукой, то...

15 марта 1917 г. директор училища Бутович вздрогнул. В этот день в разделе «Хроника» «Голос Сибири» опубликовал заметку без подписи: «Дорожка скатертью. Гр. Бутович, директор местного реального училища, распространяет между реалистами слухи, что его куда-то приглашают телеграммой на пост директора гимназии.

Когда реальное училище перешло в ведение казны и когда возникло для г. Бутовича вопрос — быть или не быть директором, ему было такое же предложение, а он долго с ним надоедал представителям городского самоуправления, пока не добился от них — «поддержим».

Не ищет ли он такой поддержки у общества и новым предложением? Думаем, на этот раз он ее не найдет как гонитель «кухаркиных детей». Все прекрасно помнят, как он «вразумил» юношу Серебренникова в классе: «Ведь ты нищий! Понимаешь, нищий». Нет, г. Бутович, этот номер у вас не пройдет: скатертью дорожка. Чем скорее, тем лучше». «Юноша Серебренников» покинул училище 10 лет назад,

так что кто такие «все мы», которые «прекрасно помнят» некий диалог 10-летней давности (если он вообще был) — осталось загадкой.

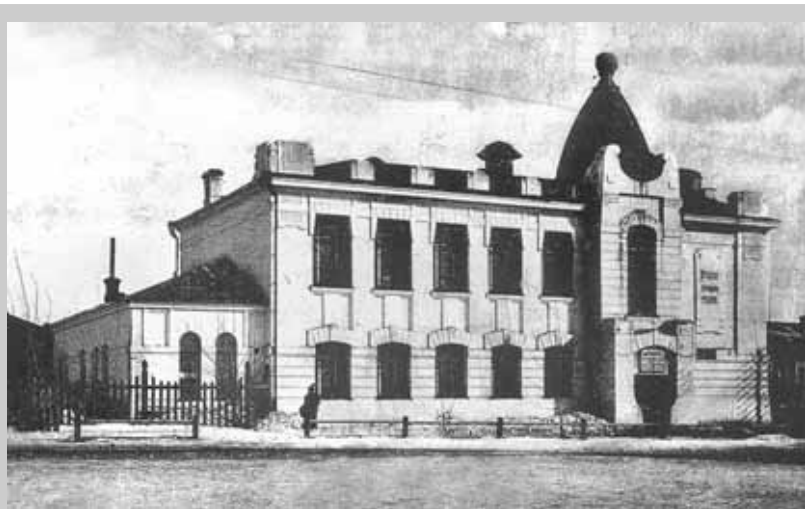
Да и в разряд «кухаркиных детей» сын конторщика Серебренников никак не попадал. Кроме того, подростки из малообеспеченных семей по решению попечительского совета вообще в училище принимались бесплатно.

Но упоминание фамилии «юноши» было неслучайно — директору давали понять, от кого прилетел «привет». Опровержениями газета не злоупотребляла, и «чужие» на ее страницах не печатались.

Дальше — больше. «Голос Сибири», писавший только и исключительно о политике (как местной, так и «мировой»), вдруг очень сильно заинтересовался проблемами образования, причем персонифицировано. 12 апреля на треть (!) газетной полосы (формата нынешней «Советской Сибири») — материал под заголовком «Светогасители (к вопросу о переустройстве средней школы)».

«В полицейском государстве, каким была Россия при павшем царизме, не могло, конечно, быть и речи о свободной школе, о школе студии, облагораживающей и возвышающей душу, создающей свободолюбивых независимых граждан с неустанным стремлением к вечным идеалам Истины, Добра и Красоты...

...Чтобы обеспечить полный порядок... общее со-

Городское начальное училище, начало XX века (ныне Театр кукол)

бране учителей и членов родительских комитетов местных средних учебных заведений решило создать коалиционный совет... Совет в процессе организации ясно подчеркнул, что представители некоторых учебных заведений не являются вполне правоспособными отразить мнения своего педагогического совета. Напр., директор реального училища Бутович прошел 8 голосами против 7, принимая участие в голосовании себя. Выяснилось также, что реальное училище оказалось представленным крайне односторонне, что там есть группа преподавателей, думающих совершенно иначе, чем г. генерал Бутович с преданными своими единомышленниками. Бутович, Ранг из всех сил заверяли собрание, что никакой оппозиционной группе в совете училища нет, что у них там полное единодушие. Двое преподавателей из названной группы решительно заявили коалиционному совету — такая группа есть! Тем самым они вскрыли полную неспособность Бутовича, Ранга и Ко работать в обществено-демократической обстановке, в какую неожиданно поставила судьба. ...Истинный педагог никогда не был и быть не мог на посту директора, благодаря его жандармско-полицейским обязанностям. Директора были светогасителями в школе». Заодно помянули и «...шпионскую бдительность синеподкладочных черберов (директоров, инспекторов...)».

А под материалом, как будто в насмешку, был опубликован эсдековский список кандидатов на выборах в Городское народное собрание, где числился и «Серебренников Федор Павлович, 25 л., сотрудник газеты «Голос Сибири», чл. Сов. Раб. и Воен. деп.».

Но самый, пожалуй, примечательный «привет» прилетел директору Бутовичу со страниц «Голоса Сибири» еще 29 марта: «Против постановления комитета порядка. 26 марта на заседании комитета порядка и безопасности была вынесена резолюция об отношении к войне и миру, тождественная с резолюцией Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

Но несмотря на это член комитета порядка (он же директор реального училища) Бутович после решения комитета вывесил на здании реального училища флаг с надписью «Война до победного конца». Собственно, по стилю и содержанию — форменное ябедничанье школьного типа («А чего он в меня жеваной бумагой плюется!»).

В сентябре 1917 г. большевики с меньшевиками разошлись, и меньшевистский «Голос Сибири» как-то сра-

зу потерял интерес к реальному училищу и к проблеме образования вообще.

Большевик Серебренников в газете больше не печатался. Директор наконец-то вздохнул спокойно.

...Федор Серебренников, член исполкома большевистского Новониколаевского Совдепа был арестован и убит 4 июня 1918 г. в результате мятежа чешских легионеров. Похоронен в Сквере Героев революции, его именем названа улица.

Потомки нескольких старинных дворянских родов Бутовичей живут на Украине, да и по всему миру.

Так, к примеру, выходящий на Западе русскоязычный журнал «Кадетская переключка» в № 7-12 за 1974 г. извещал о кончине в Мельбурне (Австралия) бывшего кадета Льва Бутовича. Бежавшие от большевиков эмигранты «первой волны» создавали в изгнании кадетские корпуса, записывали в них своих сыновей, племянников и т. д.

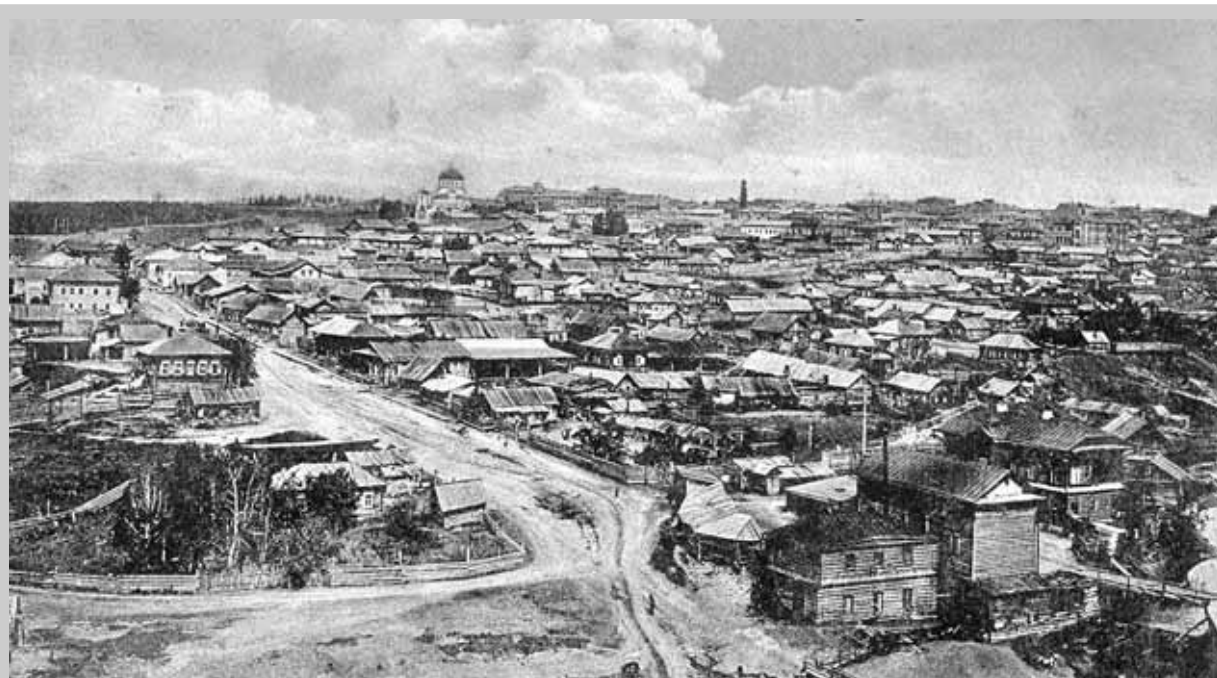
«Хорошая память» Федора Серебренникова о своем училищном директоре не делает его лучше или хуже.

По-моему, вся эта история 1917 г. просто очеловечивает его, наполняет «ходульный образ» живой кровью и сильными чувствами (и отнюдь не только к политической борьбе). Вся эта история — давно исторический анекдот.

Хотя... У Серебренникова все-таки есть могила, бюст, улица. В отличие от Бутовича, который не удостоился даже статьи в энциклопедии (!) «Новосибирск».

Бюст Ф.П. Серебренникова в Сквере Героев революции

Общий вид центральной части из-за реки Каменки

Новониколаевский Эльсинор

Эльсинор — замок, который Вильям Шекспир буквально завалил трупами персонажей в своей самой «кровавой» трагедии «Гамлет». Для Новониколаевска таким «Эльсинором» стало реальное училище, вокруг которого почти восемь лет крутились события, связанные с тремя историческими личностями города — большевиком Федором Серебренниковым, меньшевиком Владимиром Холкиным и кадетом Григорием Бутовичем.

Учитель, изгнавший Ученика; Ученик, предавший Учителя; Учитель, покончивший с собой, не сумев спасти Ученика от гибели, — чем не Шекспир?

А начиналось все почти как анекдот. В апреле 1910 года директор городского реального училища Бутович исключил ученика Серебренникова (которому было, кстати, уже 19 лет) «за грубое нарушение правил благоприличия». Казалось бы — мелкий, рядовой случай. Но он стал не только основной новостью для местных газет — вызвал запрос гласных (депутатов — А. К.) городской Думы и явился предметом специального разбирательства с участием и городских «думцев» и городской Управы (мэрии. — А. К.).

Училище готовило юношей для поступления в технические вузы. Основной язык технической документации того времени — немецкий, без него как без рук... Серебренников получил очередную за четверть отметку «два» по немецкому языку. Это была далеко не первая «двойка» — по окончании предыдущего класса он тоже получил твердое «два». Училище было частным — то есть не получало средств от казны и существовало только на частные пожертвования и субсидии из городского бюджета. «Дво-

ечников» выпускать было просто невозможно — сразу же возникал вопрос: «Позвольте, а за что мы платим? За образование для новониколаевцев или за видимость его?».

Да и не мог себе позволить Бутович, педагог с огромным стажем, подобной «халтуры», позорящей его профессионализм.

Семья Бутович очень много сделала для развития (а точнее — создания) системы городского образования. Сам Григорий буквально поседел, «выбивая» и почти выпрашивая средства «на школу». Его супруга Зинаида Бутович открыла частный детский сад, позднее в училище руководила подготовительным отделением. Их, как и десятки новониколаевских педагогов, благодаря деятельности которых в городе с 1912 г. было введено всеобщее начальное образование, вполне можно назвать подвижниками просвещения.

Очередная «двойка» Серебренникова стала причиной большого скандала. Бутович резко (причем публично) отчитал ученика, которого абсолютно не хотел исключать, и «порхнула» роковая фраза: «Вы же нищий, а продолжаете получать «двойки»!» Собственно, Бутович, как он потом не один месяц оправдывался, никого оскорбить не хотел.

После смерти отца Серебренникова, директора конторы по продаже сельхозмашин компании «Товарищество

Столь и Ко», фирма и платила пенсию вдове, и оплачивала жилье (кстати, очень даже приличное), и платила за обучение 19-летнего юноши в училище.

Книга «Наши земляки» (Н., 1979 г.) сообщает: «Федор заканчивал училище, когда на семью обрушилось страшное горе — умер отец, так и не дождавшись, когда старший сын «выйдет в люди». Все заботы об осиротевшей семье легли на плечи 16-летнего юноши (у Серебренникова было два брата и две сестры — А. К.). Надо было работать... Крайняя нужда поселилась в домике...»

Оставим на совести авторов книги, как легко 19-летний парень (1890 года рождения) превратился в 16-летнего. Так же, как и сетования на «крайнюю нужду».

Но трудно не согласиться с тем, что «надо было работать» — глядишь, «крайней нужды» было бы поменьше. Вместо этого Федор даже не учился толком. Хотя диплом реального училища был бы для него действительно «путевкой в жизнь». Бутович пытался в очередной раз объяснить разгильдяю, что только образованием можно чего-то достичь, «встать на ноги», обеспечить семью. Серебренников обиделся.

Не помогли даже увещевания одного из учителей, преподавателя арифметики, географии и русского языка Владимира Холкина.

Николаевский проспект, 1910-е годы

Кстати, похоже именно через него, члена социал-демократической партии, Серебренников и познакомился с «нелегальной литературой» — листовками и брошюрами Обской группы РСДРП.

От имени собственной мамы, дяди и своего он написал потрясающее письмо «в газеты», которое охотно было опубликовано.

«Вы жестоко оскорбили меня, назвав при всем классе нищим. Я не просил у Вас Христа ради ни копейки, а если за меня платит деньги В. Г. Столл, то не ради Христа, а этого заслужил мой отец...

Теперь мне нигде нельзя показаться: почти все реалисты зовут нищим. Я этого не заслужил и что если имею по немецкому «2», так нельзя за это оскорблять.

Мои родственники и мать выражают протест и желают удовлетворения.

Ваш воспитанник 5 кл. Ф. Серебренников, А. Серебренникова, В. Серебренников.

PS. В училище ходить до получения ответа не буду».

После объяснений Бутовича перед членами городской Управы и Попечительского совета училища вся эта история стала принимать характер почти фантастический, по новому показывая норы и способности «ранимого и нервного», еще совсем молодого Федора Серебренникова.

«При раздаче аттестаций об успешности мною было сказано ученику Серебренникову приблизительно следующее: «Серебренников, в прошлом году Вы имели неудовлетворительную отметку по немецкому языку в каждую четверть... Вы нищий, простите за выражение. Вам больше, чем кому-либо, нужно трудиться. Вы же совершенно прекратили всякую работу»...

...Матери Серебренникова были заданы следующие вопросы:

«Вы знаете содержание этого письма?» — «Знаю».

...Я, имея в виду, что содержание письма подсказано ему Вами, нахожу возможным оказать ему снисхождение — уволить по прошению».

...Серебренникова изъявила согласие подать прошение, но заявила, что она неграмотна.

Я спросил: «Как? Вы неграмотны? Это чья подпись? (А. Серебренникова)». — «Это писала моя дочь». — «А это?» (указывая на подпись В. Серебренников) — «Это писал мой сын Федор»...

Из училища Серебренников вылетел.

Хотя его преподаватель Холкин, гласный городской

Думы и член Попечительского совета, и пытался спустить это дело «на тормозах». Упирая, опять-таки, на «нервность» и безотцовщину...

В 1917 году Холкин был среди меньшевиков, Серебренников — большевиком. В Городское народное собрание Холкина избрали, Серебренникова — нет.

Но на страницах газеты «Голос Сибири» бывший реалист продолжал «доставать» директора училища Бутовича — то он не тот лозунг на училище вывесил, то что-то «контрреволюционное» сказал. Злопамятность у бывшего реалиста оказалась очень даже хорошей.

Попытки Холкина поговорить с бывшим учеником окончились ничем. Федор Серебренников жил уже «по законам революции». Редактировал газету «Дело революции», куда и писал сам кучу «корреспонденций» ввиду отсутствия корреспондентов. Ему было, вероятно, привычно ставить чужие подписи под своими текстами.

После антибольшевистского майского переворота 1918 года Серебренников был убит — похоронен в сквере Героев революции. По некоторым данным, он, единственный из «расстрелянной пятерки» Совдепа, был убит без мучений — револьверным выстрелом в голову. Остальных убивали штыками.

Рассказывают, что «последнюю милость» оказал ему один из повстанцев — однокашник по училищу.

А Бутович во все эти смутные годы старался «тащить» училище, здание которого занимали под постой то «сибирцы», то колчаковцы, то «белые», то «красные», то польские части «белых».

25 октября 1918 года в газете «Народная Сибирь» в отчете о заседании городской Думы было сообщено, что 22 октября покончил с собой эсдек Холкин. Подробности не сообщались. Учитель не вынес того, что не уберег «нервного мальчика», своего ученика, и застрелился.

Вот и разберись теперь — кто тут Гамлет, а кто Розенкранц и Гильденстерн? Ведь не литературные персонажи были, а живые, реальные люди — Серебренников, Холкин, Бутович. И училище тоже — реальное.

Так и стоит оно (правда, давно надстроенное) общим памятником всем участникам этой «шекспировской» истории — Красный проспект, дом №3.

Но самое главное, что реальной, а не придуманной, была смерть.

Какой уж тут Эльсинор... Шекспиру такие сюжеты и не снились.

Три новосибирских часа Ульянова - Ленина

Владимир Ленин, проезжая (и то — не по своей воле) через будущий Новосибирск, задержался здесь всего на три часа. И, по итогам этой поездки, — виртуально на долгие годы.

Город наш оказался и в истории с Лениным уникальным. Даже в постсоветские времена здесь памятников Ленину не только не сносили (не считая статуи перед НЭТИ, разбитой пьяными хулиганами безо всякой идеологической подоплеки), но и восстанавливали.

В том числе — и при непосредственном участии депутата областного совета Олега Сметанина. Да и самый первый памятник Ленину тоже стал уникальным — ничего подобного нигде в стране больше нет.

Это — «Дом Ленина» в центре города.

Решение о его строительстве принял пленум Новониколаевского губкома РКП(б) в феврале 1924 года, а закладка здания состоялась уже в июле того же года.

Уникальность дома-памятника еще и в том, на какие средства он строился. Было выпущено около миллиона

Проспект Сталина, 1930-е годы. На Доме Ленина — надпись: «Ленин умер. Жив ленинизм»

картонных жетонов-марок (размером с современные визитные карточки) «Кирпич на дом памяти Ленина». Каждая стоила 10 копеек — тогдашняя цена одного кирпича. Распространялись они по предприятиям, продавались всем желающим. Кстати, сегодня у коллекционеров стоимость этих марок — 100-120 долларов.

Ленинский «кирпичик» стал действительно «золотым».

Сбор средств шел быстро, а пионеры проводили распространение «кирпичиков» с бодрой речевкой:

*Камень на камень,
Кирпич на кирпич!
Умер наш Ленин
Владимир Ильич.*

Строительство было вчерне завершено уже 1 мая 1925 года, хотя начавшаяся сразу по завершению строительства реконструкция не закончена и по сей день. Первой жертвой реконструкции стал фасад — с него исчезла надпись «Ленин умер — жив ленинизм». Зачем было сохранять постоянное напоминание о смерти «вечно живого» вождя.

Да и пионерская речевка спустя уже несколько лет, когда подзабылась история с «кирпичиками», стала очень сильно напоминать циничную антисоветчину.

В Доме работал окружком партии, первая сибирская широкоэвещательная радиостанция, Сибрадиоцентр, Западно-Сибирский краевой научно-исследовательский институт коммунистического воспитания, краевая библиотека, краевая научная педагогическая лаборатория, институт повышения квалификации учителей, «Кузбасстрой», общество бывших политкаторжан.

Так что новосибирский кирпичный «Ленин» вел себя, действительно, как живой — говорил, просвещал, воспитывал и агитировал на всю Сибирь.

Усилия новосибирцев по увековечению памяти вождя были замечены в центре, и в 1927 году к юбилею Октября город получил особый подарок — памятник Ленину работы Виталия Козлова. На ленинградском заводе «Красный выборжец» было изготовлено четыре отливки монумента, первая из которых до сих пор стоит перед зданием Смольного в Питере, вторая — отправлена в дар новосибирцам в знак особого уважения. Вот так «виртуально» связал вождь этим памятником «штаб Революции», где перешел звездный час своей карьеры, со столицей Сибири.

Агитационный плакат, 1925 г.

Памятник был установлен перед Дворцом труда («Водный институт»). Стоял сначала на ступенях центрального входа, однако потом обратили внимание, что вождь показывает рукой на довольно пустынный пейзаж. Памятник сняли, перенесли со ступеней на постамент и развернули на 180 градусов. Теперь Ильич делает приглашающий жест в сторону дверей вуза.

...А начиналось все просто и совсем

не монументально. Ссылный Владимир Ульянов добрался до переправы через Обь в районе будущего города 2 марта 1897 года. Города не было, не был еще достроен и мост, реку зимой переезжали на лошадях.

К приходу поезда к станции со всего поселка Кривошеково съезжались ямщики, «таксисты XIX века», они-то, собственно, и переправляли приезжих на тот берег, выдавая в путь тулупы и теплую обувь. Вот так, закутанный в тулупчик, подремывая, будущий вождь отбыл из будущего города.

А перед этим в здании вокзала ст. Обь оставил историческую отметину о своем здесь пребывании — в виде письма матери, Марии Александровне. Несмотря на то, что в советские времена постоянно подчеркивалось, что Ленин был у нас и даже что-то здесь писал, на самом тексте письма внимание не акцентировали.

«Пишу тебе, дорогая мамочка, еще раз с дороги. Остановка здесь большая, делать нечего, и я решил приняться паки и паки за дорожное письмо — третье по счету».

И — все. Владивосток, который Ленин в жизни не видел, хотя бы удостоился от него похвалы, что, дескать, «город нашеньский». А нам досталось два слова — «делать нечего».

Впрочем, может быть, цитату из ленинского письма стоит выбить на постаменте другого его монумента — на

площади Ленина. Если «питерский» Ленин представляет, бесспорно, историческую ценность, то по поводу наличия какой-либо ценности у Ленина «площадного» специалисты до сих пор высказывают большие сомнения.

А сам памятник, с легкой руки тогдашнего корреспондента НТВ Аркадия Мамонтова, получил ласковое прозвище «Бэтмен».

Глядишь, душевная, хоть и несколько обидная для города цитата из письма, могла бы все же одомашнить памятник «самому человеческому человеку».

Дом Ленина (первоначальный вид), конец 20-х годов

696 минут... и еще немного

*«Все это случилось в давно прошедшие,
чуть ли не гоголевские времена».*

А. Куприн

Все-таки Новосибирск — город в своем роде уникальный. «Забыв» многих достойных людей, внесших свою лепту в его появление, становление и развитие, город увековечил в названиях собственных улиц и площадей персонажей, никогда и близко от города не бывавших — от Галилео Галилея до Якова Свердлова.

Хотя, как показывает пример Владимира Ленина, для масштабного отражения своего имени в городских названиях и памятниках требовалось совсем немного — пробыть на его территории буквально несколько часов.

Собственно, о пребывании Владимира пока еще не Ленина на территории Новониколаевска советские краеведческие книги и путеводители сообщали крайне сдержанно, ограничиваясь формулировкой, что, дескать, «новосибирцы бережно хранят память о пребывании у нас Владимира Ильича».

Самая лучшая и потрясающая по логике формулировка появилась в сборнике «Новосибирск» (Новосибирск, 1961 г., очерк «В памяти сердца»): «В Новосибирске, вернее, в Новониколаевске, Ленин пробыл несколько часов. Тем бережнее храним мы память об этом далеком дне». Увы, но на самом деле будущий вождь не был не только в Новосибирске, но и даже в Новониколаевске.

Дело в том, что название поселку — Новониколаевский — было присвоено министерством внутренних дел 17 февраля 1898 года, а права города (да и то — безуездного) Новониколаевск получил вообще только 28 декабря 1903 года. Что же касается исторического визита, то ссыльный Владимир Ульянов, следуя на поселение в Шушенское, прибыл поездом на ст. Кривошеково несколько ранее — 1 марта 1897 года.

И это далеко не все странности, которые сопровож-

дают историю ленинского визита. Начнем даже со времени пребывания будущего вождя на будущей новосибирской земле. К столетнему юбилею города в 1993 году было выпущено крайне интересное издание, своеобразная «городская хроника» — «Новосибирск. 100 лет. События. Люди».

В хронике очень многие важные для города события датированы очень обтекаемо: «не позднее апреля...»; «в середине декабря...» и т. д.

Единственное событие, протяженность которого зафиксировано с точностью до минуты (!) — тот самый приезд Ленина. «1 марта. В 21 ч. 25 мин. местного времени... на ст. Кривошеково прибыл В. И. Ленин». «2 марта. В 9 ч. 01 мин. местного времени В. И. Ленин... выехал со ст. Обь в Красноярск».

То есть общее количество времени, проведенное Лениным на территории будущего города, составило ровно 696 минут, «как одна копейка».

Но вот что интересно — кто же с такой точностью хронометрировал такое «историческое событие», как проезд рядового ссыльного, и зачем? Полиция? Разрешение на создание органов полицейской службы в поселке Новониколаевском (в составе пристава, его помощника и 10 стражников) департамент полиции выдал томскому губернатору только 31 декабря 1897 года — когда Ленин уже давно благополучно пребывал в Шушенском. До этого полиции в поселке вообще не было. А больше в тот момент Ильич вряд ли кого интересовал.

В известном письме Ленина матери, написанном на ст. Обь, «временной хронометраж» также отсутствует. Так что оставим такую потрясающую точность на совести историков советского периода. И все-таки стоит еще раз отметить, что это единствен-

ное событие в истории города с потрясающей «поминутной» точностью.

Кстати, о том самом письме. Пассажирское движение по мосту через Обь еще не было открыто, поэтому пассажиров выгружали на ст. Кривошеково, состав порожняком перегоняли через мост на ст. Обь, где следующие в сторону Красноярска пассажиры приобретали новые билеты и снова загружались в вагоны.

Через покрытую льдом реку Ильич, как и остальные пассажиры, переправился на извозчике, закутанный в меховой тулуп.

На станции Обь отогрелся в буфете чаем, сел писать письмо матушке. Текст, на самом деле получился крайне брюзгливым.

Сибирь Ленину решительно не понравилась — как в целом, так и в житейских частностях. «Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривошекова, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редкие дороги, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение всех трех дней... Ехать все еще остается двое суток. Я переехал сейчас на

Новониколаевский железнодорожный вокзал

Поселок Новониколаевский

лошадях через Обь и взял уже билеты до Красноярска. Т. к. здесь движение пока «временное», то плата еще по старому тарифу, и мне пришлось отдать 10 р. билет плюс 5 р. багаж за какие-то 700 верст!!! И движение поездов здесь уже совсем непозволительное, эти 700 верст мы протащимся двое суток».

Собственно, ворчливость Ильича не совсем понятна. «Временное» (нерегулярное) движение поездов от ст. Обь до Красноярска было открыто именно 1 марта 1897 года!

Так что Ленин, отбывший со станции 2 марта, оказался одним из первых пассажиров этого маршрута. В противном случае пришлось бы ему эти 700 верст проделывать на перекладных ямщиках, на что ушло бы отнюдь не двое суток.

Стоит напомнить, что ехал-то не «вождь», не «VIP-персона», а простой ссыльный, так сказать — «персона нон-грата».

Кстати, попробуйте себе представить, чтобы, скажем, на открытии новой ветки метрополитена в первый поезд вместе с почетными пассажирами втиснулся бы еще и «товарищ» со справкой о судимости вместо паспорта, да еще при этом стал бы скандальить, что состав медленно идет...

На этом странности не кончаются.

Если верить путеводителям, хроникам, справочникам, Ленин еще и совершил прогулку по поселку. В романе великолепного сибирского писателя Афанасия Коптелова

ва «Большой зачин» (это была первая часть трилогии, за которую писатель получил Ленинскую премию) очень ярко описана эта прогулка, которую Ленин совершил со своим дорожным спутником, врачом Крутовским.

«От пригорка начиналась узкая, словно колодец, просека... На старых соснах висели таблички: «Ул. Межениновская». Владимир Ильич недоуменно пожал плечами. Крутовский объяснил, что это инженер, начальник всего строительства от Оби до Енисея. «Спешит сам себя прославить!», — саркастически заметил Владимир Ильич и, припоминая что-то, снова взглянул на табличку: «Постойте, постойте... Ме-же-ни-нов. Ах, так это тот, о котором

писали народовольцы в одном из своих «летучих листов»! Да, да. Ясно помню: «Русская Панама», «Известные всему путейскому ведомству воры, вроде Меженинова», «Величественное предприятие в руках воров с Витте и Дурново во главе». И еще что-то в этом роде». «Какая у вас блестящая память!»

За инженера-путейца Николая Меженинова (скончавшегося в далеком 1915 году) хотелось бы вступить.

Всю жизнь он посвятил проектированию и строительству российских железных дорог, неоднократно приглашался за рубеж — для обмена накопленным опытом. Почти 15 лет отдал строительству железных дорог в Сибири.

А строительство под его руководством участков Запсиба велось такими темпами и с таким качеством, что движение поездов по ним начиналось за год-два до планового срока. Именно Меженинов был инициатором строительства собора Александра Невского и председателем комитета по сбору средств на его постройку. Именно он строил ст. Обь, торговую пристань со складами, жилье для речников...

Собственно, неслучайно, что сход жителей поселка постановил назвать одну из улиц будущего города «Межениновской» (сегодня — Челюскинцев). Это была дань уважения человеку, строившему город.

А на той «прогулке» (если она, конечно, была) Ильич продемонстрировал не только «блестящую память» на

вздорные обвинения. Постановление о размещении табличек с названием городских улиц и номерами домов было принято только 29 апреля 1898 года — более чем через год после проезда Ленина. Потрясающий дар предвидения!

И еще более потрясающее, просто «совиное» зрение! Смотрите — в Кривошеково Ленин прибыл 1 марта 1897 года в 21 час. 25 мин. Это уже глубокие сумерки. Выгрузиться из поезда, поторговавшись, сговориться с извозчиком, тщательно укутаться в тулуп, переправиться через Обь, попить чаю на станции, написать письмо матушке...

А потом — в кромешной тьме, в полночь-за полночь идти гулять по незнакомому поселку, в котором первые уличные фонари появятся только в начале 1900 года.

Да еще и умудриться при этом в полной темноте читать несуществующие таблички.

...Единственный раз собственно Новониколаевск упомянут в громадном эпистолярном наследии Ленина 15 декабря 1919 года в телеграмме председателю Сибревкома Ивану Смирнову: «Поздравляю со взятием Новониколаевска».

И после поздравительной «скороговорки» Ильич сразу переходит к делу: «Позаботьтесь всячески о взятии в целостности Кузнецкого района и угля...»

Больше Новониколаевск его не интересовал.

А Межениновской улицы в городе так больше и не появилось.

Ильич: взгляд из Новониколаевска

Сегодня новосибирцы со страниц местных СМИ могут узнать мельчайшие подробности о жизни и деятельности федеральных политиков.

А в 1917 г. самой загадочной, и в чем-то даже мифологической фигурой для новониколаевских политиков, газет и их читателей был тот, с именем которого сегодня само это понятие «1917 г.» у каждого накрепко связано — Владимир Ленин.

Интересно, что таким загадочным Ленин был в тот год и для тех, кто, в принципе, должен был в Новониколаевске знать его лучше всех — для местных социал-демократов (еще не расколовшихся на большевиков и меньшевиков). В первый раз имя Ленина возникло в местной прессе на страницах эсдековской газеты «Голос Сибири» 7 апреля 1917 г.

Рядом были опубликованы две заметки: «Прибытие Плеханова в Россию» и «Прибытие Ленина». Именно в такой последовательности. Заняв вместе почти треть газетной полосы, они разительно отличались по содержанию. «Петроград. 1 апреля. В 12 час. ночи по Финляндской дороге прибыл в Петроград основатель Российской с.-д. рабочей партии Г. В. Плеханов; на вокзале была организована торжественная встреча... Плеханов прошел по всей платформе, приветствуемый толпой, стоявшей с обнаженными головами. В парадных комнатах

Пристань Обь. Поселок Новониколаевский, начало XX века

прибывшего приветствовали депутации».

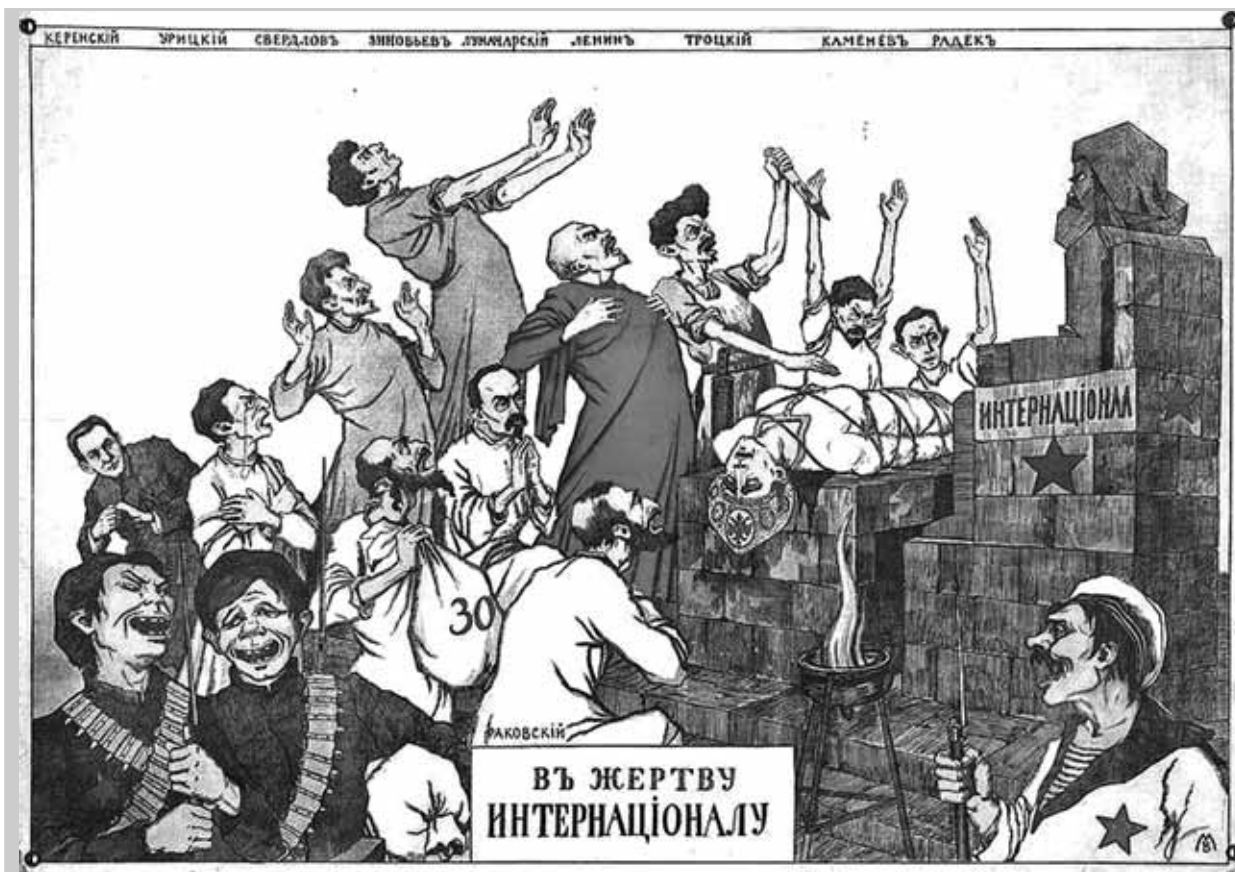
В тексте приводились все подробности торжественной встречи Плеханова — военный почетный караул, оркестр... Естественно, что фамилия главного героя упоминалась буквально в каждой строчке. В опубликованной ниже заметке Ленин упоминался дважды — в заголовке и в последней строчке. «...С поездом из Трелеборга прибыли 30 русских политических эмигрантов из Швейцарии с женами и детьми... среди них Ленин, Зиновьев...».

О какой-либо принадлежности прибывших «с женами и детьми» к партии эсдеков не было сказано ни слова. Весь текст заметки был посвящен описанию мельчайших подробностей того, как швейцарец Фридрих Платтен до-

говаривался с германскими властями об условиях проезда пресловутого «пломбированного вагона». О броневике, «апрельских тезисах» и всем остальном ничего не сообщалось.

В июне тот же эсдековский новониколаевский «Голос Сибири» публикует фельетон под примечательным заголовком «Кто он?» Этот фельетон дает яркую картину и обывательских представлений новониколаевцев о Ленине, и одновременно представлений местных эсдеков об одном из руководителей их собственной партии и его программе.

«В городе паника. Почтенные буржуа испуганно гремели железными шторами окон и дверей, толстыми за-

Антисоветский белогвардейский плакат, 1918-19 гг.

совами и огромными хитрыми замками, запирая свои магазины и лавки. Просто граждане, возведенные в это звание из мирных обывателей, спешили по домам, торопливо очищая улицы и площади, спеша запастись... провизией, дровами и пр. по крайней мере... на месяц.

...Некоторые пролетарии на митинге дали клятву, как только «он» придет в город — немедленно прекратить все работы: погасить электричество, не давать городу ни капли воды, остановить... фабрики, заводы... Город приготовился к встрече «его».

Кого же «его»?

Кого же кроме, как не страшного, «его» одного... — Ленина!

Кем-то получены достоверные сведения, что наш город посетит ни кто иной, как сам Ленин. И вот результаты!

В одну из суббот к подъезду Гранд-Отеля подкатил извозчик. Швейцар опасливо выглянул в глазок двери и ничего не увидел страшного.

Полный, одутловатый пожилой гражданин суетился вокруг извозчика, припадая на одну ногу, и ругался с извозчиком из-за непомерно высокой цены на езду.

«А овес-то ноне почему?» — отпаривал извозчик.

Швейцар успокоился — «видно, из коммерсантов какой-нибудь», — и вышел помочь «гражданину» собрать скудный багажишко.

Приезжий занял небольшой номерок, дал прописать паспорт, в коем значилось, что он — Ульянов. А через некоторое время уже путешествовал по городу. И только...

А народ продолжал томительно и напряженно ждать «его».

Между тем в городе появился новый «товарищ», который говорил «мало-мало подходяще». Горой стоял за рабочих, указывал на их нужды и задачи. Словом, в городе появился лишний хороший человек.

А через неделю водопроводчики, рабочие с электрической станции и извозчики стояли за объявление города независимой республикой, за передачу всех фабрик и заводов в их руки и носили на руках т. Ленина-Ульянова.

Впрочем, в городе особенного ничего не стряслось. Большая часть революционной демократии, организованная во всяческие союзы, сплоченная вокруг Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, слилась в одну могучую армию и локализовала начавшийся было пожар.

А еще через неделю исчез и Ленин.

Товарищ Ульянов переехал в другой город.

Бог с ним, что автор фельетона «С. Кинг» так представлял себе Ленина. Пройдет всего 10 лет — и диалог про овес из фельетона раздергают на цитаты и анекдоты. После того, как в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер в беседе с архивариусом Коробейниковым будет интересоваться: «Это почему ж так много? Овес нынче дорог?» А первоисточник — наш, новониколаевский. Диалог «Ленин и извозчик». Это оказалось сильнее, чем «Ленин и печник».

В статье «Что такое «большевики»?» (заметьте — не «кто такие», а «что такое»), опубликованной в том же «Голосе Сибири» 17 июня 1917 г., один из руководителей местных большевиков Федор Серебренников скорее запутал, чем прояснил ситуацию. Резонно заметив, что «в подавляющем большинстве не только темная политически неграмотная масса, но даже интеллигенты, общественные деятели считают большевиков, в частности Ленина, анархистами, чуть ли даже не разбойниками, и подкупленными Германией людьми», большинство статьи он посвятил почему-то разногласиям в разных меньшевистских фракциях.

Под конец сообщил: «Хотел бы дать справку, кто такой тов. Н. Ленин. Это псевдоним, под которым пишет политический деятель Владимир Ильич Ульянов. Род. в 1870 г., в 1887 г. исключен из университета как родственник казненному брату-народовольцу... Вскоре был арестован за участие в организации с.-д. партии и сослан в Сибирь; бежал за границу». Даже новониколаевские большевики слабо ориентировались в биографии своего лидера — он никогда ниоткуда не бегал.

«Ленин с нетерпением ожидал окончания ссылки. «Владимир Ильич, — писала Н. К. Крупская о последних месяцах ссылки, — перестал спать, страшно исхудал» («В. И. Ленин. Краткий биографический очерк для системы партийной учебы». М., 1967).

В дни неудачной первой попытки вооруженного большевистского переворота в июле 1917 г. эсдековский «Голос Сибири» сохранял предельную объективность. Печатались официальные сообщения, из «Известий Петроградского Совдепа» был перепечатан материал «К делу Ленина» с подробным перечислением обвинений в его адрес.

Однако здесь же были опубликованы и негодующее заявление Троцкого по «делу Ленина», и статья все того же Серебренникова «На распутье» с протестом против травли большевиков.

Тон сменился после окончательного раскола с большевиками, Октября и разгона Учредительного собрания. «Голос Сибири» писал о «диктаторе из Смольного» и о том, что «ленинская диктатура не лучше романовской».

В феврале 1918 г. (№ 6, 2 февраля) новониколаевский «Свободный голос Сибири» (газету запрещали, и она все время переименовывалась) публиковала стихотворный отклик на запрет всем «несоветским» газетам печатать рекламу:

— Публикатор? Что такое?
Гневно Ленин спросил.
— Правда ль это племя злое
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Мигом я декрет издам
Чтоб газеты и журналы
Выходили без реклам.
Эй! От имени Совета
Объявить, что могут впредь
Лишь советские газеты
Объявления иметь!..

3 ноября 1918 г. «Народная Сибирь» (газета — та же, название опять новое) в комментарии по поводу занятия «красными» Казани под заголовком «Праздник бедноты» писала: «Приходилось ли вам когда-нибудь видеть портреты Ленина? Вглядитесь в эти заплывшие глаза, в этот сплюснутый нос, оттопыренные уши, в четырехугольную голову, присмотритесь к общему зверскому выражению лица большевистского атамана, и вы постигните, какое «чарующее» влияние может оказать этот российский Каин на свою банду. И неудивительно, если в эту банду идут отъявленные мерзавцы, каторжники, фанатики, неудачники, темные личности с преступным прошлым, аферисты, и вообще всякий гнусный сброд...».

9 ноября 1918 г. Ленин последний раз появился на страницах «Народной Сибири» в качестве персонажа записанной в вагоне солдатской частушки:

Как решублику — Рассею
Ленин ловко обдурил,
Разнесла его тело
В колбасину обратил...
Жри, Вильгешика-ненажора

*Наше русское добро!
С мериканкой, англичанкой
Разорвем твою нутро!*

...4 июля 1917 г. эсдековский новониколаевский «Голос Сибири» на первой полосе печатал рекламу нового фильма «Вова-революционер».

После того, как пошли сообщения об июльских беспорядках в столице, реклама исчезла. Хотя никакого отношения к Ленину фильм не имел — что-то вроде «Юности Максима», но с техническими возможностями 1917 г. Очень, кстати, плохими. Забавный пример самоцензуры!

В начале 2000 г., после избрания Владимира Путина президентом России, также исчезла с телеканалов реклама майонеза «Кальве»: «А этот майонез я люблю, потому что готовить его научила моя мама. — Мама! — Вовочка!»

Никакого отношения к новому президенту реклама тоже не имела.

Неоконченный детектив про Василия Шамшина

По официальной версии, Василия Шамшина (из прославленной семьи новониколаевских подпольщиков Шамшиных) расстреляли «белые» 23 октября 1918 г. При ближайшем рассмотрении эта трагическая история времен Гражданской войны больше оставляет вопросов, чем дает ответов.

Это, пожалуй, первый городской детектив — с вполне реальными историческими персонажами.

Даже публикации советских времен заставляют задуматься над тем, что тогда, в 1918 г., произошло. «Возвращаясь из Москвы, он попал в руки белогвардейцев и чехословацких мятежников. Темной сентябрьской ночью под предлогом перевода в городскую тюрьму Василия Шамшина

вывели из помещения контрразведки и расстреляли на узкой глухой тропинке, спускавшейся к р. Каменке» (Л. Гюрюшкин, Г. Бочанова, Л. Цепляев. «Новосибирск в историческом прошлом. Издание СО АН СССР, 1978 г.).

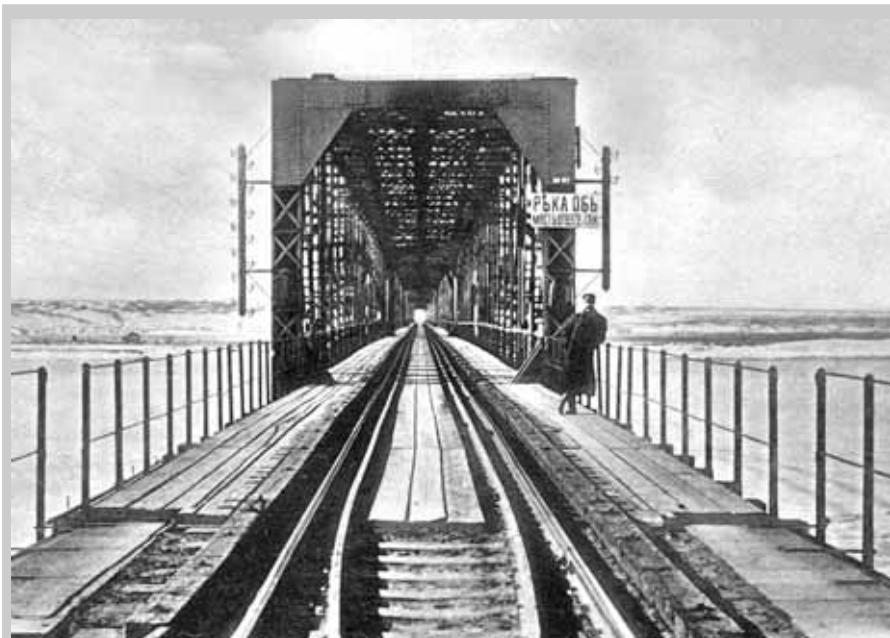
Есть менее эмоциональные описания: «Был... расстрелян белогвардейцами осенью 1918 г.» («Новосибирск. Памятные места и достопримечательности». Н., 1961 г.); «...сентябрь 1918 г. стал последним месяцем его жизни» («Памятники Новосибирска», Н., 1980). Хроника «Новосибирск. 100 лет. События, люди» (Н., 1993 г.) в разделе «1918 г.» не менее скупо сообщает: «23 октября. Расстреляны большевики А. Ф. Клеппер и В. И. Шамшин». В статье про сестру Василия, Евдокию Шамшину («Из славной семьи Шамшиных». «ВН», 7 марта 1985 г.), брат упоминается один раз, мельком.

Рассказывается, что расстрел членов исполкома Совдепа в мае 1918 г. (чужих, хотя и хорошо знакомых людей) «потряс Евдокию». Про впечатления от гибели брата — ни слова. В «Энциклопедии «Новосибирск» (Н., 2003 г.) про Шамшина и Клеппера сообщается, что они «расстреляны», — причем как бы по отдельности.

В статье про Адольфа Клеппера (латыш, один из членов Совдепа, один из создателей Военной организации Совдепа и Красной гвардии в 1917-18 гг.) не упоминается Шамшин, в статье про Шамшина — Клеппер. Две отдельные трагедии.

Невнятица, путаница в датах и фактах. «Отдел военного контроля», контрразведка «сибирцев» (социалистов — эсеров и эсдеков, а никаких не «белогвардейцев»), к примеру, располагался тогда в центре города, на нынешней ул. Свердлова, — а погибших вели из Закаменки, из гауптвахты «Военного городка».

То, что сентябрь с октябрём при красочности описа-

Мост через реку Обь

ния путан — это для наших историков простительно. Но общее ощущение недоговоренности, а скорее — торпильной скороговорки в попытках проскочить скользкий момент, остается. Что же произошло?

25 октября 1918 г. новониколаевская газета «Народная Сибирь» опубликовала сенсационную заметку «Загадочный случай». Из нее можно было узнать, что 21 (а не 23!) октября при переводе с гауптвахты в городскую тюрьму при попытке побега были убиты двое политзаключенных — Шамшин и Клеппер. Всего конвоируемых было пятеро — еще один Шамшин (младший брат Василия Егор (Георгий) — А. К.), Коробкин и Спекторский. Трое бежали, но вот тут-то странности и начинаются.

Вот что писала тогда «Народная Сибирь»: «Того же числа вечером в помещение городского самоуправления (нынешний Краеведческий музей — А. К.) явился Коробкин, который и был там арестован и препровожден в тюрьму (на этом месте сейчас Речное училище на ул. Мичурина. — А. К.). На другой день к комиссару Пославскому явился председатель Сибкрессоюза Берсенов и заявил, что

скрывшийся Спекторский через знакомого просил поставить комиссара в известность о желании быть арестованным. Комиссар тотчас же вызвал начальника городской милиции, отдал ему распоряжение о немедленном аресте и заключении в тюрьму Спекторского».

Егор Шамшин убежал настолько далеко, насколько смог (в 1924 г. работал в финотделе г. Рубцовска), и в городе больше никогда не появлялся. Как писала в 1918 г. по «горячим следам» газета «Народная Сибирь», «выстрелы, которыми двое арестованных были убиты, произведены не конвоирами, а кем-то со стороны; арестованные предположили, что стреляют в них конвоиры, и бросились бежать, а конвой растерялся, предположив, что сделано нападение с намерением отбить арестованных».

Тела погибших были выданы родным и близким и 30 октября похоронены на Новом кладбище (нынешняя «Березовая роща»). И об этом тоже сообщали газеты.

Будем считать, что перед нами просто исторический детектив, и поразмыслим без идеологических эмоций.

Итак, расстрел на расстрел абсолютно не похож. Что это за «расстрельная команда» которая то ли днем, то ли вечером не смогла расстрелять связанных арестантов, упустив трех из пятерых?

Причем заметим, что официально арестантам сообщали, что их всего лишь переводят из одного места заключения в другое. О расстреле им не было сказано ни слова.

Итак, с одной стороны — пятеро ослабленных, связанных, но достаточно спокойных людей. Для них это всего лишь вполне логичный мини-«этап». Их связали поодиночке, а не между собой, и это тоже успокаивает — общая «связка» не только не дает бежать в принципе, но и стандартная процедура при выводе на групповой расстрел. Ее нет.

С другой стороны — конвой. Или, по устоявшейся вер-

Поначалу Сквер Героев революции больше напоминал кладбище

сии, — «расстрельная команда». То есть те, кому поставлена вполне определенная задача. Неожиданностей они не ждут, для них все ясно и понятно. Вывести — и «привести в исполнение».

Общий результат — двое убитых, трое бежавших, из которых двое возвращаются буквально через несколько часов, трясущиеся от пережитого.

И что это за «недорасстрелянные», которые тут же являются обратно? Да еще как! Один — в здание городского самоуправления. По-нынешнему — в мэрию, явно рассчитывая на защиту охраны, желая срочно быть арестованным.

Другой буквально требует себе эту охрану «на дом», явно боясь без нее самостоятельно пройти несколько сотен метров до тюрьмы. Кого и чего они боялись так, что как можно скорее спешили попасть под конвой тех, кто их по устоявшейся версии «недострелил»? О третьем я уже написал.

И вот именно это называется «расстрел»?

Пройдите пешком от Военного городка до ул. Мичурина, по тому самому «расстрельному» маршруту этой пятерки 1918 г., и убедитесь сами, насколько соответству-

ет действительность версиям о расстреле.

Да, собственно, зачем с военной гауптвахты надо было «на расстрел» куда-то водить? Военный городок — «город в городе», под охраной, расстрелять — легко, и никто бы никогда потом не смог ни в тогдашнюю мэрию побежать, ни к знакомым кооператорам за помощью кинуться. Ни в Рубцовске впоследствии деньги пересчитывать.

И еще одна деталь. Это, опять-таки, оставшиеся в живых свидетели расстрела, сбежавшие «на волю». Они вряд ли точно смогли запомнить, кого застрелили, а кто убежал, но фамилии тех, с кем их выводили — запомнили наверняка. И, естественно, поделились своим знанием «на свободе». Свидетелей никто не пытался заставить замолчать.

О «странной истории» писали газеты (не подпольные, а легальные). Но даже и в этом случае гибель В. Шамшина и Клеппера властям можно было скрыть — объявив их, скажем, бежавшими вместе с Шамшиным-мл. неведомо куда. Однако тела выдали и похоронам никто не препятствовал. Несмотря на то, что Гражданская война особых церемоний не знала. Ни с той, ни с другой стороны. Когда надо было убить — убивали без следа и без свидетелей. И без похорон и могил. А тут...

«Ветер, злой и колючий, осенний ветер хлещет в лицо... На берегу Каменки последовала команда: «Стой! Закуривай!» Василий толкнул под обрыв Григория, и в это время грянул залп» («Молодость Сибири», 25 июня 1983 г.). Вероятно, те двое, что вернулись на следующий день, не успели прикурить. Кстати, о них, как и о Клеппере, долгое время никто вообще не упоминал.

...Василий Шамшин тогда, в 1918 г., вез из Москвы деньги, инструкции для организации подпольной работы во всей Западной Сибири и списки «надежных людей» для конспиративной и партизанской борьбы.

Он спокойно перебрался через всю клокочущую, воющую саму с собой страну, довез груз в целости и сохранности — и был арестован только здесь, в родном Новониколаевске. Где все, что он вез с собой, очень пригодилось отнюдь не большевистскому подполью. Так что довез он все прямо до «места назначения», своеобразно выполнив роль «курьера» — правда, «передав» не тем, кому это предназначалось.

Василий Шамшин был профессиональным революционером и не менее профессиональным неудачником.

В 1906 г. он организовал в доме своего отца (по улице Логовой, ныне — семьи Шамшиных) склад нелегальной литературы, архива местных социал-демократов и оружия. После того, как все было доставлено и аккуратно размещено — нагрянула полиция и все изъяла. Шамшин арестован и осужден на 8 месяцев тюрьмы. В тюрьме пишет и отправляет «тюремной почтой» своему коллеге по партии письмо, с подробным описанием подпольной партконференции и ее участников.

Получивший письмо товарищ был в полном недоумении — зачем это? — и каким-то чудом умудрился спрятать его перед абсолютно внезапным обыском камеры (подробно этот случай описал старый подпольщик-большевик Александр Галунов в своих «Заметках о революционном прошлом Новосибирска», изданных в 1956 г. мизерным тиражом). Освободившись, Шамшин занимается организацией новой типографии и склада оружия. После ее организации 4 октября 1907 г. полиция после обыска опять захватила все. «Изъяты типографский станок, два ящика со шрифтами... оружие и т. д.» («Новосибирск. 100 лет. События, люди»). В число изъятого «и т. д.» входили взрывчатка и фальшивые документы для подпольщиков.

В 1908 г. Шамшин снова занимается организацией типографии и снова — в доме отца. Все готово, и он выезжает в Томск за профессиональной печатницей. Арестован на ст. Межениновка 21 июня 1908 г.

После этого в доме проводится тотальный обыск с раскопками во дворе, и снова изымают все — шрифты, детали типографского оборудования, массу нелегальной литературы, а также оружие, шифры и — списки подпольщиков. А также — еще и финансовую отчетность подпольной Обской группы РСДРП за два года («Хроника Новосибирской организации КПСС», т. 1, Н., 1988 г.).

В результате всего этого ни собственной подпольной типографии, ни регулярно выходящей газеты новониколаевские эсдеки вплоть до революции так и не имели. И что примечательно — в каждом «казусе» с «неудачником» Шамшиным всегда удавалось найти и обвинить «как на грех» оказавшегося рядом провокатора. Каждый раз, правда, разного.

Точка в «странной истории» октября 1918 г. до сих пор не поставлена. Кто стрелял? В кого? Почему? Была это попытка организации побега (для кого из пятерых?) или акция по устранению? Тогда, опять-таки, кого именно и за что? Но на расстрел все происшедшее не похоже.

Гражданская война — это кровь и грязь. Но это — история. Другой истории у нас нет. А «расстрел»... Похоже, его просто не было. Кто-то просто пытался убрать неугодных свидетелей, и неважно, из мести или из чисто идеологических соображений.

...К 40-летию Октября, в 1957 г., когда в Сквере Героев Революции создавался монументальный пантеон героев подполья и революционного движения в городе, сюда перенесли могилы расстрелянных в 1918 г. членов исполкома первого большевистского Совдепа — Горбана, Шмурыгина, Полковникова, Серебренникова и Петухова.

Могилы Клеппера и Шамшина почему-то переносить не стали. Они так и остались где-то там, под деревьями сегодняшней «Березовой рощи».

Интересно, почему?

А был ли Киров?

«Почему в доме людей, как кроликов в садке?!»

Х/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Сокровища Агры»

Казалось бы — вопрос странный. И был, и жил, и работал, и дом-музей есть. Однако странны и непонятны многочисленные нестыковки подробностей его пребывания в Новониколаевске в публикациях совсем еще недавних времен.

Это, конечно, не к Кирову вопрос. Вопрос к тем, кто десятилетиями писал историю родного города с редким равнодушием к его истории. И — откровенно «пользовался» кировским именем и популярностью.

Сергей Киров прибыл в Новониколаевск «не ранее 17 июня» 1908 года («Хроника Новосибирской организации КПСС. Т. 1. Н., 1988). Обтекаемость формулировки понятна и объяснима. 16 июня Киров был освобожден из

томской тюрьмы, куда в очередной раз попал «за политику». Ну а точной даты приезда, естественно, никто из подпольщиков не фиксировал.

«В случае чего» это стало бы для жандармов лишней дополнительной информацией. И по тюрьме, и по революционной работе в Томске у Кирова в нашем городе было много хороших знакомых — членов Обской группы РСДРП: Александр Петухов, Александр Фортов, Борис Блюм, Василий Шамшин... Собственно, к ним-то он и ехал — с целью помочь с формированием местной организации эсдеков, уже преобразовавшейся тогда в «Новониколаевский комитет РСДРП».

Долгое время из издания в издание переписывалась буквально дословно одна и та же формулировка: дескать, «Киров остановился на квартире Петухова по ул. Михайловской (ныне ул. Ленина)».

Имеется ввиду этот самый дом по адресу Ленина, 35, сегодняшний дом-музей Кирова. Владельцем дома был извозчик Евсей Метлин (которого зачем-то в ряде изданий стыдливо переименовывали в «рабочего»), сдававший часть строения жильцам.

Александра Ковальчук (сестра известной героини подполья Евдокии Ковальчук), бывшая тогда невестой Петухова, в своих воспоминаниях писала о том, что происходило в доме: «Мне пришлось присутствовать на нескольких беседах, которые проводил Сергей Миронович Киров.

Сергей Миронович на беседах никогда не читал книг, а всегда рассказывал просто и доходчиво. Помню, что на одной из бесед он говорил о «Коммунистическом манифесте» К. Маркса». Вроде бы все понятно и никаких вопросов не остается. Остаются, хотя, как ни странно, ответы на них даны уже давно.

Петухов, также приехавший в город после тюремного срока, жил легально, под полицейским надзором. Селиться к нему было бы непростительной для «нелегала» Кирова оплошностью.

Однако после публикации известного новосибирского историка и архивиста Валентины Гузеевой («Далекое-близкое», «ВН», 12 мая 1983 года) стало понятно что «жил», «проживал» — понятия неприменимые. Хотя бы потому, что каждый домовладелец и содержатель гостиницы обязаны были немедленно приносить в полицию на прописку-выписку паспорта своих жильцов. Нарушителей штрафовали очень даже ощутимо. Понятно, что Киров «светить» свой паспорт в участке никак не мог.

В будущем доме-музее Киров бывал, причем неоднократно. Сюда он пришел, только приехав в Новониколаевск. Вот воспоминания очевидца: «Как-то часа в три мы с Михаилом Александровым закончили занятия с учениками, и они ушли. Вдруг дверь в комнату открылась, быстро вошел Сергей Миронович. Мы — к нему... Радость была беспредельная. До поздней ночи проговорили о состоянии нашей организации, о все усиливающемся давлении охранки».

Это — воспоминания Фортובה, также знакомого с Кировым по тюрьме. Он, вместе с эсдеком Александровым, и жил в этом доме. Правда, в тридцатые годы в силу ряда причин их фамилии надолго стали «неупоминаемыми». Пришлось «селить» в дом Петухова, погибшего в 1918 году во время эсеровско-чехословацкого переворота. После того, как имена Фортובה и Александрова были «восстановлены в правах», после публикации воспоминаний Фортובה из ситуации надо было как-то выходить. «Поселился он (Киров, — А. К.)... вместе с Александровым, Петуховым, Фортובым» («Новосибирск в историческом прошлом», Н., «Наука», 1978 год).

В общем, население домика стало резко расти. А воспоминания Фортובה стали цитировать без первой стро-

ки. В общем, где двое встречающихся — там и трое.

И это при том, что были известны уже воспоминания Софьи Карачаевской-Волк, к которой на следующий день после приезда перевел Кирова Фортובה: «...потом матушка помогла ему поселиться у одной старушки на Кабинетской улице (Советская — А. К.)». То есть уже как минимум три адреса, связанные с пребыванием в городе Кирова.

Частая смена адресов и нелегальное положение вполне объяснимы. Киров был одним из немногих, а потому одним из ценнейших в партии специалистов по, так сказать, «антикризисному управлению».

В условиях, когда жандармы и провокаторы работали вовсю, провал следовал за провалом, Киров приехал отбирать и обучать партийный актив, готовить запасное руководство организации «на всякий случай».

И все это надо было делать в кратчайшие сроки. «Беседы» в нынешнем доме-музее по-сегодняшнему можно назвать «обучающими семинарами» для партийного актива. До этого с каждым из возможных членов актива Киров встречался и беседовал индивидуально — в контролируемой эсдеками библиотеке Общества приказчиков на Асинкритовской (Чаплыгина).

На «беседы» попадали уже отобранные им люди. Он учил их всему — приемам конспирации и методам выявления провокаторов... Но главное — уметь ясно, просто вести агитацию, уметь объяснять простым языком самые сложные вещи. Потом, на маевках и массовках (на обских островах, в березовой рощице за Каменкой и в основном бору за Ельцовкой) Киров «не светился» перед большим количеством непроверенного народа, не выступал.

Он просто проверял, как на практике применяют агитационные приемы участники его «семинаров».

Михайловская улица, 1910 г. (ныне ул. Ленина — от ул. Димитрова до вокзала), На ней располагались лавки и жилые дома менее зажиточных жителей города. В одном из этих домов мог бывать С.М. Киров

Чтобы, в случае необходимости, на очередных «беседах» внести коррективы в подготовку.

Киров пробыл в Новониколаевске максимум три недели (а не «3,5 месяца», как утверждают путеводители) и работу свою выполнил своевременно и просто блестяще. Несмотря на массовые аресты в конце июня — начале июля, городская организация уцелела и очень быстро оправилась от нанесенных ударов. Ее возглавили Петухов и Блюм — намеченные и подготовленные Кировым в качестве «резервного руководства». Уцелело и большинство актива, прошедшего «кировский отбор».

Уже осенью 1908 года Томское жандармское управление, отпрапортовавшее в столицу о разгроме эсдеков в Новониколаевске, вынуждено было, скрипя зубами, признать, что организация «вполне оправилась». Сквозило и недоумение — как им, дескать, так быстро это удалось?

А дело в том, что не знали в жандармерии ничего ни о поездке Кирова в Новониколаевск, ни про его «обучающие семинары». Разгрома не получилось — на смену выбывшим встали подготовленные и обученные Кировым люди.

...Самая анекдотичная версия пребывания в нашем городе Кирова появилась летом 1983 года в стихах маститого поэта-лауреата Леонида Чикина «Киров в Новониколаевске».

У стихов был «документальный» эпиграф: «В 1908 г., вынужденный скрываться от царской полиции, Киров некоторое время работал слесарем на мельнице в деревне Вертково...».

Рассказывают, что как раз в то время в Доме радио записывали для архива, на качественную немецкую пленку, новосибирских литераторов. Лимиты были достаточно жесткие, но Чикин, выбрав свой лимит, пришел снова — вот, дескать, новое, только написалось. Дом радио, вообще-то, стоит на Вертковской.

Сердце у радийщиков дрогнуло — записали и сверхлимитного «Кирова...».

Впрочем, стоит повторить — Киров ни к небылицам, ни к спекуляциям вокруг его имени отношения не имеет.

Был бы жив — наверняка посмеялся бы по прочтении.

Соседка Воланда

2 марта 1897 г., как известно, на ст. Обь (в будущем — «Новониколаевск», сейчас — «Новосибирск-Главный») пил чай по пути в ссылку Владимир Ульянов-Ленин.

Ровно через 20 лет, в конце марта 1917 года, на ст. Новониколаевск (бывшая «Обь») отведала чая амнистированная политкаторжанка Фанни Каплан. Та самая, которая, по официальной версии, 30 августа 1918 г. стреляла в вождя пролетариата.

Господин Ульянов ехал в ссылку за казенный счет. Средства на помощь в поездке Фанни Каплан призывал горожан сдавать новониколаевский Совет рабочих депутатов.

9 марта 1917 г. в газете новониколаевских социал-демократов «Голос Сибири» (неофициальном органе тогдашнего городского Совдепа) первый раз было опубликовано сообщение под заголовком «Дорогие граждане свободной России!»

Местные эсдеки тогда были едины, не делились на меньшевиков и большевиков и даже специально сообщали через свою общую газету, что «партии большевиков в Ново-Николаевске не существует». Так что заявление о помощи Каплан было общим, единодушным. Сообщение было интересным.

«Незадолго до настоящих радостных событий (имеется ввиду Февральская революция 1917 г. — А. К.) было получено письмо из Акатуйской женской каторжной тюрьмы от одной из выдающихся революционерок Анастасии Биценко... Она писала о том, как они все себя чувствуют в далеком от всего живого Акатуе в таких выражениях: «В сравнении с тем, что творится сейчас по всем углам Дорогой России, у нас покой, но мы не покойники все же и надеемся, что живыми останемся...»

В этих немногих словах выражена глубокая скорбь, что они не могут принять участия в переживаемых несчастиях Родины, не могут быть ей полезными.

Фото из дела Ф.Е. Каплан (Ф.Х. Ройтблат)

Следственный эксперимент — инсценировка покушения на В. И. Ленина, 1918 г.

Доставим же скорее, дорогие граждане, своей посильной материальной помощью возможность им, нашим дорогим друзьям, страдалцам, выбраться из холодных казематов Акатуя и из глухой дали на простор, на свободу и с нами пережить великую радость и счастье освобождения Родины.

Всех бывших заключенных в Акатуе 10 человек: 1) Мария Спиридонова, 2) Анастасия Биценко... 5) Фаня Каплан... 10) Вера Штольтерфорт. Пожертвования принимаются в газете «Голос Сибири» на имя Совета Рабочих Депутатов». Сообщение повторялось и повторялось — и в листовках, и в объявлениях. Все, перечисленные в сообщении, были осуждены за терроризм и отбывали срок в Сибири — за убийства и подготовку к ним.

Одновременно новониколаевский Совдеп собирал и жертвования амнистированным политссыльным.

Судя по газетным отчетам, на «страдалиц Акатуя» сдано было всего: на 11 марта 1917 г. — 139 руб. 61 коп., на 18 марта — еще 25 рублей. В общем, на каждую из террористок Акатуя горожане жертвовали примерно 16 руб. 60 коп. На амнистированных ссыльных горожане жертвовали не в пример активнее: только по одному отчету Совдепа к тому же 11 марта было получено 1641 руб. 04

коп., городская новониколаевская Дума ассигновала на помощь амнистированным 10 тыс. руб.

Для сравнения, чтобы представлять порядок цен того периода, можно напомнить, что, к примеру, неквалифицированная работница железной дороги в Сибири получала тогда 1 руб. 50 коп. в сутки, мясо 1 сорта стоило 24 коп. за фунт (чуть больше 400 г), топленое масло — 1 руб. 10 коп. за фунт, пшено — 3 руб. за пуд (16,4 кг). Дороговизна — война все-таки шла.

Фаня Каплан достаточно сильно выделялась среди своих товарок-террористок. Своей глобальной, несмотря на молодость, неудачливостью.

В 1917 г. ей исполнилось 26 лет, 10 из которых она уже отбыла на каторге «за террор». Хотя по большому счету она сама-то и была единственной жертвой своего «терроризма». К идеям терроризма как наиболее верного способа борьбы «за народное счастье» 15-летнюю белошвейку Фаню (она же — Фанни, она же — Фейга) Каплан (она же — Ройд, Ройтман, а также Ройтблат) приобщил в Киеве в 1905 г. ее ухажер, 17-летний бессарабский анархист Виктор Гарский. А заодно и подкинул идею поучаствовать в покушении на киевского генерал-губернатора.

В декабре 1906 года с целью подготовки к теракту

Фаня с Виктором поселились на 4 дня в киевской гостинице. Как уж именно все эти дни они готовились к теракту — история умалчивает, но в итоге 22 декабря изготовленная и принесенная Виктором бомба, не дождавшись генерал-губернатора, рванула прямо в гостиничном номере.

Виктор, подкинув на прощанье подруге в сумочку собственный браунинг, с места взрыва сбежал, а израненную, парализованную «террористку»-неудачницу арестовала полиция, и военно-полевой суд приговорил ее к повешению (сбежавшего Гарского она не выдала, все взяв на себя).

Гарский впоследствии стал большевиком, чекистом, он единственный из близких знакомых Каплан благополучно пережил все «чистки» и скончался в 1956 г. в ранге пенсионера республиканского значения. О своем давнем знакомстве никогда благоразумно не упоминал. Смертный приговор Фане заменили на вечную каторгу — ввиду малолетства подсудимой. И отправили с трудом передвигающуюся (ранения в обе ноги), слепнущую

в результате контузии Каплан на Нерчинскую каторгу, в Акатуйскую каторжную тюрьму.

В Акатуе Фаня чуть не ослепла полностью физически (зрение удалось восстановить только частично, с большим трудом), но окончательно прозрела политически.

Собственно, Акатуйская каторга напоминала скорее деревенское поселение, правда, с вооруженной охраной. Лучше всякой охраны арестанток «охраняла» безжизненная и безлюдная окружающая местность: до ближайшей железнодорожной станции Борзя 100 верст, до Читы — 600.

Поселянки-«каторжанки» беспрепятственно общались друг с другом, получали и отправляли почту, вели бесконечные политические дискуссии, много фотографировались. Фотографии «с сибирской каторги» распространялись по всей России в качестве почтовых открыток.

Поступления шли в партийную кассу (на тот же самый террор), а каждый купивший открытку «сибирских

Улица Болдыревская

страдалиц» ощущал себя участником большой антиправительственной «фронды». Что никому из «фрондеров» ничем не грозило. За карточки никто не сажал.

Под влиянием дискуссий на Акатуе Каплан и превратилась из анархистки в эсерку. Тем более, «учителя» были хорошие. Дворянка Мария Спиридонова, застрелившая губернского советника Луженковского. Сельская учительница Анастасия Биценко, убившая генерала Сахарова. Содержательница и активная работница «бомбовой лаборатории» Вера Штольтерфорт...

После амнистии Временного правительства 3 марта 1917 г. все они выехали из Акатуя, и ко времени сбора денег в их пользу в Новониколаевске находились кто в дороге (ново-николаевские газеты сообщили о проезде через город г-жи Штольтерфорт 12 марта), а кто уже и при деле. Как Мария Спиридонова со своей новой подругой Фаней Каплан. Эти две задержались в Чите, создавая «с нуля» местную эсеровскую организацию. Так что на новониколаевском вокзале две террористки остановились проездом только 25 марта. Правда, особого внимания у Совдепа они не вызвали, не до них было.

Проезд Спиридоновой был удостоен в местных газетах четырьмя строчками, Фаню не упомянули вообще. Местные эсдеки и эсеры вовсю готовились к выборам в Городское народное собрание, и проезд через город двух подруг остался без должного освещения.

Вернувшись с каторги, Спиридонова с головой ушла «в политику» — лидер партии левых эсеров, она была избрана членом президиума ВЦИК. А Фаня Каплан в это время поправляла вновь пошатнувшееся здоровье — ушедшая было частично слепота навалилась вновь.

Однако после серии операций и отдыха в санаториях Евпатории, Симферополя и Харькова зрение удалось восстановить, но вновь — только частично. Все — за казенный счет как «сибирской страданице». Октябрьскую революцию Фаня не приняла, разгон Учредительного собрания — тем более.

Приехала в Москву, жила на квартире у своей подруги по Акатую Анны Пигит (родственницы основателя и владельца «Торгового дома табачной фабрики «Дукат» Ильи Пигита), и...

Вот тут начинаются неясности. По официальной версии, Каплан в рядах боевой организации левых эсеров активно участвовала в подготовке покушений на боль-

шевистских руководителей, в том числе — на Ленина. Но в период левоэсеровского мятежа 6—7 июля 1918 г., которым руководила ее подруга Спиридонова, Фаня никак себя не проявила. Да и стреляла ли она вообще в Ленина 30 августа 1918 г.?

У историков мнения делятся. Бесспорно, что задержали ее рядом с местом покушения и что на следствии она сразу признала именно свое «авторство» тех выстрелов. Правда, не смогла вспомнить ни из чего стреляла, ни сколько раз. Странное было следствие. Допрашивали о Каплан и бывших политкаторжанок Пигит и Штольтерфорт, и арестованную уже Спиридонову. Да только все их показания свелись к воспоминаниям об Акатуе. 3 сентября 1918 г. Фаню собственноручно расстрелял в Кремле, в Александровском саду комендант Кремля Павел Мальков.

Труп, чтобы не оставалось следов, сожгли здесь же, в бочке из-под бензина. Возможно, этот несколько неожиданный способ ликвидации следов подсказал Малькову Яков Юровский — один из следователей по делу Каплан, незадолго до этого руководивший расстрелом семьи Николая Второго и последующим уничтожением тел...

Чертовщина какая-то вокруг Фани крутилась всю жизнь.

И жила-то она в Москве у своей подруги Пигит не где-нибудь, а во всемирно теперь известном доме по адресу Большая Садовая, 10. В том самом доме, в котором, под фантастическим адресом «Садовая, 302-бис» благодаря перу Михаила Булгакова поселился в «нехорошей квартире» Воланд.

Вся разница, что Воланд жил в кв. № 50, а Фаня Каплан — в кв. № 5. Вот такие вот «соседи». А единственным свидетелем расстрела Каплан и ее сожжения оказался поэт Демьян Бедный. Послуживший Булгакову прототипом для Михаила Берлиоза и, отчасти, Ивана Бездомного все в том же «Мастере и Маргарите».

Единственное, кому «повезло», так это членам новониколаевского Совдепа. Ко времени покушения на Ленина Советская власть в городе была уже свергнута чеками и «сибирцами».

А то пришлось бы, не ровен час, отвечать следователям ЧК на вопросы об организации сбора денег для будущей террористики...

«День Колчака» и всех-всех-всех

Новосибирск стал единственным городом в стране, получившим «именной» праздник.

14 декабря 1939 года было официально объявлено праздником и выходным днем как «День освобождения Сибири от Колчака». Праздник сразу оказался под угрозой срыва. Потому, что «освободителей» к этому времени в живых и на свободе практически не осталось. Поздравлять оказалось некого, а фамилии их даже упоминать опасно для собственной жизни.

14 декабря 1919 года части «красных» практически без боя вошли в оставленный «колчаковцами» Новониколаевск. 2 февраля 1939 года постановлением президиума Новосибирского облисполкома день 14 декабря того же года объявлен был днем праздника. Но...

В истории нашей страны постоянно возникает это «но...». Как примечание. Планировал операцию по взятию города у «белых» «красный» командарм 5-й армии Михаил Тухачевский, осуществлял ее сменивший Тухачевского на этом посту Генрих Эйхе.

«Красным» комендантом города стал начдив (понынешнему — командир дивизии) Василий Блюхер. Первыми вошли в город части под командованием начдива Витовта Путны. Секретарем ревкома «красного» Новониколаевска стал Мартемьян Рютин.

Рютин как организатор открытой «антисталинской» оппозиции в партии был расстрелян 1 января 1937 года. Генрих Эйхе к началу Великой Отечественной «сидел» уже второй срок. Старший бухгалтер «ОЛП-25» («отдельный лагерный пункт») в Ухте на вопрос: не родственник ли он другому Эйхе, секретарю Западносибирского крайкома, Роберту? — всегда отвечал, что «даже не однофамилец».

Говорил чистую правду — расстрелянный секретарь

«всея Сибири» (острословы в крайкое и обкоме прозвали его «Вторым верховным правителем Сибири» — по аналогии с Колчаком) был его двоюродным братом.

Блюхер, успевший стать командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, погиб в тюрьме 9 ноября 1938 года.

Тухачевский и Путна — расстреляны в 1937 году. Но — пришла директива «сверху» по срочному отмечанию юбилеев Гражданской войны.

7 декабря 1939 года на бюро Новосибирского обкома ВКП(б) были «утверждены к изданию семь исторических очерков, воспоминаний и монографий... О П. Щетинкине, Е. Ковальчук, о деятельности первого Совета».

Первый Совдеп Новониколаевска никакого отношения к «периоду Колчака» не имел — пять его руководителей были расстреляны до того, как Колчак принял на себя руководство «белой» Сибирью. Подпольщица Евдокия Ковальчук никогда не была видным деятелем «антиколчаковского» подполья.

А Петр Щетинкин, один из руководителей «антиколчаковских» партизан Гражданской войны, погиб еще в 1927 году, задолго до того, как в стране пошла волна арестов и расстрелов. Повезло ему, что его можно упоминать...

Соратника Щетинкина по «сибирской партизанщине», воевавшего «против Колчака» Игнатия Громова (его портрет как почетного гражданина Новосибирска висит в здании мэрии), арестовали в июле 1937 года, приговорили к расстрелу и (небывалый для тех лет случай!) полностью реабилитировали в середине декабря 1939 года. Как будто к новому празднику.

**Верховный Правитель
адмирал Колчак**

Нашлись доброхоты, написавшие в «соответствующие органы», что значение имени «белого» Колчака было с учреждением «Дня освобождения Сибири от Колчака» «преувеличено до масштабов географических». «Это — позор и откровенная антисоветская агитация!» Этот день в городе больше не отмечали.

Жаль, что праздник не стал постоянным. Участники могли бы хором попеть частушки времен Гражданской.

*Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель Омский.*

Или:

*Эх, улица, улица!
Гад Деникин жмурится,
Что сибирская ЧеКа
«Разменяла» Колчака!*

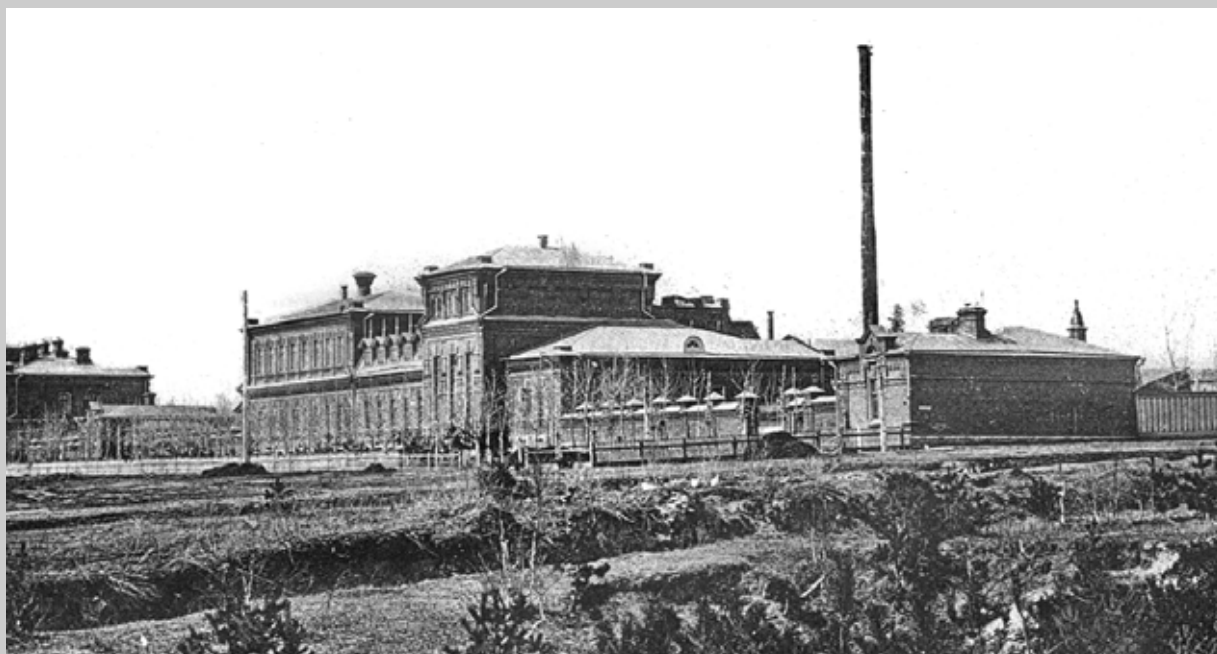
Или:

*На псов надежды очень мало,
Победы путь не так уж прост —
Колчак расшибся близ Урала,
Бедняге отдавили хвост.*

*Подшибли глаз, помяли лапы:
Скулит облезлый пес Колчак;
Глядят союзные сатрапы
На красный заповедный флаг!*

«Союзные сатрапы» — имелись в виду по терминологии тех лет страны Антанты. Франция, Англия, США. Про «освободителей» были только стихи — из «Комсомольской правды» июня 1937 года. В отличие от частушек, тут автор был известен — Александр Безыменский:

*Беспутных Пути фашистская орда,
Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров
В огромный зал Советского суда
Приведена без масок и мундиров.*

Новониколаевский винный склад

А те «доброхоты», собственно, ошиблись мало. Последний раз полярный исследователь Александр Колчак в новейшей российской истории отметился именно в географическом контексте. Остров, который им в Карском море до всех передраг был открыт, получил имя первооткрывателя.

В дни подготовки ко «Дню освобождения Сибири от Колчака» «схватились за голову» еще и потому, что его имя печаталось в каждой газете с сообщениями об очередных достижениях советских полярников. «Освободителей» — нет, а тут чуть ли не на каждой странице каждой из всех газет по всей стране — Колчак. Остров переименовали в «Расторгуева» (один из участников «колчаковской» экспедиции, этот остров открывшей). И толку?

На картах так и печатали до середины 1960-х годов: «о. Расторгуева (бывш. Колчака)».

В июле 2005 года вышло постановление, подписанное председателем правительства РФ Михаилом Фрадковым «О переименовании географического объекта в Карском море».

«Правительство... переименовало расположенный в

Таймырском заливе Карского моря остров Расторгуева в остров Колчака в целях возвращения этому географическому объекту первоначального наименования».

Не с целью восстановления какой-то там «исторической справедливости». Дело в другом. Официально (и это закреплено в названии постановления правительства страны) Колчак и его остров признаны географическим объектом.

Пропагандистская колчаковская почтовая марка из так называемой «Генеральской серии», 1920 г.

Колчак «чилийского разлива»

Скончавшийся бывший чилийский диктатор Аугусто Пиночет давно стал, как это ни странно, мифологической фигурой для российской политики. Дескать, необходим «русский Пиночет». А Пиночет, собственно, всего лишь концентрированно и жестко провел в Чили то, что до него уже пытались сделать за 18 тысяч километров от его страны — в Сибири.

«Предтече» Пиночета, адмиралу Колчаку, не повезло — его сгубили размеры территории, а также связанные руки. Сначала в переносном, а потом и в прямом смысле.

Мифологизация сознания — страшная штука. Спросите у любого россиянина средних лет (от 30 и далее) про первые ассоциации, которые у него вызывает Пиночет? «Диктатор», «фашист», «убил президента Альенде», «на стадионах людей расстреливал». А Колчак? С ним сложнее, но параллели — изрядные. «Объявил себя верховным правителем России», «белый», «вешал и расстреливал». У «особо грамотных» в памяти всплывает еще и словосочетание «колчаковский переворот».

Начнем с того, что лежит на поверхности. Оба — кадровые военные, причем действительно «элитные», «отборные». Оба никогда в политику не лезли, более того — как могли от нее отстранялись. И оба «ползли» в нее с одной целью — установить в стране порядок и спокойствие. Исходные условия были очень похожими.

...Социалист Сальвадор Альенде был избран президентом Чили в 1970 г. просто потому, что другие кандидаты набрали меньше его голосов, а второго тура не было (36,6 % — его результат). Требовалось утверждение парламента, где «левые», выдвигнувшие Альенде, большинства не имели. Утверждение он получил, по-

Отправка захваченного у Колчака имущества, 1920 год

клявшись соблюдать конституцию и защищать порядок. Поддерживавший его блок «Народное единство» объединил всех «левых» — социалистов, социал-демократов, «левых» христианских демократов и католиков, анархистов и т. д. Получилась такая общая «левая» кастрюля, над которой «парил» Альенде. Реформы начались немедленно и немедленно привели к вполне определенным результатам.

В первую очередь были «заморожены» цены на продукты и резко увеличены зарплаты. Это при том, что продукты питания всегда были основной импортной составляющей Чили. Провозглашена была национализация предприятий, в первую очередь — медеплавильных (а это около 70% экономики страны). Для управления предприятиями были созданы Советы уполномоченных из управляющих, рабочих и профсоюзов. Они и «организовывали» производство. Не правда ли, удивительно, что при таких реформах внезапно исчезли на полках продукты, обесценился песо (чилийская валюта), на который ничего нельзя было купить, а экспорт меди упал втрое?

Столицу страны Сантьяго потрясли «марши пустых кастрюль» (домохозяйки стучали половниками по кастрюлям перед президентским дворцом), а забастовка

водителей грузовиков страну просто парализовала.

Чили катилась в пропасть. На улицах начинался откровенный хаос. Террористы застрелили главнокомандующего вооруженных сил Рене Шнайдера. «Правые» террористы стреляли в «левых» — из-за угла и просто так, на митингах. И именно президент Альенде дал армии чрезвычайные полномочия по наведению порядка в стране. Армия громила «левых» и «правых» конспиративные квартиры.

В длинных списках изъятого оружия часто мелькали автоматы АК-47. Такой же автомат Фидель Кастро подарил Альенде во время своего визита в Чили. С четырьмя полными обоймами.

А вот теперь оцените ситуацию — лидер государства дарит президенту не, скажем, коллекционный пистолет XVII века, а боевое оружие. Причем — производства определенной страны. Да еще и с запасом патронов. На глазах у, мягко говоря, прохладно относящихся к Кубе США. Интересно, как бы на нас посмотрели, если бы, к примеру, президент Ирана подарил нашему президенту именную ракетную установку, произведенную палестинскими боевиками? Из этого автомата Альенде и застрелился. Обматерив перед этим по телефону и тех, кто предлагал сдаться, и своих друзей из руководства Соцпартии, разбежавшихся уже по посольствам в поисках защиты.

Пиночет возглавил военную хунту (совет), взявшую на себя руководство страной. Путчисты подвергли танковой атаке и бомбардировке с воздуха президентский дворец Ла Монеда, загоняли в концлагеря на стадионах или просто убивали социалистов — сторонников Альенде.

Больше всех пострадала компартия — единственная из блока, умолявшая президента проводить реформы более расчетливо, более медленно. Все партии Пиночет после путча запретил — и «правые», и «левые».

... «Сухопутный адмирал» Колчак, как отзывались о нем с издевкой долгое время отечественные историки, тоже, как

и Пиночет, получил власть из рук социалистов — эсеров и эсдеков-меньшевиков. Историки издевались зря.

Колчак — герой войны с Японией, командир береговой морской батареи. Тяжело раненным попал в плен и был потом возвращен на родину. И до, и после той войны участвовал в нескольких экспедициях по исследованию русского Заполярья. Его именем был назван остров.

Как крупнейший специалист по морскому минному делу, был приглашен в США и Англию с принятием на службу и присвоением гражданства. Вернулся в Россию, в Сибирь по просьбе «Всероссийского временного правительства» (состоявшего, в основном, из социал-демократов меньшевиков и социалистов-эсеров), стал военным министром.

Потом, после того как это «правительство» по настойчивой просьбе казаков резко эмигрировало, Колчак был решением Совета министров назначен «Временным верховным правителем России». Диктатором. В своей декларации он заявил, что принял этот пост «в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройтва государства», и подчеркнул, что не пойдет «по гибельному пути партийности». Это его и сгубило.

Он не понимал нюансов в спорах социалистов между собой. Для него эсдеки-большевики, эсдеки-меньшевики, «народные социалисты», «социалисты-федералисты» были на одно лицо. Одному из соратников он сказал: «Не пойму — почему тех мы должны вешать, а с этими пить чай. Разница в чем?» «Колчаковский переворот», собственно, заключался в том, чтобы в условиях гражданской войны сосредоточить в одних руках (у «диктатора») и военную, и гражданскую власть. Для наведения в стране сначала элементарного порядка.

Что, собственно, на гораздо более ограниченной территории и, соответственно, за меньшее время удалось Пиночету в Чили. Дальше началось «чилийское экономическое чудо», про которое даже дочь Альенде, депутат парламента при Пиночете (!), говорила, что «Пиночет открыл экономику очень быстро, чтобы к нам пошли деньги из-за границы. Но стоило ли это тысяч убийств, если при моем отце не казнили ни одного человека?» Дочь несколько «забыла», что при ее отце людей убивали на улицах просто так — за партийность, беспартийность или просто ради кошелька.

Да, и жертвы. За Пиночетом — 3500 убитых и «пропавших без вести». За Колчаком — «колчаковский террор» в Сибири. Общие масштабы неизвестны. Но даже на памятнике в Сквере Героев революции он «увековечен» в надмогильной надписи «под факелом» — «здесь похоронены 104 политических заключенных, зверски замученных колчаковцами». Надпись не сообщает, что почти 80 из покойных — бойцы и офицеры «белого» Барабинского полка колчаковской армии. Поднявшие против Колчака мятеж по наущению и под руководством социалистов — эсеров. А «зачистили» тюрьму перед отходом из города польские части, адмиралу впрямую не подчинявшиеся.

Среди тех, кто пытался в Чили получить компенсацию за «пиночетовские зверства», оказалось немало родственников грабителей и убийц, расстрелянных военными без суда и следствия. К политике они отношения не имели — они просто пытались грабить, а генерал наводил порядок в стране и такого допустить не мог.

После наведения порядка в Чили Пиночет занялся экономикой.

Колчаку такую возможность ни география, ни история не представили. В связи с этим у него не получилась даже первая часть «диктатуры» — наведение порядка. В конечном счете, выдали его социалистам-большевикам на расстрел социалисты-меньшевики и социалисты-эсеры. «Говорили же мне — вешать надо было сначала в тылу, а потом стрелять на фронте!» — сказал адмирал незадолго перед казнью...

Над историей продолжают издеваться.

Пиночета по распоряжению президента-социалиста похоронили как «просто генерала», а Колчака в российской истории навязчиво предлагают поминать как «просто полярного исследователя». Но увы (или — к счастью?) историю не поменяешь. Как и судьбу.

Пиночет скончался 10 декабря — в Международный день защиты прав человека. Две этих даты его сторонники теперь ежегодно и будут принудительно одновременно поминать. Генерал, не раз публично заявлявший, что «демократию время от времени полезно купать в крови», наверное, очень злорадно бы хмыкнул.

Личный враг Ленина

Одним из тех, чье имя связано с историей города, был Николай Рожков.

Профессор истории, член первого легального новониколаевского горкома РСДРП и член Временного правительства. К тому же — личный враг Владимира Ленина, высылки которого из страны вождь требовал, уже будучи тяжело больным.

Еще до своего появления в качестве руководителя новониколаевских эсдеков Николай Александрович был одной из самых ярких фигур общероссийского социал-демократического движения. Еще бы!

Родившийся в обедневшей дворянской семье в 1868 г., в 1890 г. он окончил историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. Ученик великого историка Василия Ключевского, свою первую книгу «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» опубликовал уже в 1899 г.

Это был текст его докторской диссертации, причем Ключевский на защите диссертации Рожкова выступал оппонентом и ходатайствовал о присуждении ему за эту работу престижной «Уваровской премии».

Позднее Рожков писал, что в процессе подготовки диссертации стал «фактическим марксистом», так как убедился, что «экономика дает ключ к пониманию политики». Стал одним из первых русских социологов, опубликовав в 1903 г. (помимо ряда историко-экономических исследований) книгу «Обзор русской истории с социологической точки зрения».

Во время революции 1905 г. Рожков открыто примкнул к большевикам. Вместе с Богдановым и Луначарским он взялся за редактирование социал-демократической газеты «Светоч». Был членом литературно-лекторской группы при Московском комитете РСДРП, активно сотрудничал в большевистских изданиях.

В 1907 был избран членом исполкома Петербурго-

го комитета РСДРП, членом ЦК РСДРП от большевиков, представителем ЦК в социал-демократической фракции III Государственной Думы (то есть — куратором и наставником эсдековских депутатов).

В апреле 1908 Рожкова арестовали и, после длительного тюремного заключения, сослали в 1910 в Иркутскую губернию. А он продолжал научную деятельность. В написанной в ссылке книге «Основы научной философии» (1911 г.) Рожков отрицательно оценил брошюру Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», довольно язвительно и на фактах показав полную безграмотность автора в вопросах философии.

После этой книги в партии над Лениным, указывавшим в различных анкетах род своих занятий то «литератор», то «журналист», по-дружески посмеивались.

С тех пор Рожков перешел к меньшевикам и, будучи в ссылке в Иркутске, с 1912 г., как сообщает энциклопедия «Новосибирск», «возглавлял редакции меньшевистских газет «Молодость Сибири», затем «Новая Сибирь».

С 1916 г. переведен на поселение в Новониколаевск. Где выступал с чисто большевистских позиций — против участия местных эсдеков в военно-промышленном комитете; создал и возглавил фактически эсдековскую легальную газету «Голос Сибири»; после Февральской революции стал одновременно членом первого легального горкома РСДРП

и заместителем председателя городского Комитета общественной безопасности (верховного органа городской власти, поддерживавшего Временное правительство).

Читал лекции для местных социал-демократов — члены местного горкома и Совдепа многое узнали об истории, философии и политике в принципе.

Практически ни у кого из тех, кто считается сегодня «пер-

Н.А. Рожков

выми большевиками» Новосибирска, не было не то что высшего (действительно — ни у кого), но хотя бы среднего или начального образования. Так что лекции Рожкова были практически незаменимы.

И, увы, невосполнимы.

С мая 1917 г. Рожков был уже товарищем (заместителем) министра почт и телеграфа во Временном правительстве. А еще 14 марта, до его отъезда из Новониколаевска, в местный Совдеп явился бывший тайный агент полиции. Сообщение об этом визите газета «Голос Сибири» опубликовала 14 марта 1917 г. под заголовком «Безработный»: «Переверот выбросил много лиц, занимавшихся ранее «наблюдением за политическими». 12 марта, например, явился в Совет Рабочих и Солдатских депутатов один из бывших слуг жандармерии и заявил, что в настоящее время находится в критическом положении, т. к. лишен работы. В сферу его деятельности входило наблюдение за Н. А. Рожковым». Материальной помощи ему Совдеп не оказал.

Рожков уехал «в правительство» и стал, тем самым, первым человеком нашего города, попавшим в состав российского кабинета министров.

Вослед ему 4 июня 1917 г. новониколаевская пресса опубликовала пространный стихотворный опус Станислава Клецкого под названием «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»:

*...Вы гибли по тюрьмам, острогам
Во имя прекрасных идей.
Богатые гнали с порога
Оборванных жен и детей.*

*Болезни и голод сроднились
В подвалах с семьей бедняка.
Над вами тираны глумились,
Капитала давила рука.*

*Вы кровью своей облили
Байкал, Зелентуй и Нарым.
Вас пытки, друзья, не сломили,
Верны вы идеям святым...*

В августе 1917 г. меньшевик Рожков из Временного правительства вышел, причем с чисто большевистской формулировкой — «считает в настоящее время необходимым

создание министерства, ответственного только перед Советами». «Октябрю» Рожков, член меньшевистского ЦК, дал недвусмысленную оценку: «Мы видим... главную причину, влиявшую на ход революции: это некультурность, малосознательность, стихийность масс. Эта причина... не вина масс. Она их беда, несчастье России... Такой урок теперь дан большевистской диктатурой: она учит, как не следует делать социалистическую революцию».

В то же время решительно выступил против вооруженной борьбы с большевиками. Дальше — скупые строки биографии. Был как член руководства меньшевиков арестован в феврале 1921 г. и на допросе заявил, что хотя и убежден в неизбежной гибели Советской власти, но участвовать в борьбе против нее не будет. Президиум ВЧК его освободил.

Осенью 1922 вновь арестован.

13 декабря 1922 г. тяжело больной Ленин (второй приступ за несколько дней!) диктует записку Сталину для пленума ЦК: «Для правильной оценки нашего разногласия в вопросе о Рожкове надо иметь в виду, что мы уже несколько раз ставили этот вопрос в Политбюро. Предлагаю: первое — выслать Рожкова за границу; второе — если это не пройдет (например, по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявлений Рожкова, полученных под принуждением... Я предложил бы послать его, напр., в Псков, ... но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца».

Даже тяжело больной вождь прекрасно помнил, кто сделал из него не философа, а дилетанта — всего одной публикацией. И более срочных дел, чем «дело Рожкова», для него в тот момент не было.

Рожков был выслан на полтора года в Псков, в это же время окончательно вышел из партии меньшевиков. Занимался научной деятельностью. Умер в Москве в 1927 г. Пожалуй, это был единственный член новониколаевского горкома, которого так хорошо и так надолго запомнил Ленин.

И большевиком Рожков был странным, и меньшевиком. А вот ученым — бесспорным.

Его 12-томная «Русская история в сравнительно-историческом освещении», изданная впервые в течение 8 лет с 1918 по 1926 г., недавно в очередной раз переиздана, причем в подарочном, «представительском» виде. Работу Ильича «Материализм и эмпириокритицизм» ни в подарочном, ни в общедоступном виде сейчас не возьмется

выпустить ни один издатель.

Даже ограниченным тиражом для кол-лекционеров — спроса нет.

Р. С. Рожков был человеком настолько ярким, запоминающимся и неординарным, что помнился всем, кто с ним общался, долгие годы.

Так, один из ведущих сибирских «областников» и членов Сибирского правительства Иван Серебренников в книге «Мои воспоминания», изданной впервые в Тяньцзине в 1937 г., вспоминая дни Февральской революции 1917 г. в Иркутске писал, что «казалось, революция будет разыграна здесь по первому разряду... Социал-демократы меньшевики имели в своих рядах ...Н. А. Рожкова».

Рожков к этому времени год как жил в Новониколаевске, но память — осталась.

В. Н. Пепеляев и А. Н. Пепеляев

«Белые» братья

На Гражданскую войну уходили целыми семьями; фронт её, собственно, и прошёл по многим семьям. В декабре 1919 года Новониколаевск поставил точку не только в судьбе известнейших деятелей «белой» Сибири братьев Виктора и Анатолия Пепеляевых, но и в их жизни.

С отсечкой. Старшему на два месяца, младшему на восемнадцать лет.

1917 год уроженцы Томска братья Пепеляевы встретили молодыми (Виктору — 33 года, Анатолию — 26 лет), но уже целиком сложившимися людьми. У каждого была своя яркая биография.

Виктор, окончивший практически одновременно два (!) факультета Томского университета (юридический и историко-филологический), работал помощником присяжного поверенного, учительствовал. Вступил в партию кадетов

(«правых» в политическом спектре тех лет). Избран от Томской губернии депутатом Госдумы в 1912 году. С началом Мировой войны возглавил 3-й Сибирский санитарный отряд Всероссийского Союза городов и в периоды между думскими сессиями находился на фронте. На фронте находился и младший брат, Анатолий Пепеляев.

Он пошел по стопам отца-генерала, окончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище в 1910 году. Три года в окопах Мировой войны, прошел путь от поручика до полковника (1917 г.). Воевал bravо, по-сибирски. Возглавив команду разведчиков, отличился удачными операциями при Прасныше, Сольдау и в других операциях. Был отмечен телеграммой императора.

В 1915 г., командуя разведчиками 11-й армии и сотней казаков во время отступления русской армии из Польши, разбил два батальона противника и вернул потерянные позиции, за что был награжден Георгиевским крестом.

В марте 1917 года Виктор Пепеляев направлен комиссаром Временного правительства в Кронштадт, где освободил часть арестованных 1 марта офицеров. Настаивал на аресте и суде над матросами, расправившимися с рядом офицеров, требовал силой ликвидировать Кронштадтский Совет (большевистский), допустивший самосуд и анархию. Был арестован матросами и две недели просидел в каземате.

Член ЦК кадетской партии Кроль говорил о Пепеляеве: «правый» до этого, он вышел из Кронштадта «архиправым».

После Октября 1917 года вел работу по созданию вооруженных подпольных групп, вошел в московский «Национальный центр» и в «Союз возрождения России». Летом 1918 года отправлен в восставшую против большевиков под бело-зелеными флагами автономии Сибирь представителем «Национального центра» и ЦК кадетов.

В Сибири к этому времени уже гремела слава Анатолия Пепеляева. Он вернулся в Томск в конце 1917 года после разгона большевиками Учредительного собрания и заключения ими Брестского мира, вступил в подпольную офицерскую организацию и установил связь с местными эсерами.

Весной 1918-го начался мятеж Чехословацкого корпуса, и руководимая Пепеляевым организация при помощи чешских легионеров свергла Томский Совет. Сформировал из томичей полк, с которым отбил у «красных» Красноярск, затем и Иркутск, полностью разгромив «красных» в Прибайкалье. Полк после доукомплектования его барнаульцами, новониколаевцами и красноярцами был превращен в Средне-Сибирский корпус 1-й Сибирской армии и отправлен на Восточный фронт.

Пепеляев получил чин генерал-майора, вскоре — и генерал-лейтенанта.

Считался «эсерствующим», но проявил редкостный такт и незаурядные дипломатические способности, решая в августе 1918 года конфликт командующего Сибирской армией чеха Гайды и отказывающегося подчиняться «сибирцам из Омска» атамана Семенова, крайне «правого» (до монархизма) по взглядам. Временное Сибирское правительство даже предлагало Пепеляеву пост Гайды.

Наотрез отказался, примирил непримиримое — Семенов, контролировавший Забайкальскую Сибирь, подчинился «сибирцам» в качестве командира 5-го отдельного Приамурского корпуса. А Пепеляев со своим корпусом бил «красных» на Восточном фронте, дойдя до Перми.

В декабре 1918 года, во время болезни Верховного правителя, адмирала Колчака, ближайшее окружение адмирала предлагало именно Пепеляеву занять его место. Отказался. Хотя с подобным вариантом был согласен и его брат, «правый» кадет Виктор. При Колчаке он с ноября 1918 года возглавлял департамент милиции и государ-

ственной охраны. После назначения он вышел из партии кадетов, считая невозможным совмещать политику с государственными делами. Позднее стал министром внутренних дел у Колчака.

И совсем уж позднее «всем сестрам (то есть — братьям Пепеляевым) по серьгам» раздал в своем изданном в эмиграции «Дневнике» барон Алексей Будберг.

49-летнему генерал-лейтенанту Будбергу, прошедшему и русско-японскую, и Мировую войны (и ту, и другую — без особых успехов, но с чинами), неоднократно как человеку опытному предлагали подключиться к непосредственной организации войск «сибирцев» и их снабжения. У Колчака он был сначала замминистра, а потом и военным министром.

О Пепеляеве-младшем: «Трудно ожидать полководческих талантов и приличного понимания военного дела от... 28-30-летних генералов, видевших настоящую войну в роли взводных командиров... Было обидно, что адмирал (Колчак. — А. К.) всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву».

О Пепеляеве-старшем: «Пепеляев составил себе очень хороший, но очень запоздалый план объезда наиболее важных областей Сибири для того, чтобы на месте, путем непосредственного общения с населением, выяснить причины недовольства, восстаний и меры, необходимые для успокоения края... Надо было заниматься этим еще зимой».

Военный министр Будберг, не сделавший в этой должности абсолютно ничего ни для армии, ни для тыла, сказавшись больным, просто удрал в конце сентября 1919 года в Харбин, а затем и в США. Где благополучно прожил еще три десятка лет, выпустив язвительные псевдо-«дневники».

Барон А.П. фон Будберг

Предпоследний раз, пожалуй, братья Пепеляевы виделись в Новониколаевске в конце ноября — начале декабря 1919 года, на совещании у Верховного, адмирала Колчака, по организации обороны и планового отступления. Было поздно — фронт уже фактически рухнул, его «снабжением» занимались брызжащие и ничего не делающие будберги.

На последнем совещании с Верховным на ст. Тайга с 8 по 11 декабря братьям (и это действительно была их последняя встреча) единственное в чем удалось убедить Колчака — в назначении главкомом армии «сибирцев» Владимира Каппеля.

В Новониколаевске к этому времени 7 декабря случился спровоцированный эсерами мятеж частей армии Пепеляева (Барабинского полка) «за Сибирь, против Колчака», что окончательно развалило даже ближайший тыл...

Виктор Пепеляев расстрелян вместе с Колчаком 7 февраля 1920 года в Иркутске.

Анатолий воевал с «красными» до 1923 года. Отсидел, вновь арестован в 1937 году, привезен в Новосибирск и здесь 14 января 1938 года расстрелян.

Из «расстрельной камеры» неоднократно пришлось ему услышать гремевшую над страной из репродукторов мелодию песни «По долинам и по взгорьям...».

Вообще-то, на эту мелодию текст у «пепеляевцев» был другой:

*Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя,
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.*

...Могил у братьев, как водится, нет. Старший — где-то в Ангаре, младший — вроде бы где-то под березами «Березовой рощи» в Новосибирске.

Разные они были. Один — «правый», другой — «эсерствующий».

А памятник «пепеляевцам» есть — та самая «Рука с факелом» в Первомайском сквере Новосибирска, под которой похоронены бойцы и офицеры «пепеляевского» Барабинского полка. Под видом «борцов за власть Советов».

История с надписями

И все-таки Сквер Героев революции — крайне примечательное место, действительно символ. Начинаешь знакомиться поближе с историей его и его «обитателей», и выясняются подробности не столько символические, сколько жизненные.

Доминанта сквера — известный всем и каждому монумент «Рука с факелом». В советские времена он даже

попал на герб Новосибирска. Здесь похоронены 104 политзаключенных, убитых при отступлении из города армии Колчака.

В числе похороненных, как сказано на мемориальной табличке, «В. Р. Романов — первый председатель Новосибирского большевистского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Надпись на постаменте стоящего здесь же в сквере бюста Романова уточняет: «Романов Василий Романович, сормовский и новониколаевс-

Бюст В.Р. Романова в Сквере Героев революции

кий рабочий, первый председатель Новониколаевского (Новосибирского) Совета, в 1919 г. расстрелян колчаковцами». Чувствуете — всего несколько строк, а путаница и странности уже начались.

Попробуем «распутаться», а заодно рассказать о неординарной личности — Василии Романове.

Родился в 1875 г. в Подмоскowie, с 12 лет работал в Москве в разных местах — начинал мальчиком в трактире, позднее работал на заводе Гужона. Чернорабочий, кочегар, слесарь...

Удивительно, почему же он у нас только «сормовский и новониколаевский рабочий», а еще и не «московский»? Дело в том, что если выписывать весь путь «рабочего Романова», на цоколе не хватит места. Он работал и в Тифлисе, и в Киеве, и в Туле.

Лет двадцать назад таких «рабочих», с легкостью меняющих города, места работы и специальности, называли «летунами» и жестко подобное пресекали.

А ларчик, собственно, открывался просто. Старший брат Романова, Иван (кстати — депутат Государственной Думы) увлек Василия идеями марксизма, в 1903 г. Василий вступил в РСДРП. Так что где и кем работать было уже безразлично — любая работа была для Романова только прикрытием для партийной агитации. Поэтому-то и города приходилось менять, скрываясь от полиции, и в тюрьме посидеть.

А особый упор на «сормовского рабочего» сделан потому, что там Романову довелось поучаствовать в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. «Красное Сормово», и это для пропаганды на долгое время стал знаковым.

В итоге Романова высылают в 1913 г. в Новониколаевск, где он работает, в частности, заведующим хлебным ссыпным пунктом. Неплохо для бывшего разнорабочего и кочегара.

Собственно, в первые ряды новониколаевских общественных деятелей начала XX века Романова, как и многих других, вынесла Февральская революция 1917 г.

От большевиков он входит в состав Комитета общественной безопасности — вместе с меньшевиками и эсерами. Как сдержанно комментировала этот шаг «Хроника Новосибирской организации КПСС», новониколаевские большевики «еще слабо ориентировались в сложившейся обстановке».

Странно — информацию все, собственно, получали одну и ту же, и только большевики «слабо сорие-

тировались». В начале марта 1917-го — выборы первого городского Совета рабочих и солдатских депутатов (будем для краткости, как и тогда, называть его Совдеп). Большинство — у правых и левых эсеров, меньшевиков.

Романов — среди избранных, однако первым председателем Новониколаевского Совдепа становится меньшевик Герман-Каменский. Так что надпись из Сквера Героев — легкое лукавство.

А вот что правда — то, что в конце июня того же года Романова избрали в состав исполкома уездного Совета крестьянских депутатов.

Вообще, странный народ были новониколаевские большевики начала века. Проходят выборы в Новониколаевское народное собрание, за которые большевики так ратовали, по их итогам большевики получают («на паях» с меньшевиками) только 7 мандатов; эсеры — 67 мест.

После чего большевики заявили, что снимают с себя ответственность за деятельность Народного собрания. С меньшевиками организационно большевики разошлись лишь в сентябре 1917-го, о чем сразу сообщили ЦК.

Оттуда пришел текст, который невозможно не процитировать: «Уважаемые товарищи! Приветствуем вас в рядах нашей партии... Все наши издания, все циркулярные письма по организациям будем посылать и вам».

Такое ощущение, что ЦК общается с неопитами, только-только пришедшими в партию со стороны. Впрочем, им, наверное, было виднее.

В декабре 1917-го Совдеп провозглашает переход всей власти к Советам, переизбирает исполком, куда вошли 15 большевиков и 15 левых эсеров. Однако Романов опять — только член исполкома, председателем избран левый эсер Игнатий Ботко. И, только 14 января 1918 года на сессии Совдепа Романов становится его председателем.

После этого городской и уездный Совдепы были объединены. А дальше все пошло, как положено.

Во-первых, национализация: типография Литвинова, бани, аптеки, телефонная станция. Закрыты меньшевистские газеты. В общем, новый Совдеп поссорился практически со всеми, до кого мог дотянуться.

Во-вторых, не самой плохой идеей на этом фоне выглядела и попытка разоружения чехословацкого корпуса. Но хорошо вооруженные чехи разоружаться

почему-то отказались, всерьез приступив к переговорам с «белым» подпольем. Похоже опять, как в 1917-м, большевики «слабо ориентировались в сложившейся обстановке» — Романов спокойно выехал на совещание Совдепов в Иркутск. Без него члены новониколаевского Совдепа еще раз попытались отобрать у чехов оружие — чем, фактически, и был спровоцирован мятеж корпуса.

Власть Совдепа пала в течение часа. Узнав об этом, Романов срочно выезжает в Новониколаевск. На станции Канск при проверке документов он, по легенде, предъявил офицеру не что-нибудь, а мандат председателя Совдепа.

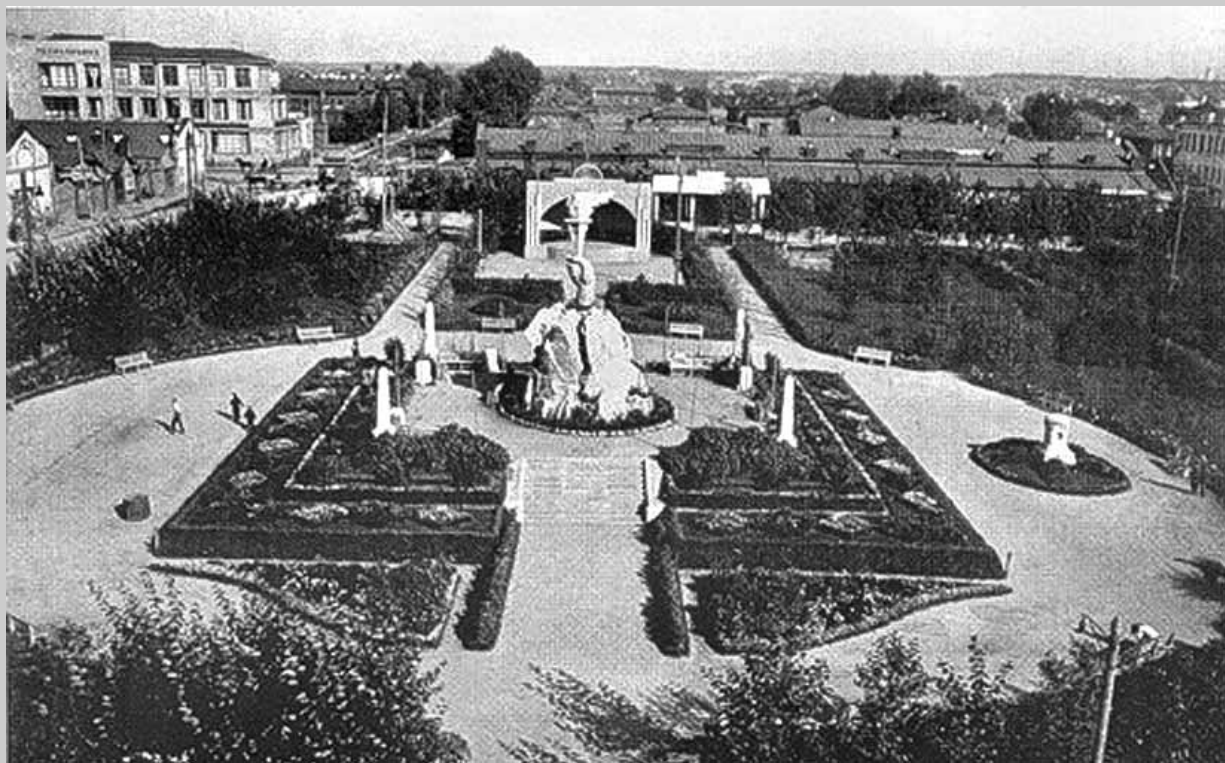
А дальше начался скорбный полуторагодичный путь по тюрьмам. Томск, Иркутск, Новониколаевск... Созда-

ется полное ощущение, что колчаковцы просто не знают, что с ним делать. Секретов он не знал (да и, наверняка, не выдал бы), а планы организации советской работы — слабый улов.

Но у гражданской войны своя логика. При отступлении из Новониколаевска колчаковцы «разгрузили» тюрьму. Среди 104-х забитых насмерть жертв этой «разгрузки» опознали и Романова.

Вот такая «история с надписями». В меру лукавые, в меру правдивые, они хранят память об увлекательном, азартном, идейном и в то же время — в чем-то глубоко наивном человеке.

Одном из тех, кого из истории города никуда не денешь, — они сами городская история.

Сквер Героев революции, 1940-е годы

Загогулины генеральской судьбы

Переломные события начала XX века решительно изменили судьбы многих людей. С нашим городом в те годы оказалась связана судьба многих исторических персонажей. Хотя знай ее заранее, свою судьбу, знакомства с нашим городом они, вероятно, попытались бы избежать.

Среди них — генерал-лейтенант русской армии, профессор Академии Генерального штаба, «сибирский энциклопедист» Василий Болдырев.

Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983 г.) сообщает: «Болдырев Василий Георгиевич (1875 — после 1932), один из рук. контрреволюции на Урале, в Сибири и на Д. Востоке, ген.-лейт. (1917). Окончил Академию Генштаба (1903). Участник 1-й мир. войны, с сент. 1917 ком. 5-й А.». Даже здесь, в периоде «до 1917-го», в биографии генерала сквозит какая-то недоговоренность.

Родившийся в крестьянской семье, генерал всегда говорил о себе, что он «сын сызранского хлеботора». Без протекции, без влиятельных посредников он окончил сначала Пензенское землемерное училище, затем, в чине подпоручика корпуса военных топографов, — Санкт-Петербургское Военно-топографическое училище, причем по 1-му разряду. Несколько лет военно-топографических командировок в разные районы страны — и он был зачислен в Николаевскую академию Генштаба.

По окончании ее в 1903 году в чине капитана отправился на русско-японскую войну, был ранен. После лечения — на ответственных штабных должностях, причем — по инициативе Генштаба. В 1909 году — производство в подполковники. В 1911 году назначен заведующим Николаевской академией. Защитил диссертацию на тему «Атака укрепленных позиций», назначен в 1914 году экстраординарным профессором академии.

Но не до преподавания Болдыреву было в том году, году

начала Первой мировой. Он — на фронте, за личное руководство огнем тяжелых орудий под Иван-городом полу-чил Георгиевское оружие.

В 1915 году — он, командир 30-го пехотного Полтавского полка, получил звание генерал-майора за блестящую победу полка под Вильколазом. Переведен генерал-квартирмейстером в Генштаб. Чин этот — это не сегодняшний «обеспечивающий» начальство всем прапорщик, это — руководитель и организатор всей оперативной работы штаба. Присутствовал при отречении Николая II от престола, некоторое время сам акт отречения хранился у Болдырева. Про Болдырева в то время можно прочитать соответствующие страницы в «Красном колесе» Солженицына. Предвзятые, но захватывающе написанные. В 1917 году Болдырев стал генерал-лейтенантом. Ну, а тут началось уже вообще другое...

Октябрьский переворот Болдырев не принял, так же, как и Брестский мир. Он искренне не мог понять, как соотносятся интересы страны с внезапным миром с германцами, который даже Ленин тогда в узком кругу называл «похабным». Но Ленин-то в отличие от Болдырева на фронте против германцев не воевал!

По приказу нового Главковерха Николая Крыленко, прапорщика военного времени, генерал был арестован.

За службу Отечеству на фронтах генерал был к этому времени награжден боевыми именами — св. Станислава 2-х степеней, св. Владимира, св. Анны 2-х степеней и св. Георгия. Будущий прапорщик Крыленко до 1916 года менял институты, только чтобы не попасть на фронт. И кто-то ему в этом помогал. Такого «прапорщика» генерал признать не мог. Болдырев попал в Петропавловку, получил 3

В.Г. Болдырев

года, но был выпущен «по болезни».

Осенью 1918 года он уже в Уфе, один из организаторов «Союза возрождения России», пишет планы по созданию антигерманской и антибольшевистской русской армии, опирающейся на союзнические силы (прежде всего — Чехословацкого легиона).

Назначен Верховным главнокомандующим Русской армии. Уфимская «Директория» тогда признала участниками соглашения Временное Сибирское правительство и, когда «войска Уфы» окончательно были разгромлены «красными», Болдырев уехал в Сибирь. Сибирская армия — это все, что оставалось боеспособного у белых.

Не сошелся во взглядах с адмиралом Колчаком, тем более что один из 12 присутствующих на заседании Временного Сибирского правительства проголосовал за передачу всей верховной власти в руки Болдырева, а не Колчака. Фактически был отправлен в ссылку в Японию.

Перед отъездом с целью «недопущения смуты» направил в войска прощальную телеграмму: «Уходя из рядов доблестной Русской армии, завещаю помнить, что будущее России — на фронте и в создании единой сильной боеспособной армии. Будет прочен фронт и крепка духом армия — будет обеспечено воссоздание великой России. Прошу передать всем офицерам, солдатам и казачеству мою горячую признательность за их доблесть и великие труды.

Главнокомандующего генерала Сырового (командующий чешским легионом — А. К.) прошу передать мой братский привет доблестным чехословакам за их незабываемую помощь России»... После окончания гражданской войны Болдырев вернулся в Россию, в 1922 году был, естественно, арестован, а в 1926 году — оправдан. С этого времени жил в Новониколаевске (Новосибирске).

Махнув рукой на политику, Болдырев целиком погрузился в научную работу. Тем более, что новый друг — сибирский публицист и известный партиец Вениамин Вегман — все время подбивал его на консолидацию научных сил Сибири.

Здесь, в Сибири, представителей интеллигенции, способных осилить эту работу, было совсем немного. В основном — как писали тогда в отчетах ОГПУ — «б.б. прапорщики»; «б.б. поручики», «б.б. штабс-капитаны». «Б.б.» — означало «бывшие белогвардейские». Новых кадров еще не было, а к тем, «из бывших», которые были готовы работать «не за страх, а за совесть» в деле изучения Сибири, ее потенциала, ее возможностей и природных ресурсов, доверия было не так много.

Профессор (а не «генерал-лейтенант») Болдырев подержал целиком мысль Вегмана о создании «Общества по изучению производительных сил Сибири» — некоего прообраза Сибирского филиала Академии наук. И предложение войти в редакцию Сибирской Советской Энциклопедии тоже принял. На этом, собственно, «погорели» и Болдырев, и Вегман, и многие другие «б.б.», а также и не имеющие никакого отношения к «б.б.». Болдырева арестовали в 1931 году, долго допрашивали, но — выпустили.

Следующий арест 1933 года оказался последним — в материалах дела он стал «б.б. генерал-лейтенантом», а не «сотрудником Крайплана и редактором Сибирской Советской Энциклопедии». Оказался руководителем повстанческой антисоветской организации.

Профессор Болдырев в качестве редактора-картографа успел оформить 4 тома Энциклопедии. Три — вышли, невзирая на то, что генерала-профессора во второй раз посадили. Следствие длилось недолго, всю вину по созданию повстанческой организации Болдырев признал.

И был расстрелян в 1933 году (а не «после 1932», как сказано в той самой цитировавшейся энциклопедии).

В 1958 году потрясенные следователи Новосибирской и Верховной прокуратуры полностью оправдали Болдырева аж дважды — в марте и в мае. Сначала ему, четверть века как покойному, оставили приговор только за «антисоветские разговоры». Потом — оправдали и по этому обвинению. При этом указали, в качестве оправдательного аргумента, что «Сибирская Советская Энциклопедия ни из библиотек, ни из гражданского обихода не изъята».

Могилы Болдырева и Вегмана, расстрелянного немногим позже, где-то рядом, под березами нынешней «Березовой рощи». Они так и остались рядом — в выходных данных Сибирской Советской Энциклопедии и на утраченном погосте.

...Последний подготовленный к печати том Сибирской Советской Энциклопедии, четвертый, «в природе» не существует — выпущен «на правах макета» в 1937 году. Это — памятник и Болдыреву, и Вегману, и многим краеведам «б.б.», которые принимали участие в подготовке Энциклопедии.

Говорят, уже в наши дни именно четыре тома удалось «Сибирской Советской Энциклопедии» получить Новосибирской областной библиотеке. Обидно будет, если они будут представлены только на выставочных стендах.

Один отдельно взятый Щетинкин

Город наш — либо в силу недлинной истории, либо еще в силу каких-либо причин иногда ведет себя как советский подросток из неполной семьи лет 7-8, включая в свою историю чужих героев.

В 70-80-е годы прошлого века у таких подростков была популярна для сверстников формулировка: «Папа — летчик, его брат — космонавт, а дядя — пограничник». И все, соответственно, погибли, поэтому на родительские собрания ходит только мама.

С Гариным-Михайловским в качестве «отца города» до сих пор не все ясно, так что по степени официальной популярности этот пост вполне может занять летчик Александр Покрышкин.

На вторую «должность» тоже есть кандидат — человек, разработавший принципы и технологии сегодняшних космических полетов, до недавнего времени известный в Новосибирске как Кондратюк (хотя и не Кондратюк он вовсе, и это тоже отдельная история).

И свой «дядя-пограничник» у города есть — Петр Щетинкин. Похоронен в Сквере Героев революции и единственный удостоен персональной могилы.

Если верить энциклопедии «Новосибирск», выпущенной к 110-летию юбилею города, Щетинкин «в 1922-1926 — начштаба войск ОГПУ Сиб. пограничного округа».

Ну это, конечно, если верить этой энциклопедии, которая (несмотря на поставленный копирайт мэрии) умудрилась запутаться с датой рождения действующего мэра.

Да и потом — как ты ни пиши ВЧК, ОГПУ, НКВД, а слышится все равно — КГБ.

К которому, кстати, во все советские времена функции охраны границы и относились. Вместе с погранвойсками.

Есть люди, созданные для творчества, — Щетинкин явно был создан для службы, причем — для специальной. Оттянув «армейскую лямку» в 1906-1909, он уволен и снова, как «до армии», вынужден работать «по плотницкой части». Уво-

лился он, кстати, в чине «старшего унтер-офицера».

Жаль, не осталось воспоминаний коллег Щетинкина по срочной службе — а как именно он зарабатывал свои нашивки? Строгать бревна — это не командовать, и бывший унтер Щетинкин записывается в школу подпрапорщиков и возвращается в армию.

За первую мировую у него — полный «Георгиевский бант», четыре Георгиевских креста, по сравнению с которым даже звание Героя России сейчас, кажется, присваивается чаще.

Кстати, Георгиевским кавалером был и Семен Буденный. Как писали о Щетинкине новосибирские историки, «в бою он был бесстрашен, ловок и хитер». Для мирной жизни похвала, по-моему, двусмысленная.

К 1917 году Щетинкин уже штабс-капитан. Как писали разные путеводители по нашему Скверу Героев, оставив в том памятном для всей страны (и не только) году военную службу, он «все свои силы, знания и военный опыт... отдал революции»...

Впрочем, отдал опыт крайне специфический. 15 января 1919 года, когда Щетинкин давно уже большевик, управляющий Ачинским уездом сообщает о нем не кому-нибудь, а управляющему Енисейской губернией: «...некто Щетинкин, бывший офицер, состоящий на службе в Совдепе в качестве начальника сысского отделения».

Собственно, ничего страшного. Кому-то надо заниматься и этой работой, какая бы власть ни была.

Кстати, в грамоте, подписанной лично Феликсом Дзержинским, о награждении Щетинкина знаком «Почетный чекист» («V лет ВЧК»), сказано, что «почетное звание чекиста требует храбрости, решительности...»

О руках, голове, сердце и температуре прочих чекистских органов «Железный Феликс» применительно к своему коллеге — Щетинкину — ничего не сообщал. Знак этот был Щетинкину выдан за № 175 (!) «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Щетинкин хорошо попартизанил в районе Ачинска и Минусинска, причем своих партизан «держал в строю» вполне унтер-офицерскими методами.

Рассказы книг советского времени о том, что опозоренные и выведенные Щетинкиным перед строем бывших друзей бойцы «были наказаны», сейчас можно трактовать очень двояко.

Но все эти свои таланты Щетинкин проявил не у нас. Ачинск, Минусинск, потом — Крым и борьба с бароном

Врангелем... А еще — взятие в Монголии барона Унгерна.

Потом — укрепление совсем другой, но тоже ему хорошо знакомой «по Унгерну» монгольской границы. В качестве, как сегодня говорят, «воина-интернационалиста», только очень высокого ранга. Впрочем, ранг Щетинкина на этот поприще до сих пор в разных источниках назван по-разному — где «инструктор», где «инспектор», где — «советник».

Поскольку в Монголии тогда, кроме границ, армии и баранов, не было ничего, можно считать, что «пограничник» Щетинкин некоторое время командовал всей Монголией. Служба не удалась. «...Недолго он там прослужил. Белогвардейские наемники предательски убили его».

Фразу надо перечитывать несколько раз и обдумывая — как «наемники» могут убивать кого-то «предательски», если они, «наемники белогвардейские», а жертва — отнюдь не монгол. Это — по сведениям книги «Наши земляки» (1972 г. издания).

По сведениям подобных изданий предыдущего времени, Щетинкин то ли просто «погиб», то ли не просто — «от рук японских наемников», то ли просто «умер».

И похоронили-то его у нас, собственно, только потому, что не в «Берне» «Штирлицев» хоронить.

То есть, не в Улан-Баторе... А так — свой «дядя-пограничник», к сожалению, абсолютно чужой для истории города.

Бюст П.Е. Щетинкина в Сквере героев революции

Известный Блюмкин и неизвест- ный Щетинкин

История — большая мастерица закручивания интриг и переплетения судеб, совсем, казалось бы, не имеющих отношения друг к другу.

Так получилось, что тесно переплелись и судьбы известного террориста Якова Блюмкина, убившего в Москве в 1918 году германского посла Мирбаха, и менее известного командира сибирских красных партизан Петра Щетинкина.

Переплетение оказалось интересным и трагичным — для обоих.

...Осенью 1927 года Новосибирск хоронил Щетинкина. Доктор наук Николай Амшинский (в ту пору — подросток) вспоминал: «От вокзала к центру двигалась скорбная процессия. На лафете орудия стоял гроб с телом героя. Сразу за гробом шел оседланный вороной конь. Он шел низко опустив голову. Один. Это был боевой товарищ Щетинкина, и он провожал в последний путь своего друга. И уже за ним, словно признавая его право открывать траурное шествие, шли городские руководители и военные.

Фигура коня выражала столько скорби и горя, что невозможно было без слез наблюдать эту пронзительную картину. Люди плакали. Шествие свернуло во двор Дома Ленина.

Здесь, в Сквере Героев революции, и нашел свое последнее пристанище Петр Щетинкин. Его похоронили под звуки ружейного салюта.

Говорят, что среди прощавшихся был и другой боевой друг и бывший начальник Щетинкина — Яков Блюмкин.

Щетинкин был бешено талантливым человеком. Кто-то рождается талантливым художником, кто-то — архитектором. Щетинкин, сибирский плотник, родился талант-

ливым военным. И не просто военным. Его «коньком», его главным призванием стало то, что сегодня называется «проведением специальных операций».

Если к этому прибавить его авантюрный характер (даже фамилию его отец получил за свою «щетинистость»), смесь получалась гремучей.

Отслужив «срочную», плотничал, но не к тому лежала душа...

В 1911 году Щетинкин возвращается в армию, заканчивает школу подпрапорщиков. За годы Первой мировой, с 1914 по 1916, он на фронте дослужится до штабс-капитана. Полный Георгиевский кавалер (4 креста и 2 медали), ордена св. Станислава 3 и 2 степеней, орден св. Анны 3 степени.

Два французских ордена (а союзники наградами не разбрасывались, тем более повторно). Но.. в армии уже начался развал.

И, как обтекаемо написано в некоторых биографических изданиях о нем, в конце 1916 года Щетинкин «покинул армию». Дальше в биографии — громкие подвиги и тихие загадки.

В одной из автобиографий Щетинкин напишет: «В Февральской и Октябрьской революциях никакого участия не принимал». Для будущего героя партизанского движения признание шокирующее.

В это время, по некоторым данным, он вступил в партию эсеров. Но уже в марте 1918 года, в Ачинске, он вступает в ряды большевиков. Начальник милиции и угрозыска. Нелогично? Абсолютно логично! В тот момент «сыскное» было единственной спецслужбой, а милиция (не считая «интернационалистов» из числа военнопленных австро-

Блюмкин Я.Г.

венгров) — единственной «армейской» силой новой власти.

«Чехословацкий мятеж» застал всех врасплох, и Щетинкин уходит в подполье.

Совсем ненадолго. Созданный им отряд из 30 человек благодаря его таланту быстро вырос до 1500 бойцов.

Министр «сибирцев» Иван Серебренников потом, в эмиграции, упомянет в воспоминаниях, сколько проблем «сибирцам» доставили «банды Щетинкина».

Да и сам Щетинкин в своих воспоминаниях «Борьба с колчаковщиной», изданных уже после его смерти в 1929 году, мало стеснялся в подборе выражений: «После ряда наших налетов на железнодорожную охрану и полного разгрома дер. Игинки...», «Спецоперация» — есть только «наши» и «не наши»...

...На всех фотографиях, на бюсте в Сквере Героев Щетинкин — с орденом Боевого Красного Знамени. Он получил его за взятие Перекопа — во главе сибирских полков форсировал Сиваш. Тут-то и пересеклись в первый раз пути-дороги Щетинкина и Блюмкина.

Убийца Мирбаха, давно властью прощенный, работал в ВЧК по «спецзаданиям». В Крыму это было уничтожение офицерства и казачества, не сумевшего (или не захотевшего) покинуть страну. Пересеклись — и потом пошли параллельно.

Вместе они чуть позже гоняли по Монголии и разгромили подразделения генерала Унгерна — его расстреляли в Новосибирске в сентябре 1921 года. Классическая «спецоперация»...

Рядом с орденом Щетинкин носил знак «Почетный чекист». На изображениях Петра Ефимовича его аккуратно убирают. Звание «Почетного чекиста» было установлено к пятилетию ВЧК в декабре 1922 года.

В положении о звании и знаке говорилось о том, что знак имеет «значение награды достойнейших сотрудников ВЧК/ГПУ, своей работой в органах ВЧК/ГПУ заслуживших быть особо отмеченными».

Награждаемый должен был иметь «особые заслуги перед Республикой» и стаж работы в органах не менее трех лет.

Щетинкин получил знак под №175 (№1 был у Дзержинского). Всего, на всю страну, это звание и соответствующую награду получили менее 800 человек. На фотографиях Щетинкина у него на петлицах — три «ромба». По положению о званиях в органах ГПУ четыре «ромба» полага-

лось председателю, его замам и членам коллегии ГПУ — так называемый «13 разряд». У Щеткина — «12 разряд», всего на одну ступеньку ниже, чем у Дзержинского, и на один «ромбик» меньше.

В 1921 году он поступил на курсы повышения квалификации при академии Генштаба. А в академии, по странному совпадению, учился как раз в это время его знакомый по Крыму Блюмкин. Его, правда, все время дергали в командировки с очередными «спецзаданиями». Бывший эсер Блюмкин в это время уже плотно работал с Львом Троцким. Щеткина политика не интересовала абсолютно. Внутрипартийные «разборки» — тем более. Член партии с 1918 года, Щеткин был глубоко аполитичным человеком. У него было свое дело, в котором он был специалистом.

С 1922 по 1926 годы он — начальник штаба Сибирского округа погранвойск ОГПУ. А Блюмкин все время рядом, по ту сторону границы, со своими «спецзаданиями». В Персии, в Афганистане, в Британской Индии... Создание закордонной разведсети — это Блюмкин, ее снабжение — это Щеткин.

Правда, в официальных изданиях об этом периоде его деятельности пишется, что задачей его было «строить жилье для пограничников, вооружать и бесперебойно снабжать их всем необходимым». Впрочем, одно другому не мешало. Но тут возник еще один момент.

В конце 1923 года официально было признано, что «мировая революция» через Германию не начнется. Однако она обязана была начаться! И самым лучшим плацдармом для нее был Китай, где национал-демократическая партия Гоминьдан в союзе с китайской компартией уверенно брала страну под контроль. А самые лучшие связи по «восточному» направлению» были у тех, с кем в партии уже начиналась практически открытая война, — у крайне «левых», у «оппозиционеров», у «троцкистов». Им негласно и был выделен новый «фронт работ».

Главным инструктором Государственной внутренней охраны (аналог российской ЧК) в Монголию был послан... Яков Блюмкин. А вот заместителем у него оказался старый знакомый — Петр Щеткин.

Шла переброска оружия, денег, людей. Но стряслась, как говорится, «беда ужасная» — после взятия Шанхая Гоминьдан напрочь и очень кроваво рассорился с местными коммунистами. Блюмкина отозвали, Щеткина назначили на его место.

...Он был неудобен всем в тех внутрипартийных склоках, которые теперь разгорелись с удвоенной силой. Именно своей внутренней аполитичностью» и своим профессионализмом. Куда, против кого развернется этот талант?

30 сентября 1927 года его убили в Улан-Баторе. Кто — осталось неизвестным.

По книгам — то «белогвардейские наймиты», то «японские наемники» (?), а иногда писали просто — «умер» (!).

Блюмкина расстреляют несколько позднее, через пару лет. Во время расстрела он крикнет: «Да здравствует Троцкий!». Он знал, что уже вошел в историю, а исторической личности перед расстрелом полагается что-то крикнуть...

Когда он спал?

Новосибирск — все-таки уникальный город. Только здесь мог сохраниться памятник могиле человека, который был похоронен до этого в другом месте, к городу отношения не имеет и прах которого давно увезен в Париж.

В Сквере Героев Революции есть уникальное место. «Каталог памятников истории, архитектуры и монументального искусства...» описывает его так: «Место захоронения Адриена Лежена, последнего участника Парижской коммуны, представляет собой прямоугольник, обрамленный гранитным бордюром, заполненный низкорослыми цветами.

На мраморной плите, лежащей на земле, надпись: «Адриен Лежен. Adrien Lejeune. Ветеран Парижской коммуны. 1846—1942. В период Великой Отечественной войны жил в г. Новосибирске. 15 мая 1971 года прах перевезен в Париж, к стене Коммунаров».

Это что? Если кто-то с первого раза не понял, можно перечитать во второй, не поверить, сходить в Сквер и убедиться во всем собственными глазами. И снова задать тот же вопрос.

До того, как политкорректная Франция и ее вечно политкорректная компартия взялись праздновать столе-

тие Коммуны, на этом месте действительно была могила. Стояла мраморная стела с бронзовым профилем условного по российским меркам французского старика — нос с горбинкой, пышные усы, мощная грива волос вразлет.

То ли Александр Дюма, то ли Виктор Гюго, то ли все-таки Адриен Лежен. Товарищ, имевший, по словам городских путеводителей разных лет, «трудную судьбу», все-таки там лежал. Хотя помотаться по свету ему пришлось и до смерти, и после смерти.

Трудовой путь господина Лежена в памяти благодарной Франции вряд ли остался. Старые путеводители (еще при «живой» могиле) сообщают, что юноша днем зарабатывал на жизнь, ночами читал книги и стал-таки к 20 годам учеником аптекаря. То есть — смог отвешивать порошки на аптекарских весах.

Необременительная работа днем и чтение ночью не помешали Лежену вступить в одну из местных социалистических групп. Зарботка, похоже, вполне хватало, так как следующая общественно-полезная должность Лежена во Франции — это солдат времен франко-прусской войны.

Пишут, правда, что вступил он добровольно, и не в армию, а в «национальную гвардию» — аналог нашего «народного ополчения». Возможно, тут простая подмена понятий — подняв во время войны с немцами бунт в тылу, в Париже, «коммунары» именно «национальной гвардией» провозгласили всех, у кого на руках оказалось оружие и кто был не против к ним присоединиться на «законных», так сказать, основаниях.

Частично переводя на сегодняшний лексикон, одно дело бегать по столице «со стволом на кармане», зная, что ты бандит или дезертир, другое — когда тебя кто-то считает членом своего регулярного войска.

После небольшой кровавой потасовки в Париже, когда правительственные войска бунт и всякие «гвардии» ущучили Лежен получил 10 лет, «чудом избежав расстрела». 10 лет — то ли тюрьмы, то ли каторги, что, все-таки, две большие разницы.

После амнистии спокойно вернулся в столицу, и больше о том, что господину Лежену приходилось когда-либо днем смешивать порошки, чтобы заработать на жизнь, путеводители не упоминают. Дальше у него — путь профессионального революционера через ряд социалистических партий и групп до Компартии Франции.

Собственно, именно в качестве ее пенсионера он и

переехал в СССР в 1928 году. Не задаром — оставив свои сбережения коммунистической газете «Юманите». Хотя... Много ли на порошках-то скопишь?

Да и МОПР («Международная организация помощи рабочим»), спонсируемая из госбюджета СССР, щедро помогала таким страдальцам. У господина Лежена начались новые приятные переезды — теперь порошки для него смешивали другие. Он исколесил несколько престижных санаториев — Михайловское, Кратово, Барвиха, Переделкино, жил в Доме ветеранов революции в Москве.

Но тут Сталин сначала договорился о мире, а затем и вообще подружился с Гитлером. Если кто не помнит — второй «молотовско-риббентроповский» договор назывался «О дружбе и границе» и был подписан как раз тогда, когда Франция с Германией воевала. Или не вся. Или не воевала — их, французов, и в мирное время понять трудно, а тогда...

Во-первых, часть Франции немцы оккупировали.

Во-вторых, «Государство Франция» со столицей в курорте Виши осталось абсолютно независимым, но при этом — союзником Германии. Были еще «заморские территории в Африке», которые долго не знали — то ли немцам сдать, то ли к Виши примкнуть, то ли к «Свободной Франции» во главе с генералом де Голлем.

Де Голль — это была, скажем так, четвертая Франция. Французская компартия оказалась в идиотском положении. Сначала они, как один из членов Коминтерна, стали пояснять, почему дружба ВКП(б) (другого члена Коминтерна) с Гитлером — это хорошо. За это, собственно, их и стали сажать французские власти после начала войны с Германией. Неоккупированная территория «Виши» некоторое время считала, что ФКП — союзники немцев, и там даже легально выходила «Юманите». Потом разобрались — и стали сажать. Немцы все прекрасно знали сразу и никого из коммунистов после оккупации Франции из тюрем старались не выпускать. Несмотря на дружбу со Сталиным.

Однако при всем при этом никакого организованного «Сопrotивления» ФКП где-то до 1942 года не вела.

...Ну, а дедушек таких, как Лежен, — куда? После начала войны повезли его доживать через всю страну из подмосковных курортов в Новосибирск, где он и прожил-то всего два месяца, до января 1942 года.

Похоронили на городском кладбище, в связи со сно-

сом которого в 1946 г. прах перенесли в Сквер Героев. В 1971 году прах снова поехал, на этот раз навсегда — в Париж, к стене Коммунаров. Как говорится — «наконец-то успокоился».

А то, на самом деле, в милиции он сейчас проходил бы как БОМЖ — человек без определенного места жительства.

На память Новосибирску остался самый странный памятник — «место могилы». Причем, в отличие от реальной могилы основателя города инженера Тихомирова это «место» находится под охраной государства. Это — вторая странность. Если не сказать хуже.

А возвращаясь к господину Лежену...

Был он вообще коммунаром, дезертиром, уголовником, бездельником или даже учеником аптекаря — это, собственно, мне не интересно.

Другое интересно — когда он спал? В какой путеводитель ни ткнишь — «днем зарабатывал на жизнь, а по ночам сидел над книгами».

А спал-то — когда?

Звёздная улыбка «чеширского кота»

В Новосибирске есть только три исторических памятника, известных всем «по имени»: Дом Ленина, Дом Кирова и Дом Кондратюка. Юрий Кондратюк, наверняка, при жизни и не думал попасть в такую компанию. Его биография и судьба закладывали столь неожиданные виражи, что продолжительное время основоположника теории межпланетных полетов даже не упоминали энциклопедии и справочники.

С Чеширским Котом в «Алисе в стране чудес» была та же история — он исчезал, появлялся и иногда от него оставалась одна улыбка.

В этом году сошлось сразу несколько дат. 110-летие со дня рождения Кондратюка (точнее — не Кондратюка,

Ю.В. Кондратюк (Шаргей)

но об этом ниже), 80 лет с начала его работы в нашем городе и — 50-летие запуска первого искусственного спутника Земли. А странные виражи вокруг Кондратюка продолжают.

В «Календаре знаменательных и памятных дат НСО-2007», выпущенном совместно областной научной библиотекой и облархивом, фамилия «Кондратюк» даже не упоминается.

Зато отдельным абзацем сообщается о более важной дате: «80 лет назад началось регулярное пассажирское автобусное сообщение между Барабинском и Каинском».

От автора теории межпланетных полетов опять «осталась одна улыбка».

Собственно, в июне 1897 года в Полтаве родился Александр Шаргей, а не Юрий Кондратюк. Окончил гимназию с серебряной медалью, поступил в 1916 году в Петроградский политехнический институт. Но был призван в армию, окончил школу прапорщиков и был направлен на Турецкий фронт. Демобилизовался после Брестского мира в начале 1918 года.

Направился в родную Полтаву, однако по пути из Закавказья насильно мобилизуется в «белую» армию и немедленно бежит из нее...

Живет в Полтаве, в Киеве и пишет рукопись по теории межпланетных полетов — «Тем, кто будет читать, чтобы строить».

Работает самозабвенно, как-то мало обращая внимания на то, что в стране вовсю бушует вихрь Гражданской войны.

В ноябре 1919 года прапорщик Шаргей мобилизован в денкинскую армию, из которой тоже дезертировал. Два года скитаний, разнообразных работ (смазчиком вагонов

на железной дороге, кочегаром на сахарном заводе)... Все это время он продолжает работать над книгой «О межпланетных сообщениях».

Но при новой власти плохо могло прийти «дважды служившему у «беляков»! И родственники достают ему документы студента Киевского университета Юрия Кондратюка, умершего от туберкулеза 1 марта 1921 года.

15 августа 1921 года он документы получил — и Александр Шаргей «исчез», а Юрий Кондратюк «ожил». Улыбка Чеширского Кота — все, что осталось на память о старом имени.

В августе 1925 года рукопись Кондратюка «О межпланетных сообщениях» отправлена им в Москву в Главнауку — на предмет рецензирования и издания.

И вот очередной вираж судьбы! Рукопись Кондратюка Главнаука направила сначала в научно-технический отдел (НТО) ВСНХ СССР, председателем которого в ту пору был Лев Троцкий!

Троцкий направил эту рукопись в Секретариат коллегии НТО: «В Секретариат Коллегии НТО ВСНХ СССР тов. Флаксерману.

Посылаю Вам работу молодого ученого (Ю. Кондратюка) о полете на Луну и другие столь отдаленные станции. Прошу дать ее на заключение. 19 января 1926 г. Лев Троцкий». Рукопись рецензировал профессор Ветчинкин, давший самый блестящий отзыв о работе и ставший своеобразным «крестным отцом» молодого ученого.

И пошла внутриведомственная переписка: «В Секретариат Коллегии НТО ВСНХ СССР т. Флаксерману. Уважаемый товарищ! Как вы помните, запиской от 19 января 1926 года Троцкий препроводил Вам на заключение работу некоего т. Кондратюка «О межпланетных путешествиях». НТО в лице инженера-механика т. Ветчинкина дал благоприятный отзыв о работе, причем в заключение указывалось, что самого т. Кондратюка следовало бы перевести на службу в Москву. Отзыв был доведен до сведения автора и одновременно, по поручению тов. Л. Д. Троцкого, было запрошено мнение тов. Кондратюка относительно перевода его в Москву. В настоящее время мы получили от Кондратюка письмо, из которого видно, что он очень хотел бы получить возможность работать в одном из исследовательских институтов в Москве. Направляя вам это письмо, мы очень просим НТО оказать т. Кондратюку всемерное содействие и не отказать, уведомить нас о последовавшем. С

комприветом, Познанский».

На письме резолюция: «В Коллегию, 01.09.26 г., слушалось на Коллегии 14.09.26 г.».

Судьба хранила Кондратюка — в Москву «по вызову Троцкого» он почему-то не поехал, работал на технических должностях в системе «Хлебопродукт» на строительстве элеваторов и зернохранилищ.

Разработчик теории межпланетных полетов получает четыре патента на изобретения в самой, пожалуй, «земной», «практической» отрасли — в области элеваторной техники. Книгу Главнаука так и не издала, профессор Ветчинкин продолжал обивать пороги кабинетов в Москве...

Собственно, «непереезд» в столицу и непубликация тогда книги всего несколько лет спустя спасут Кондратюку жизнь.

С апреля 1927 года Кондратюк приезжает в Новосибирск по приглашению краевой конторы «Хлебопродукт», располагавшейся на ул. Советской, 24. Сегодня это здание известно как «Дом Кондратюка». Здесь он занимался переоснащением старых и проектированием новых элеваторов и зернохранилищ.

Но судьба-злодейка опять царапается в двери, а Чеширский Кот только улыбается. Кондратюк как будто чувствовал многое интуитивно. Он лихорадочно и тщательно работает над книгой «Завоевание межпланетных пространств» и — издает ее в Новосибирске в январе 1929 года на собственные средства.

Главное дело сделано! Он опять успел вовремя.

Начиналась коллективизация, с «выкорчевыванием кулака как класса». Государство требовало хлеба. Заодно с кулаками припугнули и интеллигентов из «Хлебопродукта».

31 июля 1930 года Кондратюк был арестован по обвинению во вредительстве при проектировании тех самых зернохранилищ. Дело вел сам полпред ОГПУ по ЗапСибкраю Леонид Заковский. Это был редкостный человек! Он всегда в точности выполнял все указания, невзирая на их жестокость. В 1928 году во время поездки Сталина в Сибирь обеспечивал его личную безопасность. Позднее, в 1934 году, после убийства Кирова именно он, Заковский, «чистил» от «троцкистов-зиновьевцев» Ленинград...

Кондратюк получил свои три года заключения, замененных позднее на ссылку. Но! Если бы всплыло вдруг на следствии что Кондратюк-то не Кондратюк и что Троц-

кий за него очень ходатайствовал... Не хочется даже предполагать, как бы развернулся Заковский, которому приписывают фразу: «У меня Карл Маркс тут же бы признался, что был агентом Бисмарка!».

Кондратюк уцелел. Действительно, можно ли поймать Чеширского Кота?

В апреле 1932 года Кондратюка досрочно освобождают по ходатайству Серго Орджоникидзе, по его же распоряжению он занимается проектированием мощных ветроэлектростанций, но это уже отдельный рассказ. Работал в Москве, пошел добровольцем в ополчение в начале войны, погиб, защищая Москву, в 1942 году.

А книга и работы его остались. В них Кондратюк дал подробное описание четырехступенчатой ракеты на кислородно-водородном топливе, описание отдельных узлов ракеты и ее двигателя — долго перечислять все.

Но американская программа лунных полетов «Аполло» тоже «выросла» из этой книги — вплоть до расчетов трасс полетов!

...В Новосибирске американский космонавт взял пригоршню земли от Дома Кондратюка — на память, в знак уважения к человеку, который и привел его к Луне.

Один из самых крупных лунных кратеров носит имя Кондратюка. Он — на оборотной стороне Луны, и с Земли его не видно. Но он есть. Как и улыбка Чеширского Кота...

Главный безбожник страны

Долгие годы на здании по ул. Советской, 25 висела мемориальная доска с уникальным по непонятности текстом: «В этом здании с 1921 по 1924 гг. находилось Сиббюро ЦК РКП(б). Здесь работал с 1921 по 1922 гг. выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства академик Емельян Михайлович Ярославский».

Сиббюро не было филиалом Академии наук, а самый главный труд, который сочинил «академик» в Новониколаевске, — погромная «Библия для верующих и неверующих».

Собственно, несмотря на дату физического рождения в 1878 году, «родился» будущий «академик» несколько позже.

К Таммерсфорской (1905 года) конференции РСДРП Владимиру Ленину надоело запоминать бесчисленные (их накопилось около 30) псевдонимы Минея Израилевича Губельмана.

Ну, а поскольку избран он на конференцию от Ярославской организации эсдеков, Ильич и «покрестил» его (отныне и впредь!) в Емельяна Михайловича Ярославского. Под этим именем он вошел в историю страны и в историю нашего города.

С 14 августа 1920 года профессиональный революционер Ярославский стал руководителем агитационно-пропагандистского отдела Сиббюро ЦК РКП(б). В этом качестве он был членом редколлегии «Советской Сибири», создателем и первым редактором журнала «Сибирские огни».

И вообще, работал Ярославский в Новониколаевске буквально на износ: «Необходимо иметь в виду, что Е. Ярославский, работая в Сиббюро, одновременно был секретарем ЦК партии и часто выезжал в Москву»

**Е.М. Ярославский
(М.И. Губельман)**

(«Наши земляки», Н., 1981 год). Забавно, что секретарем ЦК он действительно был. Ровно 11 дней — с 16 по 27 марта 1921 года («Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь». М., 2000 год). А в Новониколаевске в качестве начальника агитпропа Сиббюро ЦК Ярославский работал с ноября 1921 года по ноябрь 1922 года. Так чем же он занимался-то, кроме писанины и редактуры?

Делами, скажем так, вполне особого рода — борьбой с религией. В Сибири, как на полигоне, Ярославским были отработаны методики «антирелигиозной борьбы», которые чуть позднее, уже в качестве председателя Антирелигиозной комиссии ЦК в Москве, он с успехом (как ни кощунственно это звучит) применял уже в масштабах всей страны. Это, с одной стороны, — организация внутрицерковного раскола (так называемое «обновленчество») и, с другой, оголтелая «антирелигиозная» атака на церковь извне, со стороны «общественных организаций».

Если и имел Ярославский какое-то отношение к науке, то только в разработке комплексного подхода к борьбе с религией.

Именно Ярославский вместе с председателем Сибревкома Михаилом Лашевичем заметили и поддержали томского священника Петра Блинова в его притязаниях на пост митрополита Томского. Председатель губревтрибунала Макаренко докладывал в Новониколаевск Ярославскому о том, что, «так как епископ Виктор («законный» епископ) определенно мешал и стеснял действия Блинова», Макаренко просто арестовал и владыку Виктора, и членов епархиального совета.

Дальше начался уже полный цирк. 31 мая 1922 года на закрытом заседании Томского губкома РКП(б) с докладом о положении в местной епархии выступил священник Петр Блинов (!). Немедленно он получил разрешение на создание Сибирского церковного управления (СибЦУ) из числа своих сторонников-«обновленцев», а сам, соответственно, стал «митрополитом Сибирским» (на что, как женатый священник, права по церковным канонам не имел). А программу СибЦУ в редакционной статье в «СовСибири» немедленно разъяснил... Ярославский! Признание Советской власти — властью Божией волею, полная «реконструкция

Церкви», полная ее аполитичность и т. д. Одновременно во все губкомы партии Ярославским были даны указания о создании (!) «обновленческих» структур церкви «на местах». Указания были приняты к исполнению.

Так, Алтайский губком 12 июля 1922 года докладывал Ярославскому: «Здесь найдется достаточная группа попов-карьеристов для проведения церковного раскола и присоединения к новой церковной организации». Не в бровь, а в глаз. Так что вполне обоснованно уже в качестве председателя Антирелигиозной комиссии ЦК в 1923 году Ярославский докладывал партийному руководству: «В результате мы получили значительное разложение верующих православных масс, отпадение и уход от церкви».

Ну, а для «внешнего воздействия» на церковь был создан «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), насчитывавший к 1941 году, по разным данным, от 4 до 5,7 миллионов членов. Возглавил СВБ, естественно, Ярославский, ставший и редактором газеты СВБ «Безбожник».

Несколько попавших к Михаилу Булгакову номеров газеты потрясли писателя: «Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника... Нетрудно понять, чья эта работа. Этому преступлению нет цены».

В уставе СВБ прямо декларировалось создание «единой, боевой, централизованной организации безбожников». Главными задачами СВБ становятся: подготовка «митингов» трудящихся, на которые выносятся резолюции о закрытии и сносе церквей, проведение антирелигиозных праздников и карнавалов с издевательствами и избиениями верующих, разведением костров из книг и икон и т. д.

«Теоретическим», «идеологическим» фундаментом СВБ стала написанная Ярославским у нас, в Новониколаевске, «Библия для верующих и неверующих», которая впервые начала печататься в виде отдельных статей в «Безбожнике» в конце 1922 года: «Самые разнужданные формы террора и гнета эксплуататоров над трудящимися во всех странах освящают все религии и церкви. Библия была руководительницей, настольной книгой величайших злодеев, каких только знал мир...»

Собственно, за этот «научный труд» Ярославский и получил звание академика АН СССР.

Несмотря на то, что «Библия...» «знатока религии» буквально набита крупными и мелкими ошибками. Так, Ярославский, критикуя Библию, пишет, что Христос не мог родиться, потому что, по Евангелию, Он родился при Ироде, а этот Ирод умер за 50 лет до того. Здесь Ярославский просто попутал двух разных Иродов. А всего в этой в общем-то небольшой по объему книжке специалисты насчитали 197 только крупных ошибок на библейско-исторические темы.

Кстати, Ярославский оказался по-житейски очень прагматичным человеком. По давнему решению ЦК, партийные деятели не имели права получать гонорары за свою партийную публицистику — все шло в фонд партии. Поэтому, скажем, Сталин, которого издавали миллионными тиражами, лично для себя от этого не получал ни копейки. Ярославский тоже не получал — за книги по истории партии. А вот за «Библию...», издававшуюся за госсчет миллионами, получал гонорары аккуратно и до копейки. Поскольку это был «научный труд».

Книга нацистского идеолога Альфреда Розенберга «Миф XX века» тоже была сугубо научным трудом, посвященным теории расовой проблемы. Чертежей душегубок в ней не было, но автора-таки за нее повесили. В «Библии...» Ярославского тоже не было рекомендаций о том, как сшибать с церкви купола и вскрывать раки с мощами святых. Просто — «научно-популярное издание».

«Славен и благороден жизненный путь Емельяна Михайловича Ярославского» («Наши земляки»...)...

В начале 2000-х (во время реставрации дома по Советской, 25) мраморная памятная доска «академика» тихо исчезла. И больше уже не появилась.

В «Энциклопедии «Новосибирск» (Н., 2003 год), в большой статье о Ярославском мельком упоминается лишь, что он «автор множества трудов... по вопросам религии и атеизма». Ни его деятельность в Антираионной комиссии, ни председательство в СВБ, ни вообще СВБ не упомянуты ни словом.

Стыдно, что ли, наконец-то стало за «нашего земляка»?

Новосибирские Ивановы

«Фамилию мою записать хочешь? Пиши — на ней вся Россия держится! Иванов — моя фамилия», — говорил персонаж в романе Константина Симонова «Живые и мертвые».

Не обошелся без Ивановых и Новосибирск. Среди тех, кто оставил след в истории города, — инженеры, строители, ученые, композиторы, журналисты, писатели (советский телесериал «Вечный зов», снятый по одноименному роману Анатолия Иванова, до сих пор собирает многомиллионную аудиторию по всей стране).

Но среди Ивановых, «прошедших» через наш город, были и персонажи скорее трагикомические.

«Белому» генералу Иванову-Ринову в жизни и везло, и не везло одновременно. 1869 года рождения, из военной семьи, он окончил в Омске Сибирский кадетский корпус (1888 г.) и 1-е Павловское военное училище (1890 г.).

Любил офицерские посиделки. На последних увлекся игрой в «русскую рулетку» (когда револьвер с одним патроном пускается по кругу). Доигрался — револьвер-таки выстрелил именно у него в руках, с тяжелым ранением в грудь некоторое время был при смерти. Врачи выходили, хотя и решили пулю не удалять. Вернулся на службу...

С началом Первой мировой — на фронте, участвовал в боях в Карпатских горах, произведен в полковники.

В 1916 году вспыхнул мятеж в Туркестане — местное население возмутилось мобилизацией на работы в тылу и объявило газават всему русскому населению. Полковник Иванов-Ринов был назначен комендантом города Верный (Алма-Ата), помощником военного губернатора Туркестана и командующим всеми силами по подавлению мятежа. Уничтожив несколько аулов и казнив некоторых главарей мятежа, Иванов восстановил власть России в Туркестане.

После Февральской революции Иванов покинул Туркестан, командовал 1-м Сибирским казачьим полком Отдельной Сибирской казачьей бригады. В Белом движении — по рекомендации генерала Флуга (главы тайной миссии Доб-

ровольческой армии в Сибири), назначен руководителем подпольных антисоветских отрядов в районе Омска, Новониколаевска, Петропавловска, а несколько позже — всей степной Сибири. Вот тут-то Иванов принял псевдоним «Ринов», который так и остался в его фамилии.

В июне 1918 года возглавил антисоветский мятеж в Омске и после изгнания сторонников Совдепа из города начал формировать Степной корпус, став его командиром. Корпус разгромил силы «красных» на значительной части территории степной Сибири.

Занимал должности военного министра Временного Сибирского правительства и командующего Сибирской армией.

В начале 1918 выехал в командировку в районы Дальнего Востока с целью объединить все военные организации и части и реорганизовать их в армию «сибирцев».

Атаман Семенов в Чите и генерал Хорват во Владивостоке и Харбине в результате переговоров с Ивановым-Риновым признали власть «омского» правительства. Но пока генерал ездил, новым военным министром стал адмирал Колчак. Генерал узнал об этом по телеграфу. Оставалось только скрипнуть зубами. Однако после провозглашения адмирала Верховным правителем России Иванов-Ринов одним из первых заявил о признании его в этом качестве. А дальше пошла чехарда с назначениями, переназначениями...

Генерал сформировал Отдельный Сибирский казачий корпус. Не успев полностью сформировать корпус, убыл на фронт для участия в боях на реке Тобол. Добился успеха: прорвав фронт в начале наступления, его конница вышла в тылы Красной армии.

Однако развить успех не удалось, и за невыполнение приказа совершить рейд на Курган по тылам противника

П. П. Иванов-Ринов

снят с командования корпусом, но через пять дней восстановлен... Перемещен на должность помощника по административной части командующего Восточным фронтом Сахарова. Вместе с Сахаровым поездом покинул Омск, и на станции Тайга оба были арестованы генералом Пепеляевым «за измену».

Стоял декабрь 1919 года — части колчаковской армии откатывались на Восток.

Через три дня Сахаров с Ивановым-Риновым были освобождены новым командующим — генералом Каппелем.

В боях под Красноярском в январе 1920 года «красные» разгромили штаб Каппеля. Иванов-Ринов скрылся в лесу, около двух месяцев находился на нелегальном положении в захваченном «красными» Красноярске.

В конце концов в октябре 1922 года уехал в Корею, затем в Китай. В 1925 году вернулся в СССР. И с этого времени о его судьбе ничего не известно. Видимо, «нахождение на нелегальном положении» в «красном» Красноярске окончилось обычной вербовкой ЧК. По некоторым данным, генерал доехал только до Новониколаевска, где после допросов и был расстрелян...

Еще один персонаж, чья судьба «зацепилась» за наш город, весьма колоритен. Профессор-химик Илья Ильич Иванов.

Илья Збарский (многолетний начальник «лаборатории при Мавзолее Ленина», сын первого балзамировщика тела вождя Бориса Збарского), писал в воспоминаниях про Иванова: «Илья Ильич обратился в органы и поклялся, что его отец ни в чем не виноват и арестован по ошибке. В результате... его тоже арестовали, но пробыл он в заключении всего три года, после чего работал в Новосибирске, так как въезд в Москву ему был запрещен»

Илья Ильич, так же, как и его отец, биолог Илья Иванович Иванов, был участником, пожалуй, самой наглой и дорогостоящей «научной» аферы за все годы существования СССР.

В 1926-27 годах афера папы и сына обошлась казне в 291 912 долларов. Это были еще «те» доллары — никуда не падающие и являвшиеся самой дорогой в мире валютой. На эти деньги семейка хорошо ездила по Африке и хорошо отдохнула в Европе. Выделялись доллары им, однако, в полунищей стране не на туризм и не на отдых. Дальше уже идет откровенная «булгаковщина». Деньги на «экспедицию» выделялись для обеспечения проведения опытов по скрещиванию человека с обезьяной. Этим

Иванов-старший бредил еще с 1910-х годов.

Правда, тогда возмутилась церковь, и денег «на опыты» не дал никто. Но вот в советское время... Пробивной был человек Иванов-старший!

Комиссия, созданная при научном отделе Совнаркома СССР, приняла решение: «Присоединяясь к постановлению физико-математического отделения всесоюзной Академии наук от 30 сентября 1925 г. относительно большого научного значения намеченных проф. И. И. Ивановым опытов по межвидовой гибридизации на антропоидах, Комиссия полагает, что опыты межвидовой гибридизации на антропоидах должны быть продолжены проф. Ивановым в Сухумском питомнике обезьян, как между отдельными видами обезьян, так и между обезьянами и человеком; опыты должны быть обставлены всеми необходимыми предосторожностями и протекать в условиях строгой изоляции женщин, исключающей возможность естественного осеменения; опыты должны быть поставлены на возможно большем числе женщин...»

Появилась перспектива выведения послушных работников, «пашущих» буквально «за похлебку». Неплохая замена вечно недовольному крестьянству!

...Про эти «экспедиции» написано много и по-разному. Удалось найти чудом сохранившийся номер ленинградской «Красной газеты» (вечерний выпуск, 19 декабря 1927 года), где опубликовано выступление Иванова-старшего на Съезде зоологов, анатомов и гистологов — своеобразный «отчет». Он, честно говоря, потрясает.

«Понадобилось снарядить экспедицию в Зап. Африку... Сначала решено было произвести опыты в филиале Пастеровского института во Французской Гвинее. Но уже из разговоров с директором этой станции в Париже выяснилось, что там нет необходимых условий...

Пришлось попытаться достать взрослых обезьян... Несмотря на распоряжение французского губернатора, взрослых обезьян достать так и не удалось. К тому же наступил сезон дождей, когда охота прекращается...»

Второй раз проф. Иванов выехал во французскую колонию в город Канакри...

Проф. Иванов со своим сыном направились вглубь Африки... В лесах, по краям дороги кишат гиены, леопарды, ядовитые змеи. Пришлось идти пешком по тропинкам или же «путешествовать» в гамаках, которые на бамбуковых палках несут два негра (!!! — А. К.) Итог? «Из 12 обезьян до Марсея погибли две, а по дороге в Сухум почти

все погибли. Доставлены живыми были только две, и эти вскоре умерли. Вскрытие осемененных обезьян показало, что зачатия у них не произошло...

Свои опыты проф. Иванов считает лишь только началом работ по решению интересной и сложной проблемы — скрещивания человека с обезьяной».

Профессор, правда, не уточнил один момент — в «сезон дождей» он с сыном объехал всю Европу «в познавательных целях».

Из всех воспоминаний об экспедициях Иванов-младший смог сказать своему другу Збарскому только одно: какая там замечательная охота!

Иванову-старшему в 1930 году дали пять лет ссылки в Казахстане. При этом он работал по специальности в местных вузах, умер в 1932 году от кровоизлияния в мозг.

В Новосибирске Иванов-младший не проявил себя абсолютно ничем. Он не упоминается даже в «Энциклопедии «Новосибирск». Вероятно потому, что у нас в городе проблемы и с обезьянами, и с неграми, перетаскивающими псевдоученых в гамаках.

«Железные маски» Новосибирска

Термин «железная маска» появился в Европе в самом начале XIV века. Опасному для власти арестованному в тюрьме надевали железную маску — и человек терял всё. Лицо, имя, биографию... Превращался в «просто заключенного». Выражение стало нарицательным.

Своеобразные «железные маски» были и в Новосибирске. Среди них — «просто преподаватель» Борис Базилевский и «просто специалист по рабочему снабжению» Николай Муралов. Эта «простота» и была их «железной маской».

28 февраля 1945 года на второй полосе газета «Советская Сибирь» в подборке местной значимой и мало-значимой хроники сообщила: «Закончилась IV учебно-методическая конференция Новосибирского педагоги-

ческого института. На конференции были заслушаны доклады доцента Г. Я. Гольдорт — о путях повышения эффективности лекций, профессора Б. В. Базилевского — о системе практических занятий в педвузе и доцента А. А. Шейна — о самостоятельной работе студентов. Доклады вызвали оживленные прения».

Студенты и преподаватели пединститута вряд ли знали, что слова «простого профессора» Базилевского меньше чем за год до этого, 26 января 1944 года, обширно цитировала самая главная газета страны — «Правда», а со ссылками на нее в переводе — все информационные агентства мира.

Спустя некоторое время, в начале июля 1946 года, Базилевского снова упоминали на всех языках все мировые СМИ. Причем такой повышенный интерес к словам новосибирского профессора астрономии вызвали отнюдь не его идеи «о системе практических занятий в педвузе».

Там, в «другой жизни», которой он до конца дней своих искренне боялся и пытался не вспоминать, кем он только не был!

Профессором астрономии в Смоленске, вице-бурго-

мистром Смоленска во время немецкой оккупации...

Свидетелем сначала советской комиссии 1944 года по «катынскому делу», затем, в 1946 году, — свидетелем обвинения с советской стороны на Нюрнбергском процессе против главных нацистских преступников. О срочной служебной командировке за границу в 1946 году вряд ли осталась запись в личном деле «простого профессора», которого незадолго до этого без лишних вопросов приняли в Новосибирский пединститут, находившийся тогда в небольшом здании на Комсомольском проспекте.

Вы только представьте себе оформление трудовой книжки в пединституте и неизбежный вопрос по поводу предыдущего места работы. «Да я тут вот... в Смоленске...»

Статус «новосибирского профессора астрономии» стал для Базилевского его «железной маской» на долгие годы.

«Катынское дело» — это расстрел польских офицеров, захваченных Красной Армией во время «освободительного похода» 1939 года. Их в Катыни под Смоленском расстреляли то ли немцы после оккупации в 1941 году, то ли советские спецслужбы еще в 1940-м... «Катынские» могилы поляков в присутствии свидетелей раскапывали то немцы весной 1943

Площадь Сталина, 1930-е годы

года, то советская сторона в начале 1944-го.

Смоленский вице-бургомистр Базилевский (он же — новосибирский профессор) дал достаточно путаные показания, обвиняющие именно немцев, что советской Специальной комиссии, что Нюрнбергскому трибуналу.

Ссылался он на некую информацию, услышанную им от смоленского бургомистра Бориса Меньшагина, известного до войны в Смоленске адвоката. Меньшагин, который ни в каких карательных акциях против мирного населения замешан не был, получил 25 (двадцать пять) лет тюрьмы по приговору советского суда, отсидев их полностью. Он искренне не мог понять, о чем его спрашивали на допросах «по Катини», и абсолютно честно говорил всем о том, как горуправа Смоленска помогала немцам во вскрытии катынских могил.

После своего освобождения, впервые увидев «мировой значимости» показания бывшего своего «по Смоленску» заместителя, он достаточно вяло удивился. Хотя что ему, спустя четверть века тюрьмы, были Смоленск, Катинь и Базилевский?

Смоленский вице-губернатор Базилевский не «сидел» ни дня. В истории Новосибирского пединститута он остался «просто профессором». Говорят, правда, что он очень не любил фотографироваться, а также пытался избегать институтских «посиделок».

А вот другой новосибирской «железной маске», Николаю Муралову, повезло меньше. О казни его было объявлено всенародно. Он — один из главных подсудимых на самом «незаметном» политическом процессе 1930-х годов. На так называемом «Процессе по делу параллельного антисоветского троцкистского центра», состоявшемся 23-30 января 1937 года.

Кто теперь помнит Муралова? В поэме Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин» так описывался последний путь тела усопшего вождя до Мавзолея:

*Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший
наш,
чей-то голос —
как будто Муралова:
«Шагом марш!»*

В последние дни своей жизни Муралов мог прочитать совсем иные стихи со своей фамилией. Еще до приговора «Правда» печатала 26 января 1937 года Алексея Суркова:

*Вот все они — лакеи генералов,
Шпики по крови и друзья штиков, —
Серебряков, Сокольников, Муралов,
Двуличный Радек, подлый Пятаков.*

Основные «герои» процесса были зарифмованы. Муралов — один из главных оппонентов Сталина во внутрипартийных дискуссиях конца 1920-х годов.

В 1917 году именно он, член партии с 1903 года, обеспечил большевикам «победу революции» в Москве. После чего был командующим Московским военным округом, Генеральным инспектором Красной Армии, а с 1928 года был за открытую поддержку Троцкого изгнан из Москвы, то есть, как сообщает один из справочников, «переведен на хозяйственную работу в Сибирь, занимал незначительные должности».

Январский политический процесс 1937 года потому и оказался всеми как бы забытым, что состав обвиняемых на нем «не блистал».

До этого был процесс Зиновьева и Каменева, после этого — Рыкова и Бухарина...

На этом процессе «вчерне» была отработана простая схема, которую потом стране надо было усвоить. Оппозиция в партии — это ее предательство. А предательство партии — предательство страны. Отсюда — шпионаж, диверсии, террор. За всем этим стоит Троцкий (некое inferнальное зло, что-то вроде нынешнего Усамы бен Ладена).

Муралов понадобился на «промежуточном» процессе в качестве связки между «политическими подонками» в Центре на более-менее крупных постах, а также более-менее «подходящими» в качестве террористов и вредителей персонажами «на местах».

А также — и шпионов. Он был наиболее удобной фигурой. Потому что числился Муралов в новосибирской ссылке «начальником сельхозотдела Управления рабочего снабжения «Кузбасстроя». Его «подельники-террористы-шпионы» на процессе числились, в основном, «по Кузбассу».

Кузбасс тогда административно входил в Сибкрай, столицей которого был Новосибирск. И как-то так удачно «бывшего» Муралова в Новосибирске поселили. По адресу: ул.

Октябрьская, 52-10. Напротив — жилкомплекс (гостиница и жилой дом) «Динамо», то есть «дом НКВД». Рядом с этим «полуспортивным» по наименованию зданием — дом на Октябрьской, 47 (консульство нацистской Германии). Что пригляд, что «доказательства по шпионажу» — все под боком.

А вот непосредственно по соседству, буквально «через стенку», у Муралова — управление НКВД, их технические службы, а также то, что те, кто там был, по своей абсолютно, конечно, неграмотности, называют «внутренней тюрьмой НКВД».

Это же всего лишь «следственный изолятор»...

Адрес «мураловский» остался только как адрес.

Сегодня по Октябрьской, 52 — офисное здание. Старую застройку снесли.

В «смертных списках» Донского крематория Москвы, где после казни зарывали пепел, Николай Муралов числится под своим новосибирским адресом. И, как ни странно, даже и здесь в качестве «железной маски», «просто узника» — «нач. сельхозотдела Управления рабочего снабжения «Кузбасстрой» в г. Новосибирске».

А разницы, пожалуй, никакой...

«Служили два товарища — ага...»

Песня из одноименного к/ф

С советским периодом истории города оказались связанными имена многих бесспорно исторических личностей. В частности — Мартемьяна Рютин и Роберта Эйхе. Первый из них Советскую власть в Новониколаевске восстанавливал, второй ею же в Новосибирске (и практически во всей Сибири) после руководил.

Рютин стал создателем и руководителем единственной реальной подпольной антисталинской организации в СССР, а Эйхе — инициатором создания внесудебных рас-

стрельных «троек».

Биографии у обоих оканчиваются одинаково — «репрессирован... реабилитирован».

В партию большевиков Рютин, служащий иркутской мелочной лавки, вступил в 24 года, в 1914 г., буквально перед призывом в армию. Однако до фронта не добрался — служил в Харбине, в охране КВЖД, окончил школу прапорщиков. В сентябре 1917 г. — председатель объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов Харбина, председатель Харбинского комитета РСДРП(б). Чуть-чуть подождать — и Мартемьян Никитич вполне мог оценить прелести песни «Привет, эмигранты! Свободный Харбин!». Однако он, обнаружив незаурядные организаторские таланты, нашел применение им на территории России.

В 1918 г. прапорщик Рютин уже командует войсками Иркутского военного округа, с марта 1918 г. — он на посту зампреда Иркутского губисполкома. Его стихия, его призвание — организационная работа в рядах партии большевиков, причем — на любых постах и в любых условиях.

Именно благодаря этим качествам Рютин был летом 1919 г. послан на подпольную работу в «белый» Новониколаевск. Разгромленная в результате непродуманных действий своих руководителей новониколаевская организация большевиков тогда практически прекратила свое существование. За короткое время Рютин «переломил» ситуацию. В результате его работы вторгшиеся в город 13 декабря 1919 г. около 60 бойцов 27-й дивизии 5-й армии «красных» были поддержаны организованными и вооруженными «рабочими дружинами» в количестве около 400 человек, — и город пал.

Умело организованная Рютиным пропаганда «стреляла» не хуже винтовок: «Несколько тысяч солдат из эшелонов, расположенных на станции (Новониколаевск, — А.П.), в ходе митинга... заявили о своем нейтралитете» («Хроника Новосибирской организации КПСС», Н., 1988, с. 112).

Рютин занимался организацией новой власти в городе — созданием ревкома и перерегистрацией уцелевших городских коммунистов. А также обеспечением повседневной жизни города. Включая снабжение горожан продовольствием и захоронение тысяч трупов жертв эпидемии тифа...

В биографии Рютин было и участие в подавлении Кронштадтского мятежа в 1921 г., и личное участие его, секретаря Краснопресненского райкома ВКП (б) г. Москвы, в избииении лидеров троцкистской оппозиции на де-

монстрации в ноябре 1927 г. Кандидат в члены ЦК партии Рютин, получивший этот пост за свой активный «антигроцкизм», во время очередных «внутрипартийных разборок» неосмотрительно поддержал не Сталина, а Бухарина.

И из Москвы был «выслан» уполномоченным ЦК по организации хлебозаготовок в Казахстан и Восточную Сибирь. Разногласия, конечно, разногласиями, но организовывать коллективизацию кому-то было надо...

В 1932 г. Рютин (к тому времени из партии уже за предложения «сместить Сталина» исключенный, арестованный, освобожденный и в партии восстановленный) был арестован по обвинению в создании подпольной организации «Союз марксистов-ленинцев».

В написанном им «Обращении ко всем членам ВКП(б)» говорилось: «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис... Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее».

Единственная попытка создания антисталинского подполья провалилась. Даже НКВД сумело насчитать

Р.И. Эйхе

М.Н. Рютин

среди непосредственных участников «Союза» на весь Советский Союз всего чуть больше 20 человек. Рютин получил 10 лет лагерей, а в 1937 г. — расстрелян. Но организация, хоть и «карликовая», — была.

В начале 1934 г., выступая на XVII съезде партии, о Рютине вспомнил «генсек всея Сибири» Роберт Эйхе: «Рютин и другая контрреволюционная сволочь... пытались создать себе возможность двурушническими методами бороться против партии».

Одногодок Рютина (тоже 1890 г. рождения), уроженец Латвии Эйхе появился в Новониколаевске — Новосибирске несколько позднее Рютина, когда стараниями будущей «контрреволюционной сволочи» в городе были восстановлены и большевистская парторганизация, и Советская власть, и создан ревком.

Хотя биографию имел не менее яркую. Роберт Индрикович вступил в ряды большевиков в 15 лет в 1905 г., а уже в 1908 г., спасаясь от ареста, эмигрировал в Англию (ох уж эти «драконовские меры проклятого царского режима»!).

Так что, помимо партийной работы, единственная специальность у Эйхе была — «ученик в кузнечной мастерской» (И. Ф. Цыплаков. «Имя на карте города». Н., 2001, с. 255). Но и помимо партработы «молотил» «ученик кузнеца» буквально «с плеча». Специализировался по крестьянству — с 1919 г. наркомпрод Латвии, заместитель Челябинского губернского продкомиссара, организатор продотрядов в Туле. Замнаркома продовольствия Киргизии, уполномоченный наркомпрода в Ростове-на-Дону. В 1922-1923 гг. — продовольственный комиссар Сибири.

В 1923-1924 гг. зам. наркома продовольствия РСФСР. «Организатор ограбления деревни, конфискации продовольствия, а также карательных экспедиций для борьбы с протестовавшими против продразверстки крестьянами» (Биографический энциклопедический словарь «Империя Сталина», М., 2000, с. 505). С 1924 г. специалиста по «работе с селом» перевели в Новониколаевск — Новосибирск.

Впереди было масштабное выселение в Сибирь «кулаков» и выкачивание из Сибири хлеба.

Эйхе — зампреда Сибревкома, председатель Сибкрайисполкома, руководитель партийной организации (Сибкрайкома, ЗапСибкрайкома, Новосибирского обкома). Одновременно — член ЦК и кандидат в члены

Политбюро ЦК компартии. В Новосибирске с 1933 г. его имя носят Эйхевский район и железнодорожная станция «Эйхе» (сегодня — Первомайский район и станция «Инская»).

Методы работы — простые. Телеграмма Эйхе Сталину от февраля 1933 г.: «Считаем возможным весной, летом 1933 г. принять, устроить на Нарымском и Тарском Севере 500 тыс. спецпереселенцев».

Именно Эйхе предложил Сталину идею внесудебных «троек» (секретарь обкома, облпрокурор, начальник облУНКВД) для вынесения расстрельных приговоров «врагам народа». И — запросил только на 1937 г. «лимит» в 10 тыс. человек для осуждения «тройками». Осуждено из них к расстрелу (за подписью Эйхе) 3230 чел. (Энциклопедия «Новосибирск», Н., 2003, с. 991).

Совершенству предела не было: на Западно-Сибирской партконференции 7 июня 1937 г. Эйхе поставил задачу: «Враги разоблачены еще не все, надо всемерно усилить работу по разоблачению троцкистско-бухаринских бандитов». Арестован Эйхе был в апреле 1938 г., на следствии ему сломали позвоночник, выбили глаз.

В последнем слове на суде он сказал: «Я умру с верой в правильность политики партии (читай — Сталина, — А. К.), как верил в нее на протяжении всей своей работы».

Два товарища, работавшие в одной партии и служившие одним идеалам. Одногодки. Советскую власть устанавливали, хлеб у крестьян отбирали.

Только у товарища Эйхе после его реабилитации в 1956 г. в Новосибирске вместо «именного» района хотя бы улица «персональная» появилась.

У товарища Рютина, реабилитированного в 1988 г., в городе нет ничего. В отличие, скажем, от австрийского композитора Франца Шуберта, улицей имени которого счастлив Ленинский район.

Оба — и Эйхе, и Рютин работали в Новониколаевске. Один в Сталина верил, а другой разуверился. Расстреляны оба в Москве, могил у обоих нет — тела сожжены в одном и том же крематории в Бутово.

Пепел — улетел. Оба — реабилитированные «жертвы сталинских репрессий».

И в чем разница?

Новосибирские страницы «пакта Молотова-Риббентропа»

За годы Отечественной войны Новосибирск стал крупнейшей промышленной базой для снабжения Красной Армии боеприпасами. Не зря город неофициально называли «сибирским арсеналом».

Интересно, что свой вклад в это внес и договор о ненападении между СССР и Германией 1939 года, известный как «пакт Молотова-Риббентропа».

Пожалуй, основной «головной болью» советской промышленности в годы индустриализации была острая нехватка современного оборудования и обученных кадров. И если вторую проблему все же удалось решать (в частности — за счет введения системы фабрично-заводского обучения), то со станками (особенно металлообрабатывающими) было плохо, их нехватка была почти катастрофической.

Лучшие во всем мире станки выпускались в 1930-е в Чехословакии компанией «Шкода». Их закупали за валюту. Но...

В марте 1939 года Чехословакия была оккупирована Германией и превращена в «протекторат Богемии и Моравии». Собственно, именно с выяснения судьбы советских заказов на «Шкоде» и начались германо-советские контакты по нормализации отношений двух стран.

Советник германского МИДа д-р Шнурре докладывал в меморандуме о беседе с советским поверенным в делах в Берлине 5 мая 1939 года: «Я сообщил ему, что мы согласны, в соответствии с запросом его полпреда, соблюдать советские контракты с заводами «Шкода» о поставках... Астахов был заметно удовлетворен этим заявлением и подчеркнул тот факт, что для советского правительства материальная сторона вопроса не имела такой большой важности, как принципиальная». С вопроса о станках «Шкода» все и завершилось.

Уже 19 августа в Берлине было подписано торгово-кредитное соглашение двух стран. В редакционном комментарии «К советско-германскому Торгово-кредитному соглашению» 21 августа 1939 года «Правда» с удовлетворением писала: «По этому соглашению Германия предоставляет СССР кредит в размере 200 миллионов германских марок для закупки в течение двух лет с момента подписания соглашения германских товаров, главным образом станков и другого оборудования.

Со своей стороны, СССР поставит Германии в течение того же срока различных товаров на сумму 180 миллионов германских марок. Соглашение предусматривает также обязательство германского правительства содействовать Торговому Представительству СССР в Германии в размещении заказов, в достижении благоприятных сроков выполнения этих заказов фирмами и высокого качества поставляемых машин и оборудования. В свою очередь СССР взял на себя обязательство обеспечить поставку Германии обусловленных соглашением количеств советских товаров...»

23 августа 1939 года в Москве, в присутствии Сталина, министр иностранных дел Рейха Риббентроп и председатель Совнаркома СССР Молотов подписали тот самый договор. «Взаимовыгодное сотрудничество» вступило в силу. И после совместного разгрома Польши из Германии в СССР пошли поезда — с новенькими станками «Шкода».

Одним из самых главных «пунктов назначения» был Новосибирск.

Здесь станки уже ждали, готовили под них площадки и цеха. Создавался крупнейший центр оборонной промышленности — «Сибсельмаш», он же — «Сибкомбайн», он же — комбинат № 179 наркомата боеприпасов СССР.

Секретарь Новосибирского обкома партии Пуговкин докладывал секретарям ЦК партии Андрееву и Маленкову 16 марта 1940 года: «Строящийся в Новосибирске крупнейший комбинат боеприпасов № 179 включает в свой состав целый ряд крупных производств: ...второе снарядное на оборудовании фирмы бывш. «Шкода» с производительностью 2 млн штук 122-152 мм снарядов...

В систему комбината включено в 1939 году второе снарядное производство на оборудовании бывш. «Шкода». По договору с фирмой оборудование вместе со специалистами начнет прибывать на комбинат с апреля месяца этого года. Производственных же площадей для этого производства нет. К строительству их только приступлено».

Начальник строительства комбината № 179 Полухин со-

Подписание пакта Молотова-Риббентропа

общал секретарю Новосибирского обкома партии Пуговкину 18 июля 1940 года: «Нарком боеприпасов тов. Сергеев, основываясь на постановлении Комитета обороны при Совнаркоме СССР № 256 от 13 июня 1940 года, приказал мне привести в следующее состояние важнейшие объекты комбината № 179, прокатного завода и ТЭЦ: объект № 1 — снарядное производство, закончить в 4 квартале 1940 года на 50% мощности по мелкому калибру (76 мм), на 65% по среднему калибру (122 мм), на 75% по крупному калибру (152 мм); объект № 4-А — снарядное производство на «шкодовском» оборудовании, закончить в 4 квартале с. г. на 100% мощности... 1-й цех прокатного завода закончить в строительной части под монтаж к 1 октября 1940 года и смонтировать оборудование к 1 января 1941 года».

Но, несмотря на все жалобы начальника строительства Полухина, терпение у обкома лопнуло. В постановлении бюро обкома партии от 3 июля 1941 года говорилось: «Бюро обкома, отмечая явно нетерпимое отношение к решению

партии и правительства, требует от т. Полухина выполнить в срок мероприятия, намеченные по наращиванию мощностей, и в последний раз предупреждает, что если графики по наращиванию мощностей им будут вновь сорваны и заводы не получат возможность развернуть работу на намеченную мощность, он будет привлечен к уголовной ответственности»...

...А навстречу поездам со «шкодовским» оборудованием шли через Новосибирск, в направлении на Запад, в Германию, поезда со стратегическим сырьем, которое СССР закупал по условиям договора в третьих странах.

Экономический советник МИД Германии д-р Шнурре писал 15 мая 1941 года: «Транзитная дорога через Сибирь пока еще в действии. Поставки сырья из Восточной Азии, в частности каучука, перевозимого в Германию по этой дороге, продолжают быть существенными (в течение апреля — 2000 т каучука специальными составами и 2000 т обычными сибирскими поездами)».

Поставленные из Германии в Новосибирск станки «Шкода» честно работали на Победу. За годы войны «Сибсельмаш» выпустил 48 миллионов снарядов, а также мины, авиабомбы, ракеты для «Катюш».

Ну, а кому в результате аукнулся тот самый «пакт» — всем известно.

Вот и встретились два «Василия»...

Почти сто лет назад на перроне новониколаевского вокзала случайно встретились два человека.

Прибывал поезд с освобожденными ссылными, и на перроне устроили митинг. Один из организаторов и участников митинга, которого в партии хорошо знали по псевдониму «Василий», — Петр Коваленко, первый новониколаевский большевик. Один из проезжающих тоже носил когда-то псевдоним «Василий», теперь его звали Сталин. Это была первая их личная встреча, но заочно они знали друг друга очень даже хорошо. И — относились к делам друг друга с большой ревностью.

Для одного из них встреча оказалась роковой.

Собственно, как и у всех профессиональных революционеров, у Петра Коваленко в биографии — сплошная путаница с датами. Что делать — специфика профессии.

В «Энциклопедии «Новосибирск» Коваленко — 1889 года рождения.

В списках тех, чей прах был после расстрелов в середине 1930-х захоронен у Донского монастыря в Москве, — 12 декабря 1888 года. Впрочем, до Донского еще надо было дожить...

Харьковский студент-технолог, первокурсник Коваленко, придя в социал-демократическую подпольную организацию, взял себе неброский псевдоним «Василий». Стал создателем и руководителем боевой группы подпольщиков. Первая же акция группы прогремела буквально на всю страну — они совершили экспроприацию местного отделения Волжско-Камского банка.

Причем прошла вся акция с ювелирной точностью, с минимальным количеством жертв — несколько раненых. А в кассу партии поступили сотни тысяч рублей. Экспроприированные в таких акциях средства использовались для закупок оружия, содержания профессиональных революционеров, создания нелегальных типографий, помощи семьям арестованных. «Эксы» были обычной практикой для революционных партий того времени — что эсеров, что эсдеков. И в боевые группы шли самые преданные, самые убежденные, самые надежные.

В 1906 году Коваленко при аресте оказал вооруженное сопротивление, ранил двух жандармов. В итоге — был осужден, четыре года (с 1906 по 1910 годы) сидел в Александровском центральном. Был отправлен в ссылку, откуда бежал в 1911 году. Прибыл в Новониколаевск, жил в гостеприимном доме революционеров Шамшиных. Даже сотрудничал в местной газете «Обская жизнь», а также организовал и возглавил местную организацию социал-демократов.

В агентурных сведениях Томского губернского жандармского управления сообщалось, что «во главе организации стоит Василий (Коваленко. — А. К.). Члены местной организации разбиты на четыре или пять кружков по шесть-восемь человек в каждом. Занятия в них ведутся регулярно. Большинство членов — рабочие. Организация самостоятельная и находится в сношениях с Томской и Барнаульской». («Хроника Новосибирской организации КПСС», т. 1, 1988 год).

В 1912 году — новый арест и новая ссылка.

Однако в партии имя его гремело — как «товарища

Василия», организовавшего Волжско-Камский «экс». Ну не знал, не знал студент-первокурсник, что в партии есть уже один «товарищ Василий»! И уж тем более не знал, что его «работа» вызвала откровенную зависть.

На Кавказе, где шло большое количество экспроприаций (причем — с большой кровью) непосредственно боевыми группами руководил Камо (Тер-Петросян), а уж им-то руководил Коба (Сталин). И ему, естественно, хотелось показать, кто больше сделал для партии по добычанию средств. А тут — конкурент, причем удачливый. У Сталина была очень хорошая память — он запоминал псевдонимы, фамилии...

Особенно тех, кто, так или иначе, перебежал ему дорогу. После того как пошла слава про Волжско-Камский «экс», Сталин псевдонимом «Василий» больше не пользовался, но вот того «Василия» — запомнил.

...Коваленко вернулся в город незадолго перед Февральской революцией 1917 года. Руководил профсоюзом грузчиков. Его, многократно сидевшего, мужики слушали охотно — он говорил простым, понятным языком. Ему — верили. Он называл себя большевиком («наверху» партия уже раскололась), объяснял, за что они выступают.

Но местная-то организация эсдеков все еще оставалась

единой. И газета «Голос Сибири», ее орган, печатала сообщения, что никакой партии большевиков в городе нет.

У «Василия» — Коваленко — были свои взгляды на этот счет. Его избрали секретарем Вокзального райкома — партийной ячейки в самом пролетарском, рабочем районе города.

Именно при нем эта самая крупная парторганизация стала большевистской. Меньшевикам тут делать было нечего.

В августе 1917 года Коваленко как представитель новониколаевских социал-демократов участвовал в Объединительном съезде РСДРП, и именно после его выступления и демонстративного ухода окончательная черта под расколом меньшевиков и большевиков была подведена. В сентябре «партийный развод» состоялся и в Новониколаевске.

С начала октября Коваленко — один из редакторов большевистской газеты «Рабочий». С начала декабря — секретарь городского комитета партии большевиков. После переворота чехословаков и «сибирцев» в мае 1918 года перешел на такое привычное нелегальное положение.

После восстановления Советской власти возглавил 4 мая 1920 года Новониколаевский уездный ревком. По-

Новониколаевский железнодорожный вокзал

том, как туманно сообщает та же «Энциклопедия «Новосибирск», «работал в редакции «Правды», преподавал в столичных вузах. В 1937 году репрессирован и расстрелян». Все так и не совсем так.

Коваленко был исключен из партии в 1935 году — шла «первая волна» после убийства Кирова. Преподавал в Московском инженерно-строительном институте (видимо, кто-то вспомнил о незаконченном образовании технолога).

На смертный путь его повели из московской квартиры № 19 в доме 2/14 в Брюсовском переулке. Расстрелян 5 октября 1936 года.

У него почему-то не сложилась жизнь после той роковой встречи на вокзале в Новониколаевске в 1917 году — когда один «Василий» и другой бывший «Василий» впервые увидели друг друга воочию. Коваленко не повезло — его представили как «тот самый Василий, что Волжско-Камский «экс»...

Еще раз повторю — у Сталина была хорошая память. И он очень не любил, чтобы у него кто-то что-то отбирал. Даже один из многочисленных псевдонимов.

...В 1931 году Емельян Ярославский (хорошо, кстати, знавший Коваленко по работе в Сибири) подготовил очередное издание «Краткой истории ВКП(б)». Сталин почитал, почиркал, выкинул вообще упоминание о Волжско-Камском «эксе». А заодно — про его организатора «Василия». «В истории партии двух «Василиев» быть не может. Да и про «экс» — поменьше. Это если верить легенде.

Но книга вышла. И как доходит до описания «экс» — начинается скороговорочка. Без имен. Конечно, все потом поправил «Краткий курс истории ВКП(б)», установивший, наконец, официальную историю.

А то надо же, что Ярославский допускал! «Иногда под видом партийных экспроприаторов совершали налеты самые обыкновенные уголовные бандиты» («Краткая история ВКП(б)», М., 1931 год). Как говорится — на кого это вы, товарищ, намекаете? Книгу потом, естественно, из библиотек изъяли.

В годы Великой Отечественной Сталин для особо секретных телеграфных переговоров с командующими взял себе псевдоним «Васильев» (!).

Но это, конечно, другая история.

«Сталин и др.»

«Я научу вас свободу любить!»

Старая каторжанская песня

8 марта 1917 г. на перроне станции Новониколаевск, окруженные многочисленной толпой, стояли пять человек.

Слушая приветственные крики толпы, глядя на красные флаги, они вряд ли могли представить себе свое будущее. И уж тем более — вряд ли могли предположить, что их будущая судьба (как и судьба многих миллионов людей) будет зависеть только от одного из них.

Одним из первых актов Временного правительства после Февральской революции 1917 г. было объявление амнистии политзаключенным.

И в поездах, идущих из Сибири в европейскую Россию, появились новые, неожиданные, пассажиры — политические ссыльные, каторжане. Их было не так много — отнюдь не «тысячи и тысячи», как твердили оппозиционные агитаторы, — но «головную боль» железнодорожникам Транссибирской магистрали они доставили очень большую.

На каждой станции их встречали многотысячные митинги с бесконечными речами и приветствиями, и жесткий график поездного движения каждый раз срывался.

Первыми ехали в столицу наиболее «именитые» узники. 9 марта новониколаевская социал-демократическая газета «Голос Сибири» сообщала:

«Проезд борцов за свободу. Поездом № 1 проехали вчера через станцию Н.-Николаевск член социал-демократической фракции четвертой Государственной Думы товарищ Муранов, товарищи Розенфельд (Каменев), Сталин и др. Еще с утра стала собираться на площадке публика.

Наконец пришел поезд. Железнодорожный комиссар — Пахтусов, члены Совета Рабочих и Солдатских депутатов встретили их. Устроена трибуна. Первым говорил товарищ Муранов. Он приветствовал революционные пролетариат и армию, сообщил, что все города, которые

пришлось посетить по дороге, просили его заявить в Петрограде, что они за демократическую республику.

Он кончил свою речь с призывом к защите лозунгов: демократическая республика, социализм. (Буря аплодисментов.)

Председатель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов товарищ Герман-Каменский от имени всех рабочих и солдат г. Н.-Николаевска приветствовал смелых борцов за свободу. Посылая привет петроградскому революционному пролетариату и революционной армии, уполномочил депутата заявить, что в области внутренней политики они за демократическую республику, в области внешней — за мир, который должен быть заключен демократией всех стран.

Славных борцов приветствовал также член Совета Рабочих Депутатов, представитель от еврейских рабочих и служащих г. Н.-Николаевска — товарищ Фабрикант.»

Совсем скоро подобные события станут привычными, и, скажем, о проезде освобожденной из каторги известнейшей эсеровской террористки Марии Спиридоновой 25 мая новониколаевские газеты сообщат всего лишь двумя строчками, а пока это было беспрецедентное событие.

Атмосферу встреч хорошо передает репортаж корреспондента «Голоса Сибири» «Встреча освобожденных (Картинки дня)», опубликованный в том же номере газеты:

*«Сбейте оковы,
дайте мне волю!
Я научу вас свободу любить!»*

Поезд остановился.

— Они приехали! — проносятся молниеносно по всей площадке.

— Они приехали.

В небольшом зале станции суета. Здесь и там мелькают красные ленты. ...Видно, что необычайная радость охватила всех».

Стоит обратить внимание на иерархию перечисления приехавших в заметке — вероятно, по уровню известности.

Первым — Муранов, причем с официальным думским «титлом» (в ссылку его вместе со все-

ми эсдековскими «думцами» отправили после начала войны в 1914 г.).

Вторым — Каменев, причем и с подлинной фамилией, и с партийным псевдонимом. Сталину осталось третье место — аккуратно рядом с «и др.» и безо всякой подлинной фамилии. Похоже, что в эти «и др.» он не попал каким-то чудом.

Интересно и то, как сложилась судьба людей, стоявших в тот мартовский день на перроне. Со Сталиным — понятно.

В марте 1953 г. Новосибирск, как и вся страна, проводил его заочно в последний путь общегородским траурным митингом. Давка была, но жертв удалось избежать.

Первый председатель новониколаевского Совдепа меньшевик Герман-Каменский в мае 1917 г. уехал в Петроград, работал в ЦИКе.

Вообще-то он Каменский, но, бежав из очередной (кажется, третьей по счету) ссылки, с 1916 г. жил у нас в городе по фальшивым документам на имя Михаила Германа. Отсюда и путаница постоянная.

Моисей Фабрикант — один из руководителей новониколаевских эсдеков, тоже меньшевик, один из создателей местного «Бунда». Меньшевики приветствовали свержение Советской власти в Сибири в 1918 г., Фабрикант в качестве представителя от новониколаевских эсдеков участвовал до ноября 1918 г. в работе Сибирской областной думы.

После колчаковского переворота меньшевики пере-

Вид на площадь имени Эйхе (ныне им. Свердлова), 1930-е годы

шли в оппозицию, однако после возвращения «красных» в легализации им было отказано. Следы обоих — и Германа-Каменского, и Фабриканта — теряются на рубеже 20-30-х годов. Судьбу предположить несложно.

«Депутат Государственной Думы» Матвей Муранов карьеры не сделал. Занимал третье-четвертостепенные должности в партийных и советских органах, и в 1939 г. благополучно ушел на персональную пенсию (умер в 1959 г.). Сталин не любил напоминаний о том, что до Октября он в общественной жизни страны был никем и ничем.

Льва Каменева (тоже, собственно, претендовавшего на первые роли) расстреляли. Его сын, промотавшись по лагерям и ссылкам «за отца», был реабилитирован и с 1963 г. жил и работал у нас, в Новосибирске.

Профессор-историк кафедры философии НЭТИ, автор более полусотни научных работ Владимир Львович Каменев-Глебов скончался в 1994 г., похоронен на Заельцовском кладбище.

...В марте 1917 г. новониколаевский Совдеп, возглавляемый Германом-Каменским, организовывал сбор средств в поддержку возвращающимся амнистированным политическим заключенным. Регулярно публиковались отчеты о расходовании собранных средств — очень скрупулезные.

Вот отрывки из отчетов, опубликованных в «Голосе Сибири» 25 июня 1917 г.: «...На поездку на вокзал и обратно для встречи проезжающих ссыльных — 8 р. 40 коп... Телеграммы и почтов. расходы — 5 р. 88 коп... Уплачено за пару резиновых галош для возвращающегося ссыльного — 7 р. 50 коп., уплачено городской сапожной мастерской за пару сапог — 23 р., за семь пар хромовых сапог для т. т. ссыльных — 193 р., по счету... за пальто для ссыльного т. — 100 р., за одеяло — 13 р.».

О том, получил ли амнистированный Сталин на вокзальном перроне хромовые сапоги от новониколаевского Совдепа, история умалчивает.

Строительство Дворца науки и культуры, 1940-е годы

«Сталинские» курьезы Новосибирска

История города, накладываясь на историю страны, привела к многочисленным курьезам, связанным с именами великих людей.

Сегодня уже, похоже, никто не вздрагивает (а может быть — не обращают внимания) от того, что золотистого цвета мемориальная доска бывшего председателя Совмина СССР Алексея Косыгина со словами «здесь работал...» висит как раз на входе в популярный бар «Планета суши», ресторан «Патти-Пицца» и «Ростикс». С именем Иосифа Сталина в Новосибирске курьезов гораздо больше.

Когда-то проспект Сталина (ныне — ул. Ленина) вливался в площадь Сталина (ныне — пл. Ленина) с величественным видом на строящийся Дворец Науки и Культуры (ныне — Оперный театр). Забавно, что бывшая Базарная площадь в центре города некоторое время называлась Красной, потом — Площадью жертв революции (заметьте — не героев, а жертв!), потом — получила имя Ленина. В конце тридцатых новый вождь на карте города начал побеждать предыдущего, и площадь переименовали.

Однако окончательный триумф для Владимира Ульянова в Новосибирске наступил с волной переименований в октябре 1961 г. Так что теперь ул. Ленина (бывший просп. Сталина) вливается в площадь Ленина (бывшая пл. Сталина) с величественным видом на памятник Ленину и едва различимый за ним Оперный театр.

Вот такую вот «борьбу нанайских мальчиков» заочно разыграли на карте города два вождя.

Не менее примечательна и история с памятником Сталину на перекрестке Красного проспекта и ул. Горького. Жители Новониколаевска на собственные средства соорудили в 1914 г. на этом месте часовню во имя святителя и чудотворца Николая, где молились Отцу Небесному.

После 1917 г. официально было решено, что «владыкой мира будет труд», и часовню снесли. На ее месте, на высоком постаменте встала фигура рабочего-молотобойца. К 1938 г. стало окончательно ясно, кто сегодня Отец Народов, и безымянного молотобойца втихую заменили на Сталина. Постамент даже не меняли.

До 1961 г. бывший рядовой запасного Ачинского полка Джугашвили

Часовня во имя святителя Николая Чудотворца начала XX века, и заново построенная

зорким взглядом регулировал движение в центре города, после пропал вместе с постаментом. Теперь на этом месте снова часовня – все вернулось на круги своя.

Новосибирск, кстати, оказался уникальным местом – здесь, в единственном городе по всей России, со времен Хрущева до времен Ельцина в центре города, у всех на виду, стоял памятник Сталину. В холле отд. № 1 Сбербанка на Красном проспекте.

Конечно, в открытую вождю стоять было невозможно, однако он никогда не стал бы Сталиным, если бы Джугашвили не овладел в совершенстве конспирацией. Справа в холле стоял Ленин, слева... — Киров. Да только вот на «кировском» постаменте легко читались абсолютно другие даты жизни, завершающиеся 1953 г., а горло бронзового «любимца партии» укрывало аккуратный шрам.

В общем, голова Кирова уютно прижилась на сталинском туловище, и до начала 80-х годов ежегодно в декабре и марте кто-нибудь непременно клал на постамент «замаскированного» Сталина красные гвоздики.

Но самая символическая история с именем вождя в Новосибирске, связана с Центральным парком культуры и отдыха (на ул. Мичурина). Он также до 1961 г. носил имя Сталина. Пикантность состоит в том, что это имя было присвоено учреждению, называвшемуся незадолго до этого Кладбищенский сад. Что неслучайно – садик посадили на месте снесенного в 20-е годы городского кладбища.

В общем, своеобразный мемориал получился палачам и жертвам – «Кладбищенский парк имени Сталина». В нем летом и свежее пиво дают, и с детьми на карусели прокатиться можно. А потом и погулять – по косточкам.

После этого не удивляешься, что бывший ДК им. Сталина (прошедший через название «ДК им. Октябрьской Революции») в итоге получил общегородскую популярность под жутковатым названием «Кобра».

Почти Коба – один из подпольных псевдонимов вождя...

Пропагандистский партийный пиларс, 1950-е годы

Тридцать восемь «Чапаевых» для товарища Сталина

— Гляжу я на тебя, Василий Иванович...
недоступный ты для моего разума человек.
Прямо Наполеон.

— Хуже, Петька, хуже.

Х/ф «Чапаев»

Владимир Ленин назвал как-то революцию (без уточнения — какую именно) «праздником униженных и обездоленных». С вождем трудно не согласиться. Любые массовые общественные потрясения в России превращались, в конечном итоге, во всеобщий «праздник непослушания».

А основными героями этого праздника становились люди ярко выраженного авантюрного склада — из тех, про кого говорят, что «им на одном месте не сидится». Лев Гумилев много позднее называл таких «пассионариями».

Не обошлись без таких колоритных персонажей в годы революции и гражданской войны ни Сибирь, ни Новониколаевск.

Одним из таких людей, бесспорно, был Борис Захарович Шумяцкий.

Его биографии хватит на несколько авантурных романов, и если бы его имя в качестве «одного из организаторов борьбы за Советскую власть в Сибири» не попало в энциклопедические справочники, в реальность жизненного пути Шумяцкого верилось бы, мягко говоря, с трудом.

Сын переплетчика из забайкальского Верхнеудинска, он уже в 1903 году вступает в партию большевиков — в 17 лет. Начитавшись книг о пиратах, дальних странах, необычайных и опасных приключениях, его сверстники в начале прошлого века частенько убегали «в моряки».

Сын переплетчика Шумяцкий, начитавшись несколько других книг, убежал «в революцию». Впрочем, на его долю хватило и приключений, и дальних стран, и крови. И для этого абсолютно не понадобилось уплывать «за три моря» в качестве юнги.

В 1905 году, во время первой русской революции, 19-летний Шумяцкий, рабочий Красноярских железнодорожных мастерских и уже опытный партиец, оказался одним из руководителей так называемой «Красноярской республики».

Захваты полицейских участков, перестрелки с полицией и казаками, организация экспроприаций оружия и боеприпасов для вооружения боевых групп революционеров — этим, собственно, и занимался непосредственно Шумяцкий.

Создать на территории Российской империи «одну, отдельно взятую республику» в 1905 году в Красноярске не получилось, но революция все еще продолжалась, и опыт молодого, энергичного партийца Шумяцкого оказался еще как востребованным — в 1907 году он уже оказался одним из руководителей антиправительственного восстания во Владивостоке.

Захваты оружия, столкновения с полицией и армейс-

кими частями — уже привычное, знакомое дело. «Генеральная репетиция» не удалась, и Шумяцкий ненадолго расстается с Россией. Но не с партией. Он — один из организаторов нелегальной большевистской сети в Харбине. Для товарищей, двигавшихся из России после разгрома революции в восточном направлении, в эмиграцию, готовились новые документы и обеспечивался беспроblemный комфортный отъезд; в обратном направлении шла революционная литература, средства и опять-таки оружие.

В конечном итоге отъезжать в эмиграцию пришлось и самому Борису Захаровичу. Правда, в отличие от своих коллег по партии, путь ему предстоял неблизкий. Человека, который имел прямое отношение к доставкам оружия, фальшивым документам и организации боевых отрядов, ввозить в Цюрих, Лондон или Вену — куда-нибудь недалеко — было бессмысленно.

Шумяцкий оказался, похоже, практически единственным партийцем, которого пришлось от царской охранки прятать на другом конце земного шара. В Аргентине.

Там он ознакомился с опытом организации нелегальной и повстанческой работы многочисленных партий, организаций и групп националистического, левого и просто полукриминального толка.

В Россию вернулся в 1915 году, когда, собственно, за «Красноярскую республику» уже отсидели все, кто по закону должен был отсидеть, о его нелегальной работе в течение последних лет никто не знал, да и что с ним делать — тоже. В 1915 году Шумяцкого призвали в армию.

Здесь российская поговорка о том, что «пустили козла в огород», придется как нельзя кстати. Помимо опыта организации нелегальных вооруженных частей, Борис Захарович смог на практике ознакомиться и с организацией регулярной армии.

В 1917 году Шумяцкий — член Всероссийского бюро военных организаций ЦК партии большевиков и, кроме того, уполномоченный большевистского ЦК в Сибири. Фактически — большевистский партийный диктатор с неограниченными полномочиями, да еще и с очень специфическим опытом.

В декабре 1917 года руководит достаточно кровавым советским переворотом в Иркутске, становится председателем Центросибири — «Сибирского Совнаркома», распорядившегося на российской территории от Урала до Дальнего Востока.

Но после подписания Брестского мира Германией на-

строй Шумяцкого резко меняется. Его коллеги по Центросибирю, а также и председатель общероссийского Совнаркома Ленин получают от Шумяцкого письма практически аналогичного содержания: «Дорогие друзья! Сейчас отправляюсь на Украинский фронт с отрядом партизан... Вы хорошо знаете мою левизну, и вот мое мнение о ближайших перспективах советской политики в Сибири. Если в центре утвердятся договор с германским империализмом — то вся советская политика будет определяться давлением из Берлина. Тогда для Сибири только один выход — местной советской власти придется идти по пути сибирского областничества и искать соглашения с американцами со всеми вытекающими последствиями: займами, торговыми договорами и т. д.

Я не смею скрывать перед вами, но это в моем представлении — наилучший выход из наихудшего нашего положения. Если в центре России мыслимо восстание, то в относительно сырой Сибири оно — химера...»

Чтобы сорвать набор в «отряд Шумяцкого», его партийные коллеги пошли на беспрецедентный шаг — секретные по сути и смыслу письма были опубликованы в марте 1918 года в большевистских изданиях и в Иркутске (газета «Власть труда»), и в Красноярске («Рабочекрестьянская газета»).

После «отряд Шумяцкого» просто испарился и, слава Богу, помешать перемирию с Германией ничем не смог — охотников участвовать в этой авантюре не нашлось. Одно дело — участие в секретной акции, другое — непонятно в чем.

Ну а сам Шумяцкий позднее рассказывал, что, дескать, с марта 1918 года он... «трудился в маслодельной артели в Омске».

«Председатель Сибирского Совнаркома»...

По данным официальных справочников, Шумяцкий снова возникает на различных политических должностях

Проспект им. Сталина, 1950-е годы

в Красной армии после июля 1919 года.

А вот по данным фондов бывшего Партархива (КПСС, естественно) Новосибирской области, Шумяцкий (вместе с Екатериной Ковальчук) организовывал незадолго до этого в Новониколаевске центр по снабжению большевистских партизанских отрядов по всей Сибири оружием и боеприпасами (как раз по своему «основному профилю работы»). Правда, упоминание об этом содержится в единственном малотиражном издании — «Хронике новосибирской организации КПСС» (т. 1, Н-ск). В это верится больше, чем во внезапную любовь к маслоделению.

Дальше — председатель Тюменского и Томского ревкомов и, наконец, — министр иностранных дел и председатель Совета министров Дальневосточной республики (ДВР). «Буферная» ДВР (с коалиционным правительством — большевики, эсеры, меньшевики, кадеты и т. д.) была создана в 1920-1922 годах в попытках избежать прямого военного конфликта с Японией, а также чтобы привлечь в страну западный (прежде всего — американский) капитал.

Похоже, тут и вспомнили о «письме Шумяцкого» 1918 года. Хотя по сути ДВР была филиалом большевистской России — даже главкомом и военным министром республики был Василий Блюхер, один из первых будущих мар-

шалов СССР. На Дальнем Востоке Шумяцкий свою задачу, похоже, выполнил, но дальнейшая его биография продолжала выписывать те еще зигзаги. В 1923-1925 годах он — полпред РСФСР в... Персии (Иран).

Что от Сибири, что от Дальнего Востока — путь неблизкий. Затем — член Ленинградского губкома компартии, ректор Коммунистического университета трудящихся Востока. В общем, как писали годы спустя в официальных биографиях и про менее разносторонних деятелей, «на всех постах, куда посылала его Коммунистическая партия, он проявил себя... (и т. д.)»

А с начала 1930-х годов очередной зигзаг биографии привел бывшего боевика, нелегала, эмигранта, дипломата, руководителя «республик» и т. д. Бориса Шумяцкого на пост начальника Главного управления кинопромышленности СССР. И тут он снова попал в историю, да еще в какую — в историю советского кинематографа.

Именно Борис Захарович Шумяцкий лично крутил ручку киноаппарата, демонстрируя товарищу Сталину каждый новый советский фильм перед запуском в прокат — и документальный, и художественный. И он же записывал реплики и замечания Главного Вождя и присутствующих вождей рангом ниже. Собственно, через его руки прошло все, что сейчас называется «классикой советского кинематографа».

В том числе — и бессмертный «Чапаев».

Создателям «Чапаева» — братьям Васильевым — Шумяцкий изрядно подпортил кровь еще до «главного просмотра». Кстати, Георгий и Сергей Васильевы братьями не являлись, просто работали совместно. Одно из требований Шумяцкого — убрать сцену «психической атаки» — Васильевы (за большим количеством других правок) не выполнили, сохранив в фильме этот шедевр.

Ночью 4 ноября 1934 года Шумяцкий впервые показал Вождю новый фильм. Поначалу Сталин отнесся к фильму настороженно. То и дело он отпускал недовольные реплики вроде: «Что за толпа бежит? Отчего шевелят губами, а речь отстаёт?» Переломной стала сцена, где Чапаев спрашивает Фурманова: «А как думает комиссар?»

Сталин на эпизод отреагировал положительно, заметив: «Это он его прощупывает». Остальные эпизоды принимались исключительно на «ура». «Братьев»-однофамильцев, разбудив среди ночи, привезли в Кремль, где их приветствовал Главный Зритель Страны. Воспоминаний «Братьев» о том, что они передумали в ночной поездке до Крем-

ля, не сохранилось. Зато сохранился эпизод «психической атаки» — после просмотра фильм считался утвержденным и пошел в прокат в 16 городах СССР одновременно.

В Новосибирске — в центральном кинотеатре «1-е Совкино» (им. Маяковского) на перекрестке Красного проспекта и ул. Октябрьской.

Однако история о «шумяцких» вкусах разошлась среди литераторов и кинематографистов широко.

Аукнул (очень язвительно и очень неожиданно) спустя годы и «аргентинский» вояж-эмиграция. Остап Бендер, «великий комбинатор» и великий авантюрист, персонаж романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», все время бредит Южной Америкой, да еще и напевает под аккомпанемент неисправной пишущей машинки с потерянными буквами «знойное» танго:

*«Под знойным нэбом Аргэнтины,
Гдэ нэбо южноэ так синэ,
Гдэ жэницины, как на картинэ...»*

Память у Шумяцкого оказалась хорошей, и намек, над которым смеялись все знающие люди, он понял. И отомстил крайне мелко, «не авантюрно».

Фильм «Цирк» знают все, а вот то, что Ильфа, Петрова, как и их соавтора Валентина Катаева — авторов сценария фильма, — вышвырнули из титров с благоволения Шумяцкого, — знают немногие (и, кстати, их фамилии в титрах не восстановили до сих пор).

...Шумяцкого расстреляли в июле 1938 года. Скорее всего — потому, что были и Новониколаевск, и Красноярск, и Иркутск, и Аргентина, и ДВР, и большой опыт работы с оружием и нелегальными документами. И не меньший опыт верчения ручки киноаппарата для товарища Сталина.

До своего расстрела, согласно архивам, Шумяцкий показал товарищу Сталину «Чапаева» 38 раз. Авантюрист, революционер и крайне интересный человек Борис Шумяцкий, вероятно, посмеялся бы, узнав, что в 40 годовщину его расстрела для детей снимут мультфильм «38 попугаев».

Хотя от него-то лично у нас в городе не осталось «даже одного попугайского крылышка». Кроме упоминания в «Хронике новосибирской организации КПСС».

Центр города, 1940-е годы

Пять усмешек судьбы «власовца» Мальцева

«Беседовал я как-то с представителем второй эмиграции. Речь шла о войне.

Он сказал: «Да, нелегко было под Сталинградом. Очень нелегко...» И добавил: «Но и мы большевиков изрядно потрепали!»

Я замолчал, потрясенный глубиной и разнообразием жизни».

Сергей Довлатов, «Соло на IBM»

Через Новосибирск прошли судьбы многих людей — и известных и популярных, и тех, о которых многим хотелось бы просто забыть.

Загогулины их судеб порой странны, порой скандальны, но никогда — стандартны.

Как и судьба Виктора Мальцева — одного из персонажей трагичных и неоднозначных страниц истории последней мировой войны, первого и последнего командующего военно-воздушными силами «Русской освободительной армии» (РОА), известной больше как «власовская армия».

Оставим споры об идеологии «власовского движения» историкам будущего. Были в нем разные люди, разные течения, так что оценки Русского освободительного движения и Комитета освобождения народов России (КОНР, его политическая основа, в подчинении которому и находилась РОА) сегодня полярны буквально «до драки».

Может быть, для лучшего понимания происходивше-

го тогда пригодятся биографии отдельных участников РОА и КОНР? Фактически так называемое «власовское движение» началось еще до пленения немцами генерал-лейтенанта Андрея Власова, да и название РОА — не его изобретение.

Он просто сделал все, чтобы из названия превратить РОА в реальность. И был он далеко не один. Вместе с ним работали большая группа бывших высших офицеров Красной Армии. Одним из первых «власовцев» можно считать полковника советской авиации (в РОА — генерал-майора) Виктора Ивановича Мальцева.

Уроженец Гусь-Хрустального (Владимирская область), Мальцев до войны сделал в Красной Армии блестящую и заслуженную карьеру. Родившийся в апреле 1895 г. в бедной крестьянской семье, он вступил в Красную Армию в год ее рождения, в 1918 г., — в не самый удачный для Советской власти период, когда (вот первая ироничная улыбка судьбы!) все висело «на волоске» перед угрозой германской оккупации.

Показал себя, судя по всему, более чем хорошо — уже в том же 1918 г. его приняли в члены компартии. Воевал, после успешного (для большевиков) завершения Гражданской войны поступил в школу военных летчиков и блестяще ее окончил. Воздушными талантами военлет Мальцев особо не блистал, но летал качественно. Аса из него не вышло, но красная авиация с успехом использовала другой его талант — талант организатора. И не «широкого профиля», а знающего авиацию как свое родное дело.

Для страны, которая только начинала строить современные ВВС, такие кадровые офицеры были незаменимы. В 30-е годы Мальцев занимал командные должности в авиации Закавказского и Средне-Азиатского военных округов, занимался военным строительством советской военной авиации. В те же годы он командовал и авиацией Сибирского военного округа (штаб ВВС СибВО находился в Новосибирске). Здание штаба ВВС СибВО сохранилось — сегодня уже калечное, полуразрушенное...

А потом наступил 1937 г., и один из лучших организаторов советской боевой авиации полковник Мальцев оказался вне армии — в управлении гражданского воздушного флота Средней Азии и Закавказья. А в марте 1938 г. ветеран Красной Армии, член ВКП(б) с 20-летним стажем полковник Мальцев стал никем — простым заключенным, арестованным по обвинению в антисоветской

деятельности. Ему «повезло» — в сентябре следующего 1939 г. он был освобожден и реабилитирован (так называемая «бериевская амнистия»). До власти дошло, что за 1,5-2 года из армии «выбили» лучшие кадры, и многие из оставшихся в живых получили свободу и «прощение».

Что творили с офицерами в тюрьмах, можно представить по судьбе сидевшего в то же время будущего маршала Константина Рокоссовского — сломанная на допросах челюсть, 9 выбитых зубов, переломанные ребра, отбитые молотком пальцы ног, двойной вывод на ложный «расстрел»... На «послетюремных» фотографиях 43-летнего полковника Мальцева — человек с высохшим лицом, запавшими глазами и очень жестким взглядом.

Его восстановили в звании, но перевели в запас — «по здоровью». Его, кадрового офицера, назначили начальником санатория «Аэрофлота» в Ялте. Вся карьера, вся жизнь его — авиация — казалось бы, кончены навсегда. А «ялтинское» «авиационное» назначение («заодно и здоровье поправишь!») выглядело чистым издевательством.

Никто не понял главного — из тюрьмы вместо бывшего убежденного коммуниста вышел яростный и убежденный противник режима Сталина.

Когда началась война, его даже не мобилизовали — он был практически инвалидом. После взятия немцами Ялты он сам пришел к германским оккупационным властям, заявив, что готов активно бороться с большевизмом (судьба вторично печально улыбнулась).

Его назначили бургомистром Ялты — поднимал разрушенное хозяйство, в том числе делал все для сохранения ялтинских дворцов и санаториев. Интересно, сообщили ли Иосифу Сталину, кому он должен был быть благодарен за то, что было где с помпой принимать глав США и Великобритании во время Ялтинской конференции 1945 года?

Третья ухмылка судьбы оказалась вовсе издевательской. Именно на этой конференции, в сохраненном когда-то Мальцевым особняке, была решена его судьба. Было принято решение о принудительной выдаче союзниками всех советских граждан, оказавшихся на оккупированных территориях и в Германии...

...Мальцев не хотел заниматься хозяйственными делами — хотел дела активного. Идея РОА носилась в воздухе — сотни тысяч советских пленных (более 3 миллионов только за первый год войны) находились у немцев, и многие из них имели не меньше оснований для актив-

ной борьбы с большевиками, чем Мальцев. Они были готовы действовать, но — в составе русских антисоветских частей.

В Симферополе Мальцев занимался формированием таких частей, но официально их не существовало. Потребовалось появление генералов Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова, потребовалось время, которого уже не оставалось у тех, кто поддерживал идею РОА и КОНР. Фактически создание и формирование боевых частей

РОА под русским командованием (под началом генерала Власова) началось только в конце 1944 года. Военно-воздушные силы КОНР под командованием Мальцева официально появились только в феврале 1945 г.

Однако благодаря организационной работе Мальцева к этому времени уже были готовы структура, кадры и система подготовки личного состава «власовской авиации». В составе ВВС на первом этапе предполагалось иметь 15 истребителей, 12 пикирующих бомбардировщиков, 5 средних бомбардировщиков, 4 самолета связи, 5 тренировочных самолетов, 4 разведывательных самолета (в том числе — реактивный Ме-262).

Кроме того — зенитный полк (около 50 орудий) и парашютно-десантный батальон. Общий состав ВВС КОНР насчитывал (по неполным данным) 6 тыс. человек. Среди них были самые разные люди — бывшие советские летчики, дважды орденосцы и Герои Советского Союза капитан Бычков и старший лейтенант Антилевский; бывший командующий авиацией 20-й армии; а также группа офицеров-авиаторов бывших царской и Добровольческой армий, служивших перед войной в ВВС Югославии, — полковники Байдак и Антонов, подполковник Васильев.

В.И. Мальцев в форме генерал-майора Русской освободительной армии (РОА)

Недостатка в кадрах не было — только за 1943 г. на германскую сторону перелетели добровольно 66 самолетов, в первом квартале 1944 г. — еще 20. Кадровая основа для формирования ВВС КОНР Мальцевым была создана полностью. Но... Судьба ухмыльнулась в четвертый раз.

К апрелю 1945 года Мальцеву пришлось решать совсем другую проблему — проблему спасения людей его авиации. Предложение бежать он отверг, оставшись со своими людьми (так же, кстати, как отказался от бегства и остался с остатками РОА Власов). Вел переговоры с американцами о сложении оружия с единственным условием — не выдавать бойцов ВВС РОА на советскую сторону.

И у него это почти получилось. Около 4000 бойцов ВВС РОА выданы не были, смогли уйти на Запад.

Исключая, естественно, самого Мальцева и еще ряда офицеров (включая Бычкова и Антилевского). После выдачи его американцами органам НКВД Мальцев пытался покончить с собой, вскрыв вены. Спасли.

В пятый и последний раз судьба поиздевалась над ним. Вместе с Власовым его судили в Москве в августе 1946 г. за «измену Родине». Мальцев вел себя достойно. Сохранилась протокольная запись его последнего слова: «Все ясно, я не смею рассчитывать на помилование, скажу только, что до 1938 г. все шло нормально, а потом началось падение. Мысль самая гнусная, обида на Советскую власть за недоверие, которое я стал ощущать после моего ареста. Я просился в армию, мне отказывали. Обидевшись на Советскую власть, я дошел до настоящего состояния. Умереть бы, но с толком — вот чего мне хотелось бы на сегодняшний день».

Чтобы представить себе реальную речь, попробуйте перевести с канцелярского на русский слова протокола: «недоверие, которое я стал ощущать после своего ареста».

«Времена не выбирают — в них живут и умирают». Мальцев был повешен вместе с Власовым и другими руководителями РОА сразу после суда.

...По разным данным, во «власовских» формированиях было от 800 тыс. до 1,5 млн. граждан СССР. Что-то многовато «изменников» и «предателей»...

И сколько из них могли бы повторить слова Мальцева о причинах «обиды на Советскую власть»?

«Чеширский кот» советской авиации

«Бартини Роберт Людвигович (1897-1974), сов. авиаконструктор.

Чл. Итал. компартии с 1921 г. В СССР с 1923 г., чл. КПСС с 1927 г. Разработал и создал св. 10 эксп. и опытных самолетов.

Тр. по аэродинамике, теор. физике».

**«Советский энциклопедический словарь»,
М., 1980 г.**

**Когда в сентябре 1941 г. Совинформбюро сообщило о налетах советских бомбардировщиков на Берлин, этому ни в стране, ни в мире не поверил почти никто. Со-
чли «пропагандистским трюком».**

Точно знали о том, что бомбежки — реальность, а не пропаганда, немногие: в Берлине, на который падали бомбы; в Лондоне, чьи самолеты как раз на Берлин не летали; знал Сталин, Ставка верховного главнокомандования и летчики двух авиapolков.

А еще — в далекой от Москвы и фронта Сибири твердо был уверен в этом зэк со странным именем Роберт Бартини. Он узнал свой самолет — других, способных такое осуществить, просто не было.

После того, как в начале сентября 1941 г. германская армия развернула наступление на Моонзундские острова, Берлин, казалось, оказался вне досягаемости — единственная база авиации советского Балтфлота (бомбардировщики ДБ-3Ф, с 1940 года — Ил-4) на острове Сарема (Эзель) была разгромлена.

Министр рейхспропаганды доктор Геббельс заявил, что «ни один камень в Берлине не содрогнется от постороннего взрыва. Советская авиация уничтожена!».

Геббельс, хотя имел некоторые чисто технические основания для своих утверждений, несколько поторопился. 8 сентября в Берлине (в котором даже отмени-

ли затемнение) вновь грянули взрывы.

Немецкие истребители даже не стали взлетать на перехват — они не видели цели. Зенитки берлинской противовоздушной обороны, также не обнаружив противника, открыли огонь «по всем направлениям».

9 сентября гестапо завело 2 уголовных дела — об организации взрывов неизвестными диверсантами и против командования ПВО «за организацию панической стрельбы». Успели арестовать нескольких «неблагонадежных», когда, спустя еще сутки, на местах взрывов были обнаружены фрагменты стабилизаторов авиабомб.

Министерство Геббельса громко заявило о том, что «британская авиация осуществила варварскую бомбардировку жилых кварталов Берлина». Уже через два часа после передачи этого заявления по радио британское военное министерство ехидно опровергло его, заявив, что ни один английский самолет не поднимался в этот день с аэродромов: «Вероятно, столицу Германии бомбила чья-то другая, уже уничтоженная доктором Геббельсом, авиация».

И только после этого, получив подтверждения и от врагов и от пока еще малонадежных союзников, Москва сообщила — кто на самом деле бомбил Берлин. Ах, как ждал Сталин этих подтверждений! Дальние высотные самолеты, созданные «сидящим» конструктором, впервые были опробованы «в деле», но докладам летчиков верили мало. Их подтвердили Геббельс и Черчилль.

Да, это был больше пропагандистский, чем боевой налет — бомбы бросали с большой высоты практически бесприцельно (хотя попали и в район рейхсканцелярии). Но именно эта пропаганда тогда, в начале осени 41-го, показывала всем (и врагам, и союзникам) — «мы живы, мы боремся, мы победим!» И техника у нас для этого — есть.

А зэк со странной фамилией Бартини, прочитав газеты, сказал соседям по «шараге» — «ну, хоть один мой в серию пошел. А то я все как чеширский кот из «Алисы в стране чудес» — одна улыбка остается. Хоть так я фашистам «улыбнулся!». Роберт Людвигович узнал позднее, что и здесь от него и его самолета ДБ-240, бомбившего с сентября 41-го Берлин с подмосковных (!) аэродромов, осталась «одна улыбка» — самолет был срочно запущен в серию под названием Ер-2, по фами-

лии директора авиазавода Ермолаева.

Исковерканный чужими руками новый вариант 240-го под гордым названием Ер-4 практически ничем себя не проявил. Но Бартини никогда не сказал по этому поводу никому (никому!) дурного слова. Его работа интересовала, а не слава.

Вот как пишет Ярослав Голованов, историк космонавтики, об этом «чеширском коте» советской авиации: «Летчик и авиаконструктор Роберт Бартини — за всю свою жизнь он не создал ни одной неоригинальной, серой машины. Биография его годилась для приключенческого романа. Во время первой мировой войны сидел в плену во Владивостоке. Вернулся в Италию. В 1921-м Роберт Бартини — сын барона Лодовика ди Бартини, государственного секретаря итальянского королевства, вступил в коммунистическую партию. Попал в тюрьму. Убежал из тюрьмы и приехал в Советский Союз, чтобы бороться с фашизмом. Над ним горько подшучивали: «Ты здорово выгадал, Роберт, — убежал из одной тюрьмы и прибежал в другую...» «Конечно, выгадал! — кричал он с истинно итальянским темпераментом, — Муссолини дал мне двадцать лет, а Сталин только десять!»

И снова что ни тронь — сплошные «улыбки» остаются. Сын — но приемный, хотя истинный отец — итальянский граф; в русском плену во время первой мировой оказался, когда сидел в ожидании виселицы под арестом — по-мужски ответил хаму-офицеру; в Итальянскую компартию вступил в день ее основания и был руководителем организаций «красных боевиков» — поэто-му из Италии и пришлось бежать.

Р.Л. Бартини, 1952 г.

Когда потом, в СССР, вступил в ВКП(б), почему-то остался членом ИКП. Это был единственный на весь Союз зэк, который действительно «просидел» коммунистом — из советских коммунистов его после ареста исключили, а вот партбилет итальянской компартии вернули в целостности после отбытия срока.

И еще в Италии успел и Миланский политех закончить (тогда — один из лучших в мире), и летную школу. И самая главная строчка в биографии — авиаконструктор — тоже вызывает вопросы: «А покажи свои самолеты!»

А их, вроде бы, и нет. Нет самолетов с индексом «Бар». Но — самолеты «Сталь-6» и «Сталь-7» в истории авиации останутся навсегда — как перепрыгнувшие свое время. Генератор идей, гений от природы — Бартини было бы самое время родиться во времена французских энциклопедистов XVII века. Он был разносторонний технический гений — и этим сказано, в сущности, все. А еще работы по теоретической физике, которые в 60-е годы сначала громко обсмеяли, потом «потихоньку» признали. Да и какие фамилии все время рядом!

Королев, про которого Бартини осторожно говорил, что не имеет права числить его своим учеником (дескать, мало времени под моим началом проработал) всегда говорил, что научился мыслить, научился комплексному подходу только у «красного графа» (так Бартини называли «за глаза»).

Туполев, у которого вся идея рекордного чкаловского полета в Америку родилась из меланхоличной бартиниевской фразы — «А ты топливо в крылья засунь». Туполев, кстати, идеями Бартини пользовался не раз. Знаменитый на весь мир Ту-144, весь секрет которого в аэродинамике крыла, был рассчитан и просчитан именно Бартини еще в начале 50-х.

Яковлев, Сухой... Один из конструкторов Яковлева — Егер — был арестован, сидел два года в обычном лагере, умирал. Жена Егера спросила у Яковлева о судьбе мужа. «Я таких не знаю. И вам знать не советую». Это — не в упрек — показатель подлости времени.

Но когда зеку Бартини для создания очередной «шарашки» (особого конструкторского бюро при НКВД) подсунили короткий список — кого брать из лагерей? — он сказал: «Всех». И, указав на Егера: «А этот — просто гений!» Егер — выжил. С Яковлевым до конца жизни демонстративно не общался.

Собственно, Бартини, помимо и кроме чисто инженерных и конструкторских идей, принес в советское авиастроение абсолютно новый подход.

Всегда смотрели на самолет как на соединенные части, каждая из которых выполняет свое назначение. Крылья — несут, мотор — дает скорость, в фюзеляже можно расположить либо бомбы, либо пассажиров.

А Бартини посмотрел на самолет как на цельный организм. И именно отсюда приходили гениальные решения по отдельным частям. Которые потом с большим удовольствием растаскивались и применялись «именными» авиаконструкторами.

*Прошу запомнить многих, кто теперь
со мной знаком, —
Чеширский кот совсем не тот, что чешет языком.
И вовсе не чеширский он от слова «чешуя»!
А просто он — волшебный кот. Примерно как и я.*

В. Высоцкий

А при чем здесь Новосибирск? Да, собственно, почти ни при чем. Работал у нас Бартини в СибНИА после освобождения десятков лет, до этого — регулярно приезжал из Омска. А еще военнопленный первой мировой Бартини ехал в эшелоне через станцию Новониколаевск. И здесь у какого-то местного крестьянина выменял на швейцарский перочинный нож полкотелка пшенки с ложкой масла. Весь вагон ел эту пшенку. Найти бы сейчас тот ножик...

P.S. Генеральный конструктор Олег Антонов о Бартини: «Бартини не боялся гибели своих начинаний. Он был богат, безмерно богат своими идеями и поэтому щедр. Мы все в долгу у него».

Это — из единственной малоформатной и малотиражной книжки о Бартини, выпущенной в 1982 г. Энциклопедия «Новосибирск» на нее даже не ссылается.

P.P.S. А улыбка — осталась!

И в бомбах на Берлин, и в работах по аэродинамике крыла, и в Ту-144, и в новых боевых и мирных машинах.

Гений есть гений, и улыбка его всегда останется.

Уполномоченный Сталина

*...Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией
и в трудное время чисты.*

Семен Гудзенко

Странно, но один из самых ярких людей в истории города, благодаря энергии которого Новосибирск превратился в мощнейший промышленно-оборонный центр на востоке страны, оказался забытым практически сразу после того, как он не по своей воле город покинул.

Михаил Васильевич Кулагин, секретарь Новосибирского обкома ВКП(б), почему-то стал «фигурой умолчания» в биографии города.

Вечером 21 июня 1941 года бюро Новосибирского обкома ВКП(б) утвердило первым секретарем Михаила Кулагина. Выбор Москвы был неслучаен. Член партии с 1928 года, сорокалетний Кулагин, поработавший на командных должностях в московской милиции, в партийных и советских органах столицы, зарекомендовал себя талантливым организатором-управленцем.

М.В. Кулагин

С 1938 года работал в Белоруссии — «большой террор» всего за год выкосил партийные и советские кадры, и систему управления республикой снизу доверху приходилось буквально восстанавливать чуть ли не с нуля. Кулагин — зампред Совнаркома Белоруссии, секретарь ЦК республиканской компартии. Война близилась, причем никто не исключал войны на два фронта — с Германией и Японией.

Необходимо было создавать комплекс «оборонки» в центре страны, в Сибири. И для осуществления этих планов решением ЦК (читай — Сталина) в 1941 году Кулагин был направлен в Новосибирск.

22 июня началась война. 30 июня был создан новый, чрезвычайный высший орган власти страны — Государственный Комитет Оборона (ГКО) во главе со Сталиным, которому обязаны были беспрекословно подчиняться «все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы».

На наиболее сложные участки работы были назначены «уполномоченные ГКО», удостоверения им подписывал лично Сталин. Одно из первых удостоверений уполномоченного ГКО получил Михаил Кулагин. Получая его, секретарь обкома попытался заговорить об отправке на фронт и, по рассказам, получил от Сталина ответ: «Ваш фронт — там. Голыми руками много не навоюешь. Обес-

печьте армию снарядами, патронами, техникой, самолетами. От того, чем воевать будем, зависит то, как будем воевать». Их было очень немного, уполномоченных ГКО, «уполномоченных Сталина» — энциклопедия «Оружие Победы» (М., 1987 г.), рассказывая о снабжении Красной Армии боеприпасами, называет всего 4 фамилии уполномоченных, обеспечивших бесперебойное снабжение фронта. И среди них — Кулагин.

Он отвечал за все. И имел право требовать — ото всех. Несмотря на то, что подписывал документы по-прежнему — «секретарь обкома». На него, руководителя обкома, свалились все заботы и проблемы, в том числе и те, к которым в мирное время ни партийные, ни советские органы отношения не имели.

Обком во главе с Кулагиным стал штабом по организации «фронта в тылу», и в постановлениях обкома, подписанных «секретарем Кулагиным», появились немыслимые доселе формулировки: «обязать командование СибВО...», «обязать начальника УИТЛК НКВД...» «Уполномоченный Сталина» имел право приказывать всем и требовать ото всех. Порой — требовать жестко.

Когда очередной раз сорвался план по выпуску истребителей, на бюро обкома руководители завода стали объяснять — у нас с лонжеронами проблема... «Я не знаю, что

такое «лонжерон»!», — перебил Кулагин, — я не могу и не должен знать всего! Есть плановая цифра выпуска самолетов для фронта — ее я знаю. А вы — вы, специалисты! — должны мне сказать, что нужно сделать для выполнения плана и его перевыполнения. Что необходимо — люди, средства, материалы. Моя задача — обеспечить для вас все, чтобы фронт от вас получил самолеты! А ваша задача — производить их».

Он многого не знал. Что такое «лонжероны», что такое «каркасно-засыпные бараки», что такое «упрощенное промышленное строительство».

Он знал, что обязан в городе с практически зачаточной промышленностью (и Чкаловский, и Сибкомбайн находились еще в стадии строительства) разместить, обеспечить площадями и

жилем десятки эвакуированных оборонных предприятий и их сотрудников. Обеспечить предприятия квалифицированной рабочей силой (а где ее взять для эвакуированных высокоточных производств?! Для электронной и радиопромышленности, которых до той поры в Новосибирске отродясь не было?!). Накормить, обути, одеть всех. И все — для одной цели. Дать фронту максимум продукции в кратчайшие сроки. Потому что эта «продукция» — это победа или поражение.

Он многого не знал и просто не мог знать. Но он был управленцем «от Бога» и привлекал к решению задач именно тех, кто знает, как надо. «Комитетом ученых для решения важнейших оборонных проблем», созданным при обкоме по инициативе уполномоченного ГКО Кулагина, руководил академик Сергей Чаплыгин.

Программами и нормативами ускоренного строительства промышленных площадок, приспособливанием под них имеющихся в городе зданий, разработкой проектных заданий на ускоренное жилищное строительство и уплотнением дополнительными жильцами имеющегося жилищного фонда занимались строители и архитекторы вместе с членами комиссии Академии архитектуры Андреем Крячковым. Кулагину оставалось самое главное — обеспечить, чтобы разработки и рекомендации специалистов стали реальностью. И здесь, в Новосибирске, и там — на фронте.

Посетивший Новосибирск в 1944 г. американский журналист, многолетний «теневой советник» Белого дома Харрисон Солсбери писал в своей книге «В Москву и дальше» (к сожалению, так у нас и не изданной) о встречах с Кулагиним, «губернатором Западной Сибири, самым стойким коммунистом, которого я когда-либо встречал»: «В цехах заводов, которые мы посетили... Кулагин... иногда останавливался, чтобы поздороваться с подростком-крановщиком или протянуть руку курносой белокурой Наташе, за-

Котельный цех завода «Труд», 1932 год

нятой обтачиванием снарядов... Казалось, он знал всех рабочих по именам».

Неудивительно. На четыре военных года квартирой Кулагину для недолгого сна стал кабинет в здании обкома. Здесь обсуждали и принимали решения, а потом — поезди по предприятиям, по цехам. И не только по заводам.

Юрий Магалиф, известнейший новосибирский писатель, а в годы войны — простой «зек», вспоминал: «С конца сорок первого и всю зиму сорок второго года заключенные Центрального лагпункта соорудили аэродром для завода им. Чкалова...

Однажды на аэродром приехал первый секретарь обкома партии Михаил Васильевич Кулагин. Он привез с собой ящик водки. Я очень хорошо запомнил его необычайную речь на небольшом митинге.

Кулагин кричал что было сил, ветер далеко разносил его голос: «Дорогие товарищи заключенные! Да, я не оговаривался — знаю, что обращаюсь к вам не по правилам, не по инструкции. Но к черту сейчас всякие инструкции! Мы

сегодня с вами действительно товарищи, потому что делаем общее дело: помогаем громить фашистов. Я вам верю, как самому себе. Вы настоящие герои военного времени! Вы постройте аэродром досрочно!..» Мы, политзаключенные, которых иначе как «контрики поганые» никто не называл, слушали секретаря обкома разинув рты.

Многие молча плакали — я это видел своими глазами. И водка тут, пожалуй, была уже не нужна: взлетно-посадочная полоса вырастала прямо на глазах».

Кулагин отлично знал жизненную изнанку поговорки про то, что «гладко было на бумаге...». И если сравнение бумаги с жизнью не совпадало — своей властью карал жестоко.

«За преступную практику ведения строительства, направленную на срыв выдачи готового выстрела, за затяжку строительно-монтажных работ, срывающих использование мощностей комбината № 179 («Сибкомбайн», сегодня — «Сибсельмаш», — А. К.), начальника управления строек наркомата боеприпасов т. Полухина с работы снять, из

партии исключить и предать суду военного трибунала. Секретарь обкома Кулагин».

Из партии исключал секретарь обкома, а вот с должности снимал и отдавал под трибунал уже уполномоченный ГКО. Несмотря на то, что фамилия была одна. И именно он на ту же фамилию получил 4 февраля 1943 г. телеграмму из Москвы: «Секретарю обкома ВКП(б) т. Кулагину. Передайте трудящимся Новосибирской области... мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин». Сталин перечислением своих должностей тоже не злоупотреблял.

Кулагин сделал все, что мог, и даже больше. В июле 1941 г. план по самолетам для Новосибирска был 31 в месяц, к середине 1944 г. город стабильно давал по 20 самолетов в сутки. В сутки! Всего за войну — почти 16 тыс. самолетов. Миллионы патронов, снарядов, авиабомб, мин. Тысячи снарядов для легендарной «катюши» и ее авиационных аналогов — реактивных снарядов. Прицелы для танков, бронемашин, радиостанции всех типов — новосибирской про-

Новосибирский Крайисполком, 1930-е годы

дукцией на фронте пользовались от армейского командования и Ставки ВГК до «Ваньки-взводного».

Легендарную «ночную атаку» Жукова в 1945 г., когда внезапно включенные полторы сотни прожекторов ослепили противника и открыли путь на Берлин, обеспечила продукция новосибирского завода № 644 (нынешний «Электроагрегат»).

На том участке фронта, на который поставил его Сталин, Кулагин воевал честно. Потому что был не один. И 9 мая 1945 года на митинге перед облисполкомом он, «партийный чиновник», говорил совсем не по-чиновничи: «Дорогие товарищи, друзья, деды, отцы, матери, сестры, жены, дети, героические труженики тыла, славные сибиряки! Этот день войдет в историю многих веков. Торжествуй и славь победу, народ-победитель!». Он знал тех людей, с которыми говорил, и они его знали.

А потом была послевоенная конверсия, когда жизнь города и заводов нужно было переводить на «мирные рельсы». И этим тоже занимался секретарь обкома Кулагин, и снова домом для него был обкомовский кабинет. Он не щадил людей — и потому не имел права щадить себя. Болезнь догнала — язва, затем — рак.

Кулагин написал заявление секретарю ЦК Сталину об отставке «в связи с болезнью». Он действительно физически не мог больше работать и считал преступным это скрывать. Его освободили от должности — «в связи с направлением на курсы переподготовки при ЦК ВКП(б)».

Уважительная формулировка подразумевала назначение на более высокий пост. Это последняя благодарность Сталина своему уполномоченному.

Кулагин уехал в Москву, где его сразу перевели на пенсию — болезнь грызла ежедневно и ежечасно.

В 1956 г. умер фронтовой поэт Семен Гудзенко, про которого один из современников писал, что его «как будто догнал внезапно долетевший с войны осколок».

В том же году умер и Кулагин — и слова эти вполне можно было сказать и про него. Он превратил Новосибирск в промышленный центр и расплатился за это своей жизнью.

Секретаря обкома, «провоевавшего» вместе с городом с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., город благополучно забыл. Нет памятника, бюста. Нет в городе и улицы имени коммуниста Кулагина.

Вот улица имени Андрея Лаврова есть. Он возглавлял Новониколаевский губисполком и горсовет аж с 10 августа по 6 декабря 1922 года.

Уполномоченный Сталина Кулагин улицы своего имени так и не удостоился.

«Не до ордена — жила бы Родина»...

Есть решение горисполкома аж от 5 мая 1985 года № 189 о переименовании части улицы Зорге в улицу Кулагина (причем это должна была быть единственная в городе улица с полным «Ф. И. О.» — «Имени М. В. Кулагина»), но это решение почему-то до сих пор не выполнено. Мемориальную доску на здании бывшего обкома (картинная галерея) повесили втихаря, с «черного входа» по ул. Свердлова.

Закатывать «пиаровские» истерики по поводу «площади Маркса» и «памятника Сталину» конечно, легче и прибыльней (в плане «политической значимости»), чем добиться наконец-то всего лишь выполнения решения горисполкома, принятого к 40-летию Победы.

А мемориальная доска... Спасибо, что хоть не в подвале повесили.

«Колдун», предсказавший Победу

«Профессор Воланд. Сеансы черной магии с полным ее разоблачением»

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Во все периоды российской истории появлялись персонажи, вызывавшие у окружающих смешанное чувство любопытства и страха своими явно «нечеловеческими» способностями. Достаточно вспомнить хотя бы «феномен Распутина».

Их называли по-разному — ясновидящими, прорицателями, позднее — телепатами и парапсихологами. А чаще, по-простонародному, — «колдунами».

Так получилось, что с Новосибирском оказалась связана часть необычной биографии величайшего «колдуна» советского периода.

...Зал одного из новосибирских тыловых госпиталей в очередной раз гремел аплодисментами. Набившие помещение раненные бойцы, санитарки, врачи не жалея ладоней хлопали странному человеку, неловко раскланивавшемуся перед ними. Невысокий, худой, нос с горбинкой, курчавые волосы, неправильная «ломаная» речь с непонятным акцентом, быстрые движения.

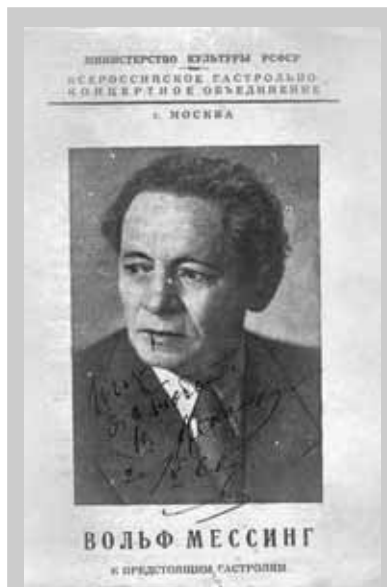
Он — в смокинге с галстуком-бабочкой, в накрахмаленной рубашке — выглядел инопланетянином на фоне застиранных гимнастеров и больничных халатов. Почти два часа подряд он показывал чудеса: находил спрятанные вещи, угадывал мысли, выполнял в точности задуманные команды. Казалось, он может все.

«Колдун!» — восторженно перешептывались восхищенные зрители и хлопали, хлопали... Человек поднял вверх обе руки, прося тишины: «И для закончания нашего встречи, я могу дать ответ на один вопрос по поводу того, что потом будет. Проще, спрашивайте, — что вы хотите знать?»

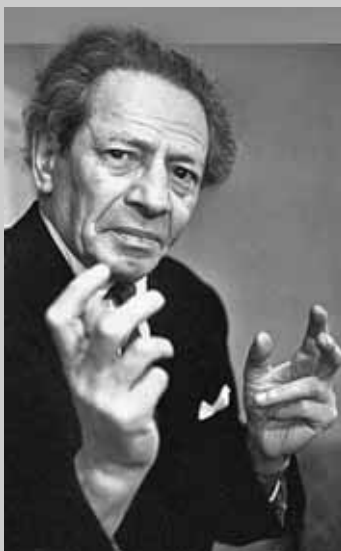
Что они хотели знать — изуродованные войной двадцатилетние (в большинстве своем) пацаны, больше всего переживавшие за то, что находятся в тылу, в Новосибирске, за тысячи километров от фронта?! Из зала крикнули: «Война когда кончится?»

Лицо странного человека закаменело, взгляд остановился. Короткая пауза в тишине, и ответ: «Пятого мая сорок пятого года. Я вижу советские танки в Берлине».

Зал испустил общий разочаро-

Брошюра «Вольф Мессинг. К предстоящим гастролям». 1960-е годы

«Гроза шпионов» В.Г. Мессинг

ванный выдох. «Сорок пятый»? Но — после двух часов чудес не верить этому человеку было невозможно, и зал снова зааплодировал.

На дворе стояла весна 1943 года. Рукописная афиша перед входом сообщала, что для пациентов и персонала состоится «выступление с психологическими опытами профессора Вольфа Мессинга».

Так в Новосибирске, за два года до того, как это случилось, была публично названа дата будущей Победы.

Жизнь Вольфа Мессинга была яркой, а судьба — скорее печальной. Он родился 10 сентября 1899 года в Польше, в маленьком еврейском местечке Гура-Кальварья.

По позднейшим воспоминаниям одного из сотрудников газеты «Магнитогорская правда» (он брал интервью у Мессинга во время гастролей в середине 60-х годов), «советский колдун» рассказывал о своем детстве кратко, но очень ярко, с непередаваемым польско-еврейским акцентом: «Малым дзицем я был, как это сказать, занадто знервованым. Вы знаете, что такое сомнамбулизм? Меня от этого лечили: мама ставила близ окна таз с водой, жебы я не скочил, когда вставал во сне в лунную ночь. В еврейской религиозной школе — отец мечтал увидеть меня раввином — я заучивал наизусть целые страницы из Талмуда, имел такую память, как ни у кого...

Одного разу мне пришло в ум, что наша корова сгинет. Я имел глупость сказать это отцу и заработал крепкого кухтяля. Но после некоторого времени корова таки сгинула от рогов своих колежанок. С тэго часу меня считали не совсем нормальным. Может быть, то и правда. Но что есть

Площадь имени Сталина, 1940-е годы

нормальность? Вы знаете?»

Мальчик сбежал из ешибота (религиозного иудейского училища) и через сотни километров и границы добрался до Берлина.

В поезд он, безбилетный оборванец, прятался под лавкой, но бдительный кондуктор нашел его и вытащил на свет божий. В замешательстве Мессинг протянул кондуктору обрывок газеты. Тот его внимательно осмотрел и со словами «Что же ты — с билетом, а под лавкой едешь?» закомпостировал.

В Берлине, после долгих мытарств, он попал в труппу театра-цирка «Паноптикум». Мессинг был «гвоздем программы» — в качестве «живого трупа». Он на 20 минут останавливал у себя пульс и дыхание; натренировав невосприимчивость к боли, длинными иглами насквозь про-

тыкал себе шею и руки.

Здесь же он впервые публично начал читать чужие мысли. Здесь его увидел всемирно известный психиатр и невропатолог доктор Абель. Он долго работал с Мессингом, учил его развивать свои способности.

Уже к середине 20-х годов Мессинг со своими сольными выступлениями становится мировой суперзвездой. С ним встречались Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Махатма Ганди. Гастроли — по всему миру, от Вашингтона и Буэнос-Айреса до Бомбея и Токио. Диктатор Польши Юзеф Пилсудский приглашал Мессинга на конфиденциальные аудиенции (правда, о содержании бесед Мессинг никогда не рассказывал — чужие тайны он не раскрывал).

В 1937 году на одном из выступлений в Варшаве перед многотысячной аудиторией, отвечая на вопрос, предска-

зал смерть Гитлеру, если тот пойдет с войной на Восток.

Слова «всемирно известного мага» растиражировали ведущие мировые газеты, и фюрер, с болезненным интересом относившийся к оккультным наукам, назначил за голову Мессинга награду в 200 000 рейхсмарок.

Мессинг об этом знал и после нацистской оккупации Польши в 1939 году бежал на советскую территорию. Не без приключений — его задержал наряд германской полевой полиции, Мессинга избили и бросили в камеру. Оттуда он мысленно приказал всему личному составу участка зайти в его камеру и заснуть, после чего благополучно скрылся.

А в СССР с Мессингом сначала просто не знали, что делать. Станный перебежчик, практически не говоривший по-русски, долго не мог внятно объяснить свою специальность.

Раньше его способности проверяли Абель и Фрейд, теперь — советские и партийные чиновники. Задания для него, собственно, были несложными — мысленно командовали принести из соседней комнаты том из собрания сочинений Ленина, раскрытый на работе «Шаг вперед, два шага назад». Партийным чиновникам понравилась четкость в выполнении «идеологически выдержанных» заданий, и Мессингу разрешили выступать с концертами в качестве «артиста оригинального жанра».

Выступления длились недолго — весной 1941 года его, прямо в антракте одного из концертов в Гомеле, забрали вежливые и молчаливые сотрудники НКВД и доставили в Москву — необычного перебежчика захотел увидеть лично Сталин.

О первой встрече со Сталиным (встреч было несколько) Мессинг в своих «выхолащенных» воспоминаниях, опубликованных в середине 60-х, вспоминал крайне скупое: «Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой. Индуктором (т. е. — человеком, отдающим мысленные команды. — А. П.) моим он не был. После довольно продолжительного разговора, отпуская меня, Сталин сказал: «Ох и хитрец вы, Мессинг». «Это не я хитрец, — ответил я. — Вот вы так действительно хитрец!» М. И. Калинин незаметно потянул меня за рукав.

Об остальных встречах Мессинг не написал ни слова.

И снова его проверяли — предлагали пройти на Лубянку в кабинет Берия без пропуска, получить в отде-

лении Госбанка по чистому тетрадному листку 100 тысяч рублей... Мессинг справился, и в качестве того же «артиста оригинального жанра» Госконцерта получил возможность гастролировать по стране.

Кстати, Михаил Михалков, работник «органов» и брат автора советских и нынешнего российских гимнов, рассказывал, что около 10 лет был куратором Мессинга.

Тема «Мессинг и спецслужбы» закрыта до сих пор — ни одного документа не опубликовано, хотя известно, что «дело Мессинга» в ФСБ — есть.

Немедленно после начала войны в 1941 году по личному распоряжению Сталина Мессинга эвакуировали в Новосибирск.

В своих воспоминаниях он пишет об этом обиняком, но — «как обаятельно для тех, кто понимает»: «эти дни начала войны я пережил тяжелые минуты. Я внутренне почувствовал себя лишним... Кому нужен в такое время, думал я, Вольф Мессинг с его «психологическими опытами»? Оказалось, что это не так. Меня эвакуировали в Новосибирск. Оказывается, кто-то где-то думал о гражданине СССР Вольфе Мессинге, о том, что его своеобразные способности интересны людям».

Не секрет, кем был этот «кто-то». В эвакуации Мессинг выступает перед рабочими новосибирских заводов, перед ранеными и врачами в новосибирских госпиталях, ездит со своими выступлениями практически по всей стране, за исключением фронта — туда его не пускают. «Меня хотели видеть и в госпиталях, и рабочие оборонных заводов, по неделям не покидающие цехов, и бойцы формирующихся частей и подразделений», — писал он потом в воспоминаниях. — «Нередко залы заполняли люди, пришедшие прямо от станков. И уходили они от меня к станкам. А бойцы иной раз держали в руках винтовки... Я делал все, что мог, чтобы вдохновить их своим искусством, дать им заряд новых сил для труда и борьбы».

В Новосибирске на собственные средства он предложил в 1942 году купить на заводе им. Чкалова истребитель для фронта. В 1944 году — еще один. На борту обеих боевых машин была надпись: «Фронту — от профессора В. Мессинга». Воздушный ас, Герой Советского Союза летчик Ковалев, сбивший 33 немецких самолета, вспоминал потом: «Немцы, когда видели на моем самолете имя Мессинга, разлетались в разные стороны. Одно

упоминание имя Вольфа Григорьевича приводило их в панику».

Все центральные газеты опубликовали телеграмму: «Товарищу Вольфу Мессингу. Примите мой привет и благодарность Красной Армии, товарищ Вольф Мессинг, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание (о приобретении боевых самолетов. — А. К.) будет исполнено. И. Сталин».

Здесь же, в Новосибирске, в 1944 году Мессинг встретил свою жену, Аиду Михайловну. До последних дней своей жизни она была для него и женой, и другом, и неизменным конференсье на его «психологических опытах».

...«Профессор»... Звание «заслуженного артиста РСФСР» ему дали только в конце 60-х. «Артист»? Мессинг всегда говорил, что его «опыты» ближе не к искусству, а к науке: «Это не ловкость рук, как у Эмиля Кио или иного фокусника, а то, чему пока нет объяснения. Как не было его до открытия радиоволн, хотя их природа наверняка древнее человека. Объяснить, как улавливаются чужие мысли или передаются особо чувствительным людям свои, невозможно. По крайней мере — сегодня, сейчас. До тех пор, пока не будет открыта природа мыслительной энергии, которая, несомненно, существует и передается на расстояние подобно радиоволнам».

«Колдун»... Когда тяжело заболела любимая жена, к Мессингу пришли директор института онкологии Николай Блохин и гематолог Иосиф Кассирский.

Вот как описывал этот визит очевидец: «Блохин сказал ему, что отчаиваться не надо, болезнь может отступить, даже в таком состоянии у пациентов, случается, наступает улучшение, и живут еще долгое время... Он (Мессинг. — А. К.) не дослушал: ходуном заходили руки, на лице появились красные пятна, искаженный волнением голос сорвался в фальцет: «Не говорите чепухи! Я не ребенок, я Вольф Мессинг! Она не поправится, она умрет... Она умрет второго августа 1960 года в семь часов вечера». В этот день он овдовел.

...Когда Альберт Эйнштейн прощался после встречи с пораженным его Мессингом, он сказал: «Будет плохо — приходите ко мне». 8 октября 1974 года у Мессинга отказали почки, и он умер от ураганного отека легких. Дату своей смерти он тоже знал заранее.

Интересно, о чем беседуют там Нобелевский лауреат Альберт Эйнштейн и «советский колдун», заслуженный артист РСФСР Вольф Мессинг?..

Добрый Сказочник со злой судьбой

«Все кругом говорят: «Жаконя, Жаконя!»... А кто такой Жаконя — никто толком и не знает.

Юрий Магалиф

Юрий Магалиф был открытым, общительным, «искрящимся» человеком. И в то же время он очень аккуратно отбивал попытки вторжения в свой внутренний мир и излишний интерес к его судьбе. Вот так и получилось — главного Сказочника знали все, о нём — практически никто не знал ничего.

Может быть, так положено у сказочников?

Собственно, он «спрятался» за несколькими обязательными строками в «Энциклопедии «Новосибирск» и словаре Николая Яновского «Русские писатели Сибири XX века» (Н., 1997 год). Родился в Питере, в семье врача. Учился в театральном институте, с 16 лет печатался в питерских «детских» газетах. Был репрессирован (сослан вместе с матерью), реабилитирован, после чего остался в Новосибирске.

Биография, похожая на сотни тысяч других. Но! «В Ленинграде я

Ю.М. Магалиф

встречался с Сергеем Мироновичем Кировым. Я ходил с ним гулять, водил его собак — у него были охотничьи собаки.» (Магалиф в документальном фильме Александра Косенкова «Еще раз о любви»). И — ни слова о том, каким образом он попал в ближайший круг «Мироныча». Они и не нужны были — Сказочник просто на секунду приподнял полу своего магического плаща и резко запахнул его. И осталось то, что и было всегда.

Магалиф: «Моя натура, вобравшая в себя четыре ярких крови — еврейскую, цыганскую, польскую и русскую (бабушка по матери — цыганская певица, дед — польский граф) — очень общительна и очень оптимистична.

Я всегда был источником веселья и добродушия, люди заряжаются от меня позитивной энергией».

Что правда, то правда... Злая судьба жестоко и жестко обошлась со Сказочником. Он вернулся по отбытии срока в Ленинград, но его схватили и осудили уже не на ссылку — на лагерь.

В 1941 году Магалиф получил срок в 6 лет.

«От Ленинграда до Новосибирска мы ехали 22 дня. На второй день пути нас обстреляли гитлеровские самолеты. Чувство было паршивое, вся душа сжалась в комок и сам весь словно съежился... А над вагоном хлещут короткие пулеметные очереди и сквозь них — нарастающий вой пикирующего ужаса. Эшелон остановился в поле. Маленькие окошечки в товарном вагоне были прикрыты почти наглухо; но все-таки можно было разглядеть, как охрана разбегалась от поезда и пряталась в кустах...

А мы — сорок семь небритых мальчиков от шестнадцати до семидесяти двух лет — сидим не дыша и ждем, когда нас всех фашисты перебьют; нам-то в кустах не спрятаться — вагон закрыт снаружи на все запоры.

Было жарко и душно.

Июль 41-го года. Война началась ровно месяц тому назад».

Но даже тут, в арестантском вагоне, происходили вокруг Сказочника события действительно волшебные. Соседом по нарам в эшелоне у Магалифа был сутулый, с орлиным носом инженер-строитель из Ленинграда со сроком в 10 лет.

Интеллигент старой формации. Читались стихи Пушкина, Блока, Гумилева, напевались песенки Вертинского.

«А фамилия моего этапного друга была Будагов... Ну и что? — фамилия как фамилия... Это уж потом, много лет спустя она окуталась для меня флером старой романтики: оказывается Григорий Моисеевич Будагов в конце прошлого века был главным инженером строительства того самого моста, с которого и начался наш Новосибирск. И улица здесь когда-то была Будаговская. И первая школа была построена на его деньги...

А я, восседаю в громыхающем вагоне на кособоких нарах, беседовал о серебряной поэзии с его сыном!»

Улица Учительская, нынешние дома № 17 и № 19. В годы войны здесь стояло около двух десятков барачков за прочными заборами с вышками и охраной на них. Центральный лагерный пункт. И один из более чем десяти тысяч зеков — он, Магалиф. О лагере он рассказывал крайне скупно.

Магазины Облпотребсоюза, 1930-е годы

«Зимой я работал санитаром в лагерьном госпитале. Зловеще памятное совпадение: 12 января 1942 года в осажденном Ленинграде скончался от голода мой отец, и в эту же самую бесконечную ночь в Новосибирске — только в моем больничном бараке — погибло от пеллагры (истощения. — А. К.) двести сорок человек! А таких бараков у нас было четыре...»

Работа по 12-14 часов в день на строительстве авиамоторного завода (будущий НЗХК) — ничто по сравнению со знакомством с Татьяной Мейерхольд, дочерью давно расстрелянного режиссера Всеволода Мейерхольда.

И вообще: «Уж, видно, так устроена память сердца моего, что ужасные картины запомнились плоховато».

И еще одна почти фантастическая история. «С конца сорок первого и всю зиму сорок второго года заключенные Центрального лагпункта сооружали аэродром для завода им. Чкалова...

Однажды на аэродром приехал первый секретарь обкома партии Михаил Васильевич Кулагин. Он привез с собой ящик водки. Я очень хорошо запомнил его необычайную речь на небольшом митинге.

Кулагин кричал что было сил, ветер далеко разносил его голос: «Дорогие товарищи заключенные! Да, я не оговорился — знаю, что обращаюсь к вам не по правилам, не по инструкции. Но к черту сейчас всякие инструкции! Мы сегодня с вами действительно товарищи, потому что делаем общее дело: помогаем громить фашистов.

Я вам верю, как самому себе. Вы настоящие герои военного времени! Вы постройте аэродром досрочно!..»

Мы, политзаключенные, которых иначе как «контрики поганые» никто не называл, слушали секретаря обкома разинув рты. Многие молча плакали — я это видел своими глазами. И водка тут, пожалуй, была уже не нужна: взлетно-посадочная полоса выросла прямо на глазах».

Потом было освобождение — и Сказочник остался в Новосибирске, как бы начав все с чистого листа. Он работал артистом филармонии, писал интермедии — и сам же их озвучивал, сочинял сценарии документальных фильмов — и опять-таки принимал участие в работе над ними. А главное — пошли книги стихов и прозы. Востребованные, не залеживающиеся на прилавках.

В 81 год (!) он рискнул попробовать себя в драматургии, сложнейшем литературном жанре. Пьеса «Ожидание дамы» была поставлена театром Сергея Афанасьева и стала событием театральной жизни не только Новосибирска,

но и всей Сибири.

Как и положено Сказочнику, у него получалось все, за что он только ни брался. В 1958 году появился «Жаконя» — вышла первая книжка с участием тряпичной обезьянки. И сразу завоевала успех.

Жаконе в этом году исполняется «полтинник», невероятно! Те, кому мамы и папы тогда читали вслух первого «Жаконю», сегодня дожили до пенсионного возраста. И сейчас уже они читают «Жаконю» своим внукам и правнукам.

Магалиф: «Наедине с собой мне порой бывает очень страшно. В эти минуты я молюсь Богу и верю, что Бог меня поддержит».

...На отпевании Магалифа в соборе Александра Невского архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон говорил о том, что «Юрий Михайлович был добрым человеком и всех нас учил добру — как быть добрым, как понять, что есть добро».

И что перед этим какая-то там злая судьба? Ничто!

Сталин и сибиряки-гвардейцы: встречи на фронте

С легкой руки Никиты Хрущева пошла в свое время кочевать байка о том, что Иосиф Сталин, дескать, войной руководил по глобусу. На самом деле Верховный выезжал на фронт несколько раз и — в 1941 году, и в 1943-м. «Глобус войны» оказался на удивление маленьким.

Поездки каждый раз совершались на те участки, где фронт держали сибиряки, новосибирцы.

Первые выезды Сталина на фронт — осенью 1941 года — в район Можайского оборонительного рубежа под Москвой. Речь в те дни шла о судьбе не только столицы — о судьбе страны. И Верховный, естественно, должен

был иметь личное представление о том, что происходит на оборонительном рубеже, что за бойцы его занимают.

Речь не шла уже о номерах частей — многие части пополнялись как за счет призывников, так и за счет обстрелянных, опытных бойцов, вынужденно отходивших на новые рубежи. Были под Москвой и бойцы из частей и подразделений 24-й армии. Армия, в которую был преобразован Сибирский военный округ, выступила на фронт из Новосибирска уже 24 июня 1941 года. Именно она провела первую в истории Великой Отечественной удачную наступательную операцию против вермахта в районе Ельни.

С подвигов бойцов частей и соединений 24-й армии началась история советской гвардии. Четыре дивизии из состава 24-й первыми в Красной Армии получили новые наименования — «Гвардейские» — приказами наркома обороны Сталина от 18 и 26 сентября 1941 года. И новые номера.

Так, к примеру, 107-я стрелковая дивизия 24-й армии стала 5-й Гвардейской дивизией. 6 сентября 1941 года в освобожденную Ельню ворвались бойцы подполковника Некрасова — 586-й стрелковый полк 107-й дивизии.

«Дважды в течение месяца полк Некрасова громил голову эсэсовский полк «Дойчланд». И дважды гитлеровское командование вновь восстанавливало его, безуспешно пытаясь создать видимость непобедимости своей армии»

(Давид Зельвенский, «Искры негасимые», Н., 1976 год).

Такой возможности оперативного пополнения частей у первых сибиряков-гвардейцев не было...

Оборонительные бои под Вязмой в октябре 1941 года оказались для 24-й армии роковыми. Бойцы и командиры сделали все возможное, задержав, оттянув на себя нацеленные на Москву части противника. Они дрались и оказавшись в окружении и выходя из него с боями. Эта передышка была жизненно необходима для организации обороны Москвы. Ценой своих жизней сибиряки дали ее стране. Ценой того, что 24-ю армию пришлось расформировать — ее просто больше не существовало.

А ее закаленные и злые, как черти, бойцы-сибиряки влились в состав частей, оборонявших уже ближайшие подступы к Москве.

Здесь с ними встречался приезжавший на фронт Верховный. Встречался, чтобы ознакомиться с обстановкой и, главное, показать — Сталин не сбежал, Сталин руководит армией. Он беседовал и с солдатами в подразделениях, и с ранеными в госпиталях. И не забывал сказать при всех: «Молодцы, сибиряки!».

«Окопное радио» с легкой руки Верховного разнесло по фронту весть о прибытии на подмогу сибирских дивизий. И это не было ложью — скорее, вполне допустимым преувеличением.

Вновь сформированные дивизии действительно шли с востока, из Сибири. Шли и как соединения, и как отдельные части.

Кстати, всего за годы войны только на территории Новосибирской области было сформировано и отправлено на фронт 4 дивизии, 10 бригад, 7 полков, 19 батальонов, 62 роты, 24 различные команды.

И когда говорят, что в 1941-м Москву спасли сибиряки — это правда. Как и то, что подходили они на помощь столице не только с Востока, но и прорывались с боями с Запада...

Сибирская добровольческая дивизия

Монумент Славы был установлен в 1967 году, на пилонх монумента высечены фамилии новосибирцев, погибших в сражениях Великой Отечественной войны

...2-4 июля 1942 года в Новосибирске шел пленум обкома ВКП(б), выступивший (совместно с командованием СибВО), как гласит сегодня вполне официальная история, с инициативой формирования Сибирской добровольческой дивизии. Инициатива была поддержана Ставкой ВГК, тем более что дивизию инициаторы называли «Сталинской».

Сталин явно такого не ожидал — ни одна из армейских частей не носила его имя... Название утвердили. Был сформирован 6-й Сталинский Сибирский добровольческий стрелковый корпус, в который вошла и 150-я Сталинская Сибирская добровольческая дивизия в составе 1-го Новосибирского, 2-го Кузбасского, 3-го Кемеровского стрелковых и 4-го Томского артиллерийского полков. Алтайский край сформировал для корпуса 74-ю стрелковую, Омск — 75-ю стрелковую, Красноярск — 78-ю стрелковую бригаду.

А еще — вошли в состав Сталинского сибирского корпуса и «спецдобровольцы» из числа «трудпоселенцев» и осужденных (впрочем, об этом особый рассказ).

Боевое крещение корпус получил в тяжелейших наступательных боях под городом Белый Тверской (Калининской) области в ноябре 1942 — январе 1943 года. До 7

января 1943 года продолжались тяжелые кровопролитные бои.

Более 12 500 сибиряков-добровольцев осталось лежать в «Долине смерти» Бельского района.

Но в первых же боях 150-я дивизия прорвала оборону противника по фронту в 30 км и на глубину до 20 км. Обычно про подобные операции говорят: «В ожесточенных боях взломав оборону противника...». Ее пришлось именно взламывать.

Приехавший на фронт в декабре Сталин вполне оценил то, что сделали сибиряки. 19 апреля 1943 года корпусу было присвоено звание 19-го Гвардейского Сибирского добровольческого. Новосибирская 150-я дивизия стала 22-й Гвардейской.

...В августе 1943 года, за четыре дня до начала Спас-Деменской наступательной операции под кодовым названием «Суворов», на Западный фронт приехал Сталин, остановившийся на бывшем командном пункте в районе Юхнова. Война вернулась туда, где в 1941-м вели свои бои первые сибиряки-гвардейцы из 24-й армии. Названия-то были те же, а вот направление движения сибирских дивизий иное — на Запад и только туда.

И совсем вроде бы рядом были и Вязьма, и Ельня, но время было другое, и силища — другая.

По воспоминаниям главного маршала артиллерии Николая Воронова, «Сталин остановился на бывшем командном пункте в районе Юхнова... На подоконнике стоял телефон, провода которого через форточку выходили во двор...

Мы развернули карты на столе и стали докладывать о противнике и своих войсках, но Сталин перебил: «Западному фронту нужно выйти к Смоленску, основательно подготовиться, накопить силы и взять Смоленск», — эта фраза была повторена дважды. Мы пытались пожаловаться, что Западный фронт не получил достаточного количества резервов и боевой техники.

— Все, что сможем, дадим, — последовал ответ Верховного. — Не сможем — обходитесь тем, что имеете. У вас есть сибирские дивизии, а это посильнее пушек и танков.

И, помолчав, добавил:

— Сибиряки все равно возьмут Смоленск. Я их натуру знаю.

7 августа 1943 года гвардейцы-сибиряки пошли в атаку на рубеж, названный гитлеровской пропагандой «Восточным валом, о который разобьется Красная армия».

25 сентября 1943 года операция «Суворов» завершилась освобождением Смоленска.

...Как все просто теперь, столько лет спустя, на картах и на бумаге!

На Монументе Славы — более 30 тысяч фамилий новосибирцев, которые с фронтов не вернулись. И сколько еще пропавших без вести...

А Сталин — он, конечно, на фронт зря, из любопытства, не ездил. Но новосибирским вдовам от этого не легче.

«Иван Денисович» по-новосибирски

«Это — было.

И, боюсь — будет завтра...»

Александр Галич

В начале декабря 1962 года началась звездная судьба Александра Солженицына в русской литературе и истории.

Публикация повести «Один день Ивана Денисовича» в момент превратила безвестного бывшего зэка в самого читаемого писателя и — перевернула страну. Однако до сих пор даже сам автор не знает, что его Иван Денисович — родом из Новониколаевска.

...Сам Александр Солженицын неоднократно рассказывал, что идея написания «Ивана Денисовича» пришла к нему на лагерных работах в Экибастузе, в Северном Казахстане: «Я в 1950-м году в какой-то долгий лагерный зимний день таскал с напарником носилки и подумал: как описать всю нашу лагерную жизнь?»

По сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а — рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только в 1959, через девять лет, сел и написал.

...Писал я его недолго совсем, всего дней сорок, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, и не то что не надо там догадываться до чего-то, что-то пытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтобы лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое». (Радиоинтервью Солженицына для Би-би-си 8 июня 1982 года).

«Ивана Денисовича» ожидала сложная судьба. С трудом, через своего лагерного друга Льва Копелева, Солженицын смог передать текст редактору «Нового мира» Александру Твардовскому. Тот, сам «крестьянский сын», нашел возможность передать текст Хрущеву — цензура текст для публикации пропускать отказывалась.

Хрущев, прочитав повесть, «умилился до слез», разослал его всем членам Политбюро с пометкой: «Я — «за!» Против не оказалось никого. Странно, правда?

Солженицын рассказывал, что первоначально название было иное. «Не допуская возражений, Твардовский сказал, что с названием «Щ-854» (лагерный номер героя) повесть никогда не сможет быть напечатана. Не знал я их страсти к смягчающим, разводняющим переименованиям и тоже не стал отстаивать. Переброской предположений через стол с участием Копелева сочинили совместно: «Один день Ивана Денисовича» (Солженицын, «Бодался теленок с дубом», М., 1997).

Именно взяв «под ручку» «Ивана Денисовича», Солженицын стал тем, кем он стал — в литературе, в истории, в политике.

В № 11 за 1962 год «Нового мира» повесть была напечатана. Не знаю, с чем можно сравнить эту публикацию по нынешним временам — не с чем. Повесть перепечатывали, да что там перепечатывали — переписывали от руки!

В Новосибирске, в Академгородке, у многих людей остались «общие тетради» с переписанным от руки «Ива-

ном Денисовичем». Журнал с публикацией было просто не достать, а пишущие машинки «Москва» были огромной редкостью. Слава богу, что в продаже были «общие тетради» и ручки.

76 изданий на 27 языках мира — это «Иван Денисович». И это — всего за несколько счастливых для «Ивана Денисовича» лет. Его даже успели выдвинуть на самую главную тогда премию страны — Ленинскую премию 1964 года.

Крестьянин-лагерник «Иван Денисович» ее не получил. Нехорошо вспоминать это, но вспомнить надо.

Один из тех, кто голосовал «против», космонавт Герман Титов, сказал жуткую вещь, потрясшую Твардовского: «...Титов сказал нечто совершенно ужасное (во втором выступлении) с милой улыбкой «звездного брата»: «Я не знаю, м. б., для старшего поколения память этих беззаконий так жива и больна, но я скажу, что для меня лично и моих сверстников она такого значения не имеет» (не букв[ально], но точно)» («Александр Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов. 1964 год. (Запись от 14.IV.64.)» — «Знамя», № 11, 2000 год).

...Критики писали, что в образе Ивана Денисовича Солженицын описал и показал обобщенный образ безгласной крестьянской страны. И — поражались, как надо было точно угадать имя главного героя! Не Порфирий Кириллович, не Антон Дмитриевич... Так точно, так «в цель!»

Не зная, что «крестьянский враг» власти Иваном Денисовичем был назван уже давно. У нас, в нашем городе.

В конце июня 1924 года в городе, еще не переименованном из Ново-николаевска в Новосибирск, шел съезд работников просвещения. С докладом выступал председатель Сибревкома Михаил Лашевич. Это тот самый, что захватывал в Петрограде в дни «Октябрьского переворота» (как тогда официально называлась революция 1917 года) банк, телефон, телеграф...

По той самой, всем известной формуле. Один из руководителей «троцкистской оппозиции», он будет исключен из партии, потом — восстановлен, потом умрет от странного «пищевого отравления».

На том, июньском 1924 года съезде Лашевич, как водится, говорил обо всем.

Ох и досталось от него новым поджигателям войны — что английским империалистам, что германским социал-предателям. Сибирь, впрочем, он тоже не забыл. Как-никак, он руководил ею да еще и командовал (по совместительству) Сибирским военным округом. Цитата: «Ивана Денисыча» нужно из деревни изъять. Можно было бы это сделать просто, изъять его через ГПУ, но при НЭПе с одной ЧеКа далеко не уедешь. Нужно «Ива-

М.М. Лашевич

Первое издание «Одного дня Ивана Денисовича», 1968 г.

А.И. Солженицын, лагерное фото

на Денисыча» изъять путем конкуренции, и тогда он вылетит в трубу».

Мальчику Сане Солженицыну шел в тот момент всего лишь шестой год.

Он не знал, не мог знать своей судьбы и о том, что когда-то напишет: «Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось...» («Один день Ивана Денисовича», любое издание).

Но... надуло же каким-то ветром именно «Ивана Денисовича»?..

И при проезде через наш город лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын ни «Ивана Денисовича», ни Лашевича никак не вспомнил.

Направление курса страны

«Куда идет страна — большой секрет!»

(КВН НГУ, 1988 год)

Сегодня много говорят о том, что стране необходимо определиться с новым направлением курса ее дальнейшего движения. Желательно иметь и «маяки» — подсказки с направлением для особо забывчивых.

В Новосибирске, как и во всем СССР, такие маяки были. Памятники Владимиру Ленину, который простертой рукой показывал направление тогдашнего курса. Беда была в том, что практически все памятники указывали разные направления.

Стоявший в центре города (примерно в районе нынешней Часовни) памятник Иосифу Сталину был дос-

Памятник Ленину у здания управления «Запсибзолото», 1940-е годы

таточно нехарактерным. Обычно вождь изображался в статичной, несколько задумчивой позе. Новосибирский Сталин указывал вдаль характерным «ленинским» жестом. Примерно — в район площади Калинина. Собственно, в этом направлении город и развивался вместе со строительством Красного проспекта.

Вождь, правда, простоял не очень долго. Поставленный в середине 1930-х годов, он был снесен в начале 1960-х.

Нехарактерным был и памятник Ленину, долгие годы стоявший на парадных ступеньках управления «Запсибзолото» (Красный просп., 1). Поставленный спиной к зданию, Ленин в пальто каким-то заливчатским, «приглашающим» жестом предлагал обратить внимание то ли на спуск к реке, то ли на развернувшееся за Обью строительство новых промышленных предприятий и жилых районов, глядя при этом в глубины района Октябрьского. Неприятность состояла в том, что в орбиту «приглашающего» жеста попадал и стоящий по соседству Собор Александра Невского.

Что было идеологически, конечно, абсолютно неправильно и направлением пути в светлое будущее быть никак не могло. В конце концов при очередной реставрации «Запсибзолота» памятник просто потихоньку демонтировали.

Кажется, что это был первый памятник Ленину, демонтированный не только в Новосибирске, но и вообще в стране. Хорошо, что «демонтажное» поветрие не

Памятник Ленину у входа во Дворец Труда (ныне академия водного транспорта), позже был перенесен в сквер напротив входа

стало массовым и само сошло на нет.

Но самые большие приключения выпали на долю самого первого в Новосибирске памятника Ленину. Памятника, который имеет и историческую ценность и свою, почти детективную историю. Стоит он у бывшего Дворца Труда (нынешней Академии водного транспорта).

Его автор — ленинградский скульптор Василий Козлов. Работа над скульптурой длилась три года — предстояло 10-летие Октября. Скульптуру по достоинству оценили коллеги Козлова. Ему удалось и портретное сходство, и выразительный жест простертой вперед руки. Отливали его на ленинградском заводе «Красный выборжец», специализировавшемся на изготовлении монументов.

Причем отливок было изготовлено четыре. Нет, не «про запас». Четыре аналогичных памятника было решено установить перед Смольным в Питере, во Владивостоке и Махачкале. А также в «столице красной Сибири» — Новосибирске.

В городе для памятника нашли достойное место — на парадных ступенях только что построенного Дворца Труда.

Здание в центре города выглядело просто гигантским. Во Дворце разместили краевой Совет профсоюзов, 20 его отделов и управлений, клубов совслужащих и строителей, краевой отдел труда, зал заседаний на 300 человек, профсоюзную библиотеку, комнаты для приезжих, большую столовую.

В комплекс Дворца, состоящего из нескольких зданий, вошел и кинотеатр «Пролеткино» (нынешняя «Победа»), рассчитанный на 800 человек. На постаменте на высокой парадной лестнице и был установлен памятник Ленину, брат-близнец «смольнинского». На

фасаде — огромного размера ленинская цитата «Профсоюзы — школа коммунизма». Причем в Ленинграде перед Смольным памятник установлен 6 ноября 1927 года, в Новосибирске — 7 ноября того же года.

«Советская Сибирь» писала: «7 ноября ровно в 9 часов утра залп из пушки известил население о празднике. Вслед за выстрелом раздалась гудки фабрик, заводов, паровозов и пароходов.

...Высоко над Дворцом Труда взвился бумажный змей с надписью «10 лет Октября». Красноармеец снял покрывало с фигуры Ленина. Над площадью прокатилось мощное «Ура!» Все участники митинга сняли шапки, оркестр исполнил «Интернационал».

Двух с половиной метровый памятник установили на постамент на ступенях, спиной ко входу.

Так что указующий жест ленинской руки был направлен куда-то в район ул. Урицкого. И это направление опять-таки не совпало с «устремлениями» остальных монументов вождя. Больше того — не совпало оно позднее и с направлением, которое указывал памятник Сталину на Красном проспекте.

Шутить, правда, на эту тему никто не рисковал — вре-

мена были не те.

История памятника на этом не кончилась. В 1936 году, при реконструкции Дворца Труда памятник перенесли на новый постамент в сквер напротив. И... развернули его при этом на 180 градусов.

Направление жеста, понятно, кардинально изменилось. Зато оно стало практически полностью совпадать с направлением жеста Сталина на Красном. Вожди, таким образом, восстановили единство взглядов, куда дальше идти стране и городу. Ну, а с исчезновением памятника Сталину направление остался указывать только один вождь. Удивительно, но этот памятник, который действительно является историческим, так и не удостоился у депутатов выделения средств на реконструкцию. А жаль.

...Вытянутая вперед и вверх рука Ленина сыграла с городом еще одну злую шутку. А заодно — со всей страной. Теперь уже накануне 100-летия Ленина в 1970 году.

В 1967 году праздновали 50-летие Октября. В рамках празднования в том числе выпустили подборку юбилейных монет. Очень симпатичных. Но прошло короткое время, и в Москве схватились за голову от докладов из регионов «по идеологической линии». На рубле и пол-

Ул. Щетинкина, 33. Дворец Труда, начало 1930-х годов. В 1936 г. здание надстроили на два этажа (ныне — Новосибирская государственная академия водного транспорта)

тиннике была фигура Ленина все с той же вытянутой рукой. По всей стране эти монеты сразу получили ласковое название «Ленинским курсом».

Дело в том, что на монете, приложенной к наручным часам, рука абсолютно точно указывала на 11 часов. Время открытия винно-водочных отделов в продуктовых магазинах. И ведь эскизы прошли все инстанции, все согласования! А вот же...

Монеты изымать не стали — это было бы уже полным анекдотом. Но в рамках подготовки к 100-летию скульпторам было настоятельно рекомендовано избегать при подготовке новых монументов сюжетов с вытянутой рукой.

В итоге Новосибирск получил скульптурную группу, которая стоит на площади Ленина. Руки Ленина — под пальто и он просто задумчиво смотрит вдаль.

И все-таки хочется порой иметь нечто вроде маяка, с которым можно было сверяться — а туда ли мы идем?

Не сбились ли, часом, с курса?

Сказка о сказке

Вот и еще одно подтверждение тому, что наш город зачастую ведет себя как подросток. Не хватает реальных событий в биографии — придумывает сказки.

Но ведь какая странная вещь — это в западных сказках богатые принцы расколдовывали дурнушек и женились на них. В российских сказках безродные «иванушки-дурачки» все больше предпочитали богатых принцесс.

Ну, какие могли быть сказки-легенды в Советском Союзе? Никаких. А две — было, и обе в мечтах о «тамошней» жизни. Первая — это, конечно, Владимир Высоцкий и Марина Влади. «Звездный брак», давший поэту «открытую визу» на все континенты. Хотя, положив руку на сердце, Высоцкий и до Влади, и несмотря на Влади был Высоцким...

Была своя легенда и у Новосибирска. О новосибирс-

Сергей Каузов и Кристина Онассис, свадебное фото

ком пацаненке, ставшем миллионером, женившись на богатой принцессе. Сказки разные, но обе очень «советские». Многим хотелось на себе проверить, что место в очереди за колбасой по талонам — не самое большое счастье, и на карте мира кроме пресловутой «одной шестой» имеется еще пять шестых.

...Семью ответственных технических сотрудников «Мосфильма» Каузовых эвакуировали в 1941 г. из осажденной Москвы в Новосибирск одними из первых. Здесь и родился в конце года сын, которого назвали Сережей. Мальчик как мальчик — пеленки, сопли, слезы. Семья задержалась в Новосибирске после Победы — то ли на беду, то ли на счастье. В шесть лет, когда маленький Сережа смотрел на дворовый хоккей, ему выбило глаз случайно отлетевшей шайбой. Глаз вытек. Но папа Сергея был не только (и не столько) «техническим сотрудником «Мосфильма».

Поэтому мальчику срочно сделали операцию и поставили глазной протез («стеклянный глаз»). Мальчик успел поугагать своих сверстников игрой «А я вот сейчас глазик выму!» И — вынимал. Дети — разбегались. Одноглазых инвалидов войны они много видели, а вот такого — нет.

Семья вернулась в Москву, Сережа пошел в престижную школу. Здесь дорогим «стеклянным глазом» никого нельзя было удивить. В одном классе с ним училось несколько таких же парней. Детские глаза не щадили ни немецкие бомбардировки Москвы, ни новосибирские хоккейные шайбы.

А в это же время, за сотни километров, в Марселе, бродячая цыганка гадала «на судьбу» маленькой гречанке Крестине. Предсказание вышло странным — дескать, счастье ей составит одноглазый русский из Сибири. Папа Крестины, Аристотель, услышав это, долго смеялся.

Шла «холодная война», ежедневно грозившая превратиться в «горячую», и представить себе появление рядом с дочкой какого-то одноглазого русского папа просто не мог. Дав цыганке сто долларов, папа с дочкой вернулись на яхту, на которой и приплыли в Марсель. Хорошая была яхта, размером с круизный лайнер. На ней Кристина жила, на ней и родилась. Получив папину фамилию — Онасис.

Да-да, тот самый греческий мультимиллионер, владелец огромного торгового флота — компании «Олимпик Морити» Аристотель Онасис. Понятно, что в качестве достойной партии для наследницы папа если о ком-то и мечтал, то не об одноглазых сибиряках.

...Сережа учился хорошо, показывая явные способности к иностранным языкам. Так что по окончании школы папина протекция для поступления в Институт иностранных языков практически не понадобилась.

А после института не пришлось ломать голову с распределением — способного и контактного молодого человека еще до вручения диплома заметили специалисты из компании «Совфрахт». Эта советская компания вела внешнеторговую деятельность за рубежом, размещая заказы на перевозку советских товаров на западных судах. Сергей был прекрасный сотрудник, хорошо знал нормы международного права и был «переговорщиком», как говорится, от Бога. Про него говорили, что «Каузов подпишет контракт с самым уп-

Кинотеатр «Победа», 1960-е годы

рямым партнером на самых выгодных условиях». К середине семидесятых он был одним из немногих сотрудников «Совфрахта», кому было оказано высочайшее доверие — в одиночку, без сопровождения, выезжать для подписания контрактов за рубеж. Фактически Каузов подписывал соглашения от имени СССР.

В очередной командировке в Париж ему необходимо было вести переговоры с совладелецей «Олимпик Морити» Кристиной Онассис. Каузову доверял СССР, а ей — папа. Посольство, как положено, заказало Каузову номер в отеле на три дня, он, как положено, два дня ходил «отмечаться» в посольстве и докладывать о ходе переговоров. Потом — исчез.

В посольстве забеспокоились через сутки, когда из отеля запросили, продлевать ли номер жильцу, который отсутствует? Номер не продлили, вещи Каузова перевезли в посольство, осмотрели — ни записки, ни намека. Посольские были в тихой панике — что сообщать в Москву? Где ответственный сотрудник и где контракт?

Каузов и Кристина нашли на следующий день. Практически все западные газеты напечатали фотографии с фестиваля в Рио-де-Жанейро, изображавшие Кристину с ее новым русским бойфрендом. Фамилию, правда, сначала переврали, но получилось символически: «m-r Kazusov». Казус, действительно, вышел еще тот!

В Москву пошло срочное сообщение о невозвращенце, о срыве контракта. А еще через сутки «m-r Kazusov» сам явился в посольство и сообщил обалдевшему дежурному, что ему срочно надо переговорить с послом. Разговаривали около часа, за это время служба безопасности посольства подготовила двух сопровождающих и заказала три билета на ближайший рейс на Москву.

Процедура была отработана — укол под лопатку, и неудачливый невозвращенец идет на посадку в самолет с помощью своих «друзей». Французы уже насмотрелись на русских командировочных, и вопросов не задавали — ну, перебрал человек!

Каузов вышел вместе с послом, и последний сказал: «Заказ на билеты для вас снят. Проводите его только до самолета». Каузов пошел к выходу, в воздухе повисло недоумение: «Но инструкция...» «Не тот случай! Этот идет от сэконобил нам 4 миллиона долларов и сам хочет лететь в Москву! А там — его встретят».

В столице Каузова действительно встретили у трапа, привезли на Лубянку. В ходе допроса обалдели сна-

чала сотрудники КГБ, а потом и председатель Комитета Юрий Андропов, которому «недоперебежчик» повторил все и показал контракт. Рассказ начался словами «Я влюбился, а Кристина хочет за меня замуж». Контракт был суперльготный — суммы выплат снижены на 4 миллиона, предоставлена рассрочка по платежам, прочие льготы.

...Каузов продолжал сидеть в Лефортово, а в Кремле собралось Политбюро во главе с Брежневым для решения столь непривычного вопроса — «О любви». Дело в том, что Каузов получал возможность влиять на Кристину и стареющего Аристотеля, а в случае рождения наследника ему бы отходил третий по величине торгово-транспортный флот в мире.

Любовь решили разрешить, но с несколькими условиями — жить будут в Москве, а «Олимпик Морити» предоставит свои суда для перевозки советских грузов в Африку, в том числе — и «деликатных». Имелось ввиду оружие. В Анголе, Мозамбике, Эфиопии шла война, и «борцам за светлое будущее черного континента» требовались не только тракторы и продовольствие.

Кристина прилетела в Москву, все условия были приняты. В суматохе как-то забыли, что Каузов уже женат и у него шестилетняя дочь.

Не знаю, как жила семья Каузовых, но после сообщения о покупке Кристиной на имя супруги трехкомнатной «кооперативки», новеньких «Жигулей», вручения сберкнижки на 10 тысяч рублей, назначения дочери выплаты по 500 рублей в месяц до совершеннолетия... После этого супруга признала себя «бывшей».

«Молодым» дали две двухкомнатные квартиры в престижном доме в переулке Безбожников (сейчас ему вернули прежнее название — Протопоповский), и все сначала было хорошо. Папа прислал дочке белый «Мерседес» — она просила «что-нибудь неброское». Это был второй «мерс» в Москве — на первом ездил Высоцкий.

На «мерсе» Кристина, прилично выучившая русский язык, ездила на рынки за продуктами. Ей нравилась Москва — здесь можно было безопасно гулять даже по ночам. И все бы хорошо, но... уложились «сказка о любви» всего в 16 месяцев. Сергей в какой-то момент понял, что он для всех прекратил быть собой — только «мужем Онассис». А Кристине стало просто скучно. Им не разрешили даже поездку в Новосибирск — «режимный» тогда город.

Какие тайны она могла увидеть? Облюбованный ал-

кашами третий подъезд дома, в котором когда-то жил Сережа? Не помогли и новости от папы — он успел жениться на Жаклин Кеннеди, а затем — умереть. Так что некоторое время «приемной тещей» новосибирского пацана была вдова президента США Джона Кеннеди.

...Сломалось что-то, кончилась сказка. По бракоразводному процессу Сергею в личную собственность достались два гигантских танкера и пожизненный пост управляющего одного из филиалов компании Онассисов с миллионным окладом и правом получения 4 процентов от прибылей всей компании. Далась ему эта цифра 4! Может, в память о первом контракте с Кристиной?

А по Москве гуляли записи новой песни Высоцкого — «Лекция о международном положении, прочитанная посаженным в камеру на 15 суток за мелкое хулиганство своим собратям»:

*Успехи наши — трудно вчетвером нести,
Но каждый — коренаст и голенаст.
Ведь воспитали мы, без ложной скромности,
Наследника Онассиса у нас!*

*Следите за больными и умершими:
Уйдет вдова Онассиса — Жаки!
Я буду мил и смел с миллиардерами,
Лишь дайте только волю, мужики!*

«Волю» Сергей Каузов получил, подписав кабальный контракт с «Совфрахтом» на провоз управляемым им филиалом «Олимпик Морити» советских грузов. Сейчас он — миллионер, живет на Западе, много путешествует и в Новосибирск приехать больше не пытался. Кристина умерла от сердечного приступа через год после развода.

Хорошая получилась сказка!

Чего только не намешано в ней — Андропов, Брежнев, Кеннеди, Онассис, Высоцкий, миллионы, яхты, танкеры. И — любовь. А началось все во дворе одного новосибирского дома почти семь десятилетий года назад.

Мне называли целых три адреса, где жили Каузовы, — на Урицкого, на Красном проспекте и на Чапыгина. Я знаю точно этот дом и этот двор, но не знаю его адрес.

Дом — есть. А сказка пусть останется сказкой.

Пропавшая легенда в нестандартной таре

В одной из легенд нашего Новосибирска оказалось смешано многое — руководители США и руководители СССР, декалитры водки и мегатонны ядерных зарядов, секретные переговоры и кухонные посиделки. А еще — налет недоговоренностей и предположений.

Ну а что, собственно, еще надо для полноценной легенды? Особенно когда ее вещественным подтверждением служит элегантная стеклянная бутылочка 0,33 л с сине-бело-красной этикеткой?

История новосибирской пепси-колы, «нездешнего» напитка, внезапно возникшего в Новосибирске в 1980-х, тесно связана с именем вице-президента, а затем и президента США Ричарда Никсона.

Вообще в СССР пепси появилась именно благодаря ему. Хотя до сих пор все это официально преподносится как цепь случайностей.

Ну, поехал вице-президент США Никсон в СССР с визитом, а заодно и на открытие первой в Москве американской выставки в 1959 г.; ну, оказалась на выставке среди товаров, олицетворяющих современную Америку, именно пепси, а не кока-кола; ну, абсолютно случайно «пепсикольщики» не только свою, родную пепси на выставку привезли, но еще и концентрат для нее; и просто от нечего делать еще и в Москве «местную» пепси производили...

И, естественно, абсолютно случайно вице-президент США Никсон угостил на выставке в Москве первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущева не кофе, а именно пепси, да еще — для сравнения! — и «советской» пепси, и все это абсолютно случайно перед теле- и фотокамерами.

Вот как вспоминал об этом годы спустя тогдашний председатель совета директоров компании «ПепсиКо» Дональд Кендалл: «Мы приехали в Москву с Никсоном... Вечером, накануне открытия выставки, был обед в посольстве... Я признался Никсону, что у меня большие проблемы дома, и сказал: «Мне нужно, чтобы у Хрущева в руках оказалась пепси, не то мне несдобровать». Никсон ответил: «Не беспокойтесь, я подведу его к вашему киоску».

На открытии выставки Никсон выполнил обещание. Я сообщил Хрущеву, что у меня есть пепси, которую мы привезли из Соединенных Штатов, и пепси, сделанная здесь, в Москве, и предложил ему попробовать и ту, и другую, выразив уверенность, что здесь мы можем делать пепси не хуже, чем в Соединенных Штатах.

Хрущев попробовал обе и объявил: «Московская пепси-кола намного лучше, чем та, что сделана в Нью-Йорке».

И стал предлагать московскую пепси окружающим со словами: «Вот хорошая пепси-кола». Фотографии первого глотка пепси, сделанного Хрущевым, получились потрясающими. Вы только взгляните на лица — какая буря разнообразных эмоций! Хрущев сосредоточен и собран, как пловец перед прыжком в ледяную воду, но полон решимости; Никсон в откровенном смятении — не случилось бы, не дай Бог, чего; Ворошилов, наотрез отказавшийся пить пепси, с ледяным спокойствием смотрит на своего начальника и политического противника — а если что и случится, все к лучшему!

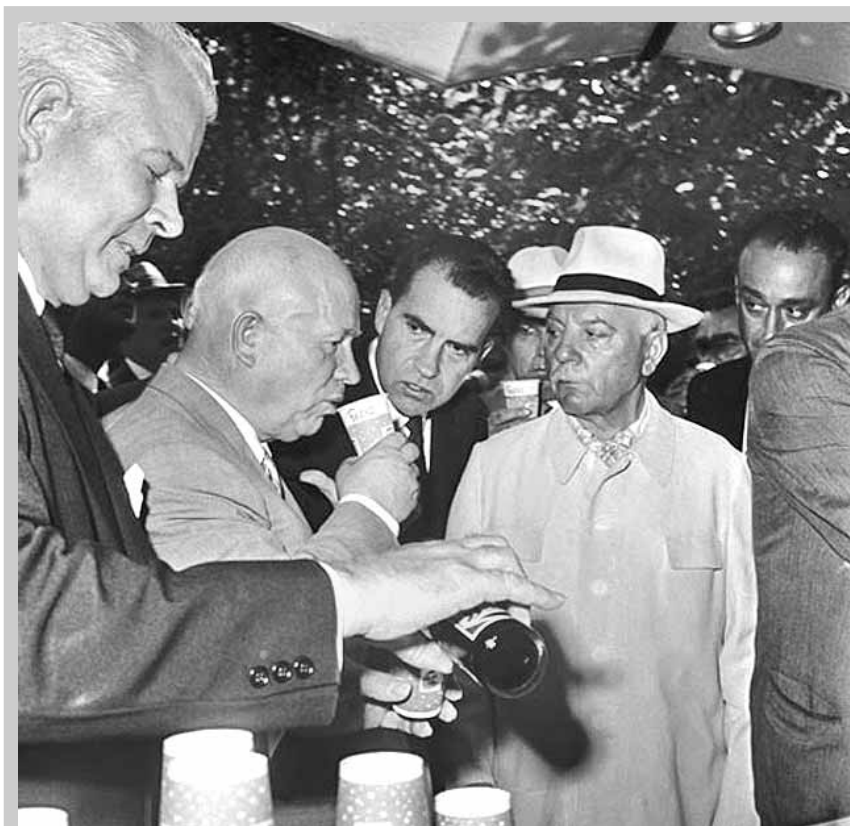
Но все — чистая случайность!

Руководитель «ПепсиКо» случайно в Москву попал, «просто так» здесь производство пепси организовал, «случайно» по-

просил американского вице-президента советского лидера пепси угостить, ну и, естественно, никто же не мог предполагать, что Хрущеву, с его постоянным лозунгом «Догнать и перегнать Америку!», «советская» пепси понравится больше американской! Действительно, кто бы мог подумать!

И фраза «пепсикольного» начальника о том, что «здесь мы можем делать пепси не хуже», вырвалась, конечно, безо всякого намека на что-либо, абсолютно «случайно».

Как, естественно, чистым совпадением был график дальнейшего посещения вице-президентом Никсоном советских городов с последующей «дислокацией» спустя годы «пепсикольных» заводов в СССР. 29 июля 1959 г. г-н Никсон посетил и Новосибирск. Пиввинкомбинат

Хрущев на глазах у Никсона дегустирует «пепси», 1959 год

в программу визита, правда, не входил — гость с супругой осмотрели ГЭС, строительство Академгородка и насладились неизменным «Лебединым озером» в Оперном. Заметим, что «пепсикольный» маршрут Никсона по СССР был согласован задолго до того, как пепси была «случайно» приглашена поучаствовать в московской выставке.

Кстати, книга «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США» (М., 1959 г.) как бы «случайно» в двух соседних предложениях объединяла определение и фамилию: «В Советский Союз участвовали визиты многочисленных дельцов под видом туристов. Совершили поездку в СССР и такие влиятельные лица, как... Ричард Никсон».

А вот то, что все эти «случайности» не вылились в массовое появление пепси в Новосибирске и в СССР вообще тогда же, в 1959 г., — действительно, чистая случайность. 1 мая 1960 г. над Свердловском был сбит американский самолет-разведчик «U-2», и вице-президент Никсон вместе со всей американской администрацией (и с пепси заодно) перешел для нас в разряд главных врагов.

Потребовалось 8 лет и победа Никсона на президентских выборах, чтобы к вопросу о «советской» пепси вернулись.

Вот ведь удивительно — Никсона не было, и о пепси в СССР никто не вспоминал. Зато «ПепсиКо» о Никсо-

не не забывало.

Как вспоминал (подчеркнутой скороговоркой) все тот же г-н Кендалл, «мы с ним (Никсоном. — А. К.) сотрудничали, когда в 1960-е годы он не занимался государственной деятельностью. Мы вместе много ездили по миру».

Он говорил: «Знаете что, давайте не будем воздвигать стену вокруг Советского Союза, давайте расшевелим его с помощью бизнеса, культурных обменов и туризма и наладим отношения».

И он сказал: «Почему бы вам не убедить бизнесменов попробовать заключить сделки с ними, чтобы начать делать дело».

Официально в это время Никсон занимался всего лишь частной юридической практикой. И «просто так» давал советы руководителю гигантской корпорации, с которым вместе «просто так» «много ездил по миру». Маршруты поездок частного юриста и бизнесмена, вероятно, «случайно», — совпадали.

Г-н Кендалл вспоминает, что проблемы «не решались до 1969 года, когда стал президентом Никсон». Нет, г-н Кендалл говорит, естественно, о стратегических проблемах взаимоотношений двух стран. Но и проблема с «советской» пепси после была решена. Попутно.

Президент США Никсон подписывал с новым советским лидером соглашения об ограничении ядерных вооружений, а г-н Кендалл с советским премьером Косы-

Линия по разливу «пепси-колы»

«Пепсикольный» автомат, 1980-е годы

гиным — договоры о том, что «ПепсиКо» получает эксклюзивные права на импорт и распространение водки «Столичная» в США. Мегатонны в обмен на декалитры.

Кроме этого, «ПепсиКо» получала права на изготовление и продажу пепси в СССР. Первый завод «советской» пепси заработал в Новороссийске в 1974 г.

Дата начала производства новосибирской пепси осталась в «нетях». Как и положено легенде — тот самый маленький момент «недоговоренности». Ее нет ни в официальной истории компании «ПепсиКо» в России, ни в «Энциклопедии «Новосибирск» (в статьях про «ВИ-НАП» и НПВК — пиввинкомбинат).

На интернет-сайте «ПепсиКо» туманно сказано, что с 1980 по 1984 гг. «продукция компании «Пепси-Кола» появилась в продаже на территории от Сибири до Украины и от Латвии до Казахстана». Не знаю, что творилось в Казахстане, а Новосибирск с появлением пепси испытал шок.

Оказалось, что кроме «поллитры» и «чекушки» есть еще и абсолютно нездешняя, похожая на ракету бутылочка по 0, 33!

И что фасовать «стеклотару» можно не в проволочные или деревянные ящики, а в нечто пластиковое, которому больше подходит непривычное название «контейнер».

Гурманы спорили, о том, что лучше по вкусу — пепси или отечественный «Байкал». Другие гурманы осваивали коктейль «Союз—Аполлон» (в честь исторической стыковки космических кораблей, решение о которой опять-таки подписывал Никсон).

Пепси и водка в равных пропорциях наливались в стакан, закрывались ладонью, и, после удара о колено, смесь выпивалась, «пока шипит». Бутылочки пепси привозились родственникам в другие города в качестве подарка.

Из соседнего Кузбасса приезжали и закупали напитков вместе с ящиками, давая продавцам и грузчикам «пятёрку» сверху (в Кузбасс тогда новосибирцы ездили затариваться курами — опять-таки легендарными «синими птицами»).

На как по команде появившиеся слухи о том, что если западным напитком, скажем, с вечера на мясо капнуть, то к утру оно сгниет, внимания не обращали («понятно, откуда ветер дует!»).

Не знаю, сколько получал и получал ли вообще Ник-

Вокзальная магистраль, 1970-е годы

сон с каждой бутылочки новосибирской пепси, но советскую власть в одном отдельно взятом Новосибирске пепси подорвало пуще джинсов, плейбоев, а также последующих горбачевых и ельциных. Потому что впервые оказалось, что еда-питье могут быть красивыми, удобными, качественными, да еще и вкусными.

Легенда ушла в легенду — вместе с «ракетными» стеклянными бутылочками, Никсоном, Хрущевым, Брежневым и пограммовым пересчетом веса мегатонных боеголовок ядерных ракет.

Любой сегодняшний напиток на легенду не потянет — куда пластику против полновесного благородного стекла...